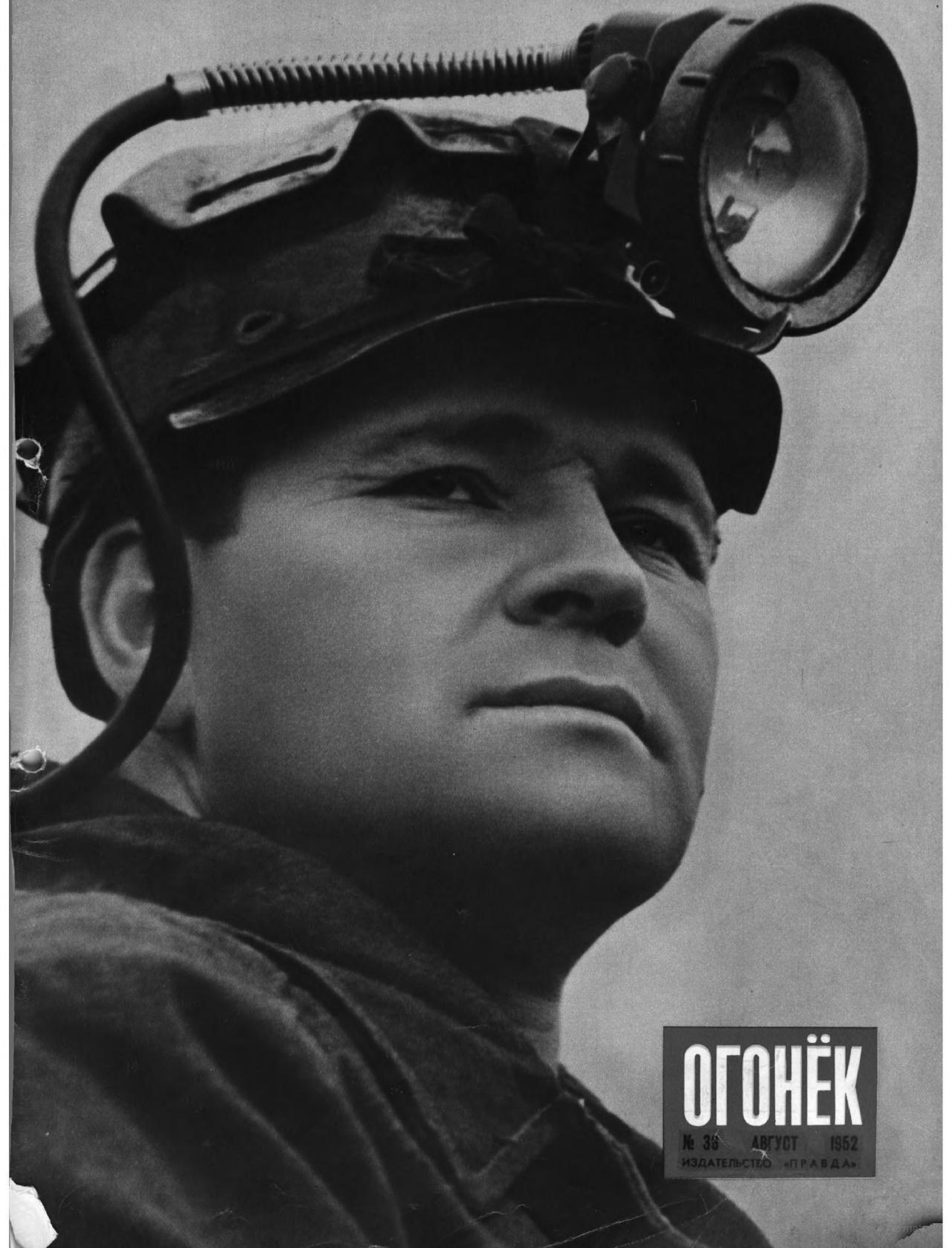

ОГОНЁК

№ 36 АВГУСТ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Недавно почетный шахтер Даниил Антонович Радкевич спустился в шахту посмотреть на изменения, которые там произошли. Даниил Антонович пятьдесят лет проработал на шахте, он награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Да! Не похожи современные угольные предприятия на прежние шахты-завалюшки.

На снимке: Д. А. Радкевич (в центре) осматривает одну из шахт треста «Чистяковантрацит». Слева — машинист электровоза И. Г. Дараган, справа — помощник машиниста угольного комбайна А. Г. Бахтурин.

На первой странице обложки: Знатный шахтер мастер скоростной проходки шахты «Маганак» комбината «Кузбассуголь» Иван Селиверстович Головин. Он дает в месяц 300—400 метров проходки главного штрека при норме 85 метров.

Фото М. Савина

На последней странице обложки: Шахтеры на отдыхе.

Фото Я. Рюмкина

ОГОНЁК

№ 36 (1317) 31 АВГУСТА 1952

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

XIX СЪЕЗД ПАРТИИ ЛЕНИНА—СТАЛИНА

5 октября 1952 года по постановлению Центрального Комитета ВКП(б) созывается очередной XIX съезд ВКП(б). Весть эта всколыхнула всех коммунистов, весь советский народ. Миллионы и миллионы людей, занятых каждодневным мирным трудом, вдохновленные предстоящим историческим событием, ощутили прилив новых творческих сил.

Перед мысленным взором каждого советского человека ныне возникает путь, пройденный партией и страной со времени XVIII съезда ВКП(б). Минувшие годы ознаменовались триумфальным шествием идей ленинизма. Под водительством великого вождя и учителя товарища Сталина советский народ одержал всемирно-исторические победы, совершил гигантский шаг по пути к коммунизму.

На XVIII съезде товарищ Сталин начертал величественную программу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Богатырские силы народа были направлены на осуществление этой сталинской программы. Задания третьей пятилетки успешно выполнялись.

Полные высокого творческого напряжения трудовые будни советских людей были прерваны вероломным нападением гитлеровских захватчиков, поддержанных мировой империалистической реакцией.

Суровые испытания выпали на долю нашего народа, нашей армии. Партия большевиков организовала и вдохновила всенародную борьбу против фашистской агрессии. Коварные планы интервентов были сорваны. Великая Отечественная война продемонстрировала непреоборимую мощь советского общественного и государственного строя. Советский народ разгромил злейших врагов демократии и социализма, отстоял свои величайшие завоевания, спас человечество от угрозы фашистского порабощения. С братской помощью Советского Союза народы многих стран освободились от империалистического гнета и строят сегодня новую, социалистическую жизнь, без эксплуататоров и угнетателей.

Послевоенные годы стали периодом невиданного по масштабам созидательного труда. Вся Советская страна превратилась в грандиозную строительную площадку. Единодушный отклик нашел в народе призыв товарища Сталина в кратчайший срок восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства, а затем превзойти этот уровень. Из руин поднимались обновленные заводы, фабрики, шахты, на исполосованных войной полях вновь заколосились колхозные нивы. К концу первой послевоенной пятилетки советский народ мог с гордостью подвести итоги своего титанического труда.

Новую блистательную страницу в истории нашего Отечества открыл советский народ, приступив к сооружению гигантских электростанций, величественных каналов и оросительных систем, к посадке необозримых лесных полос. По сталинскому плану началось преобразование природы, вынужденной покориться большевистской воле. Провозвестником будущих побед явился первенец великих строек коммунизма — Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина, в котором смешались воды двух могучих русских рек.

«Ныне,— говорится в проекте текста измененного Устава партии,— главные задачи Коммунистической партии Советского Союза состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму, непрерывно повышать материальный и культурный уровень общества, воспитывать членов общества в духе интернационализма и установления братских связей с трудящимися всех стран, всемерно укреплять активную оборону Советской Родины от агрессивных действий ее врагов».

Выполнению этих исторических задач будет служить и пятый пятилетний план развития СССР. В проекте директив XIX съезда партии говорится, что этот план продемонстрирует перед всем миром великую жизненную силу социализма, коренные преимущества социалистического хозяйства перед капиталистической системой.

«Мирное развитие советской экономики, намечаемое пятилетним планом,— указывается в проекте директив,— противостоит экономике капиталистических стран, идущих по пути милитаризации народного хозяйства, получения наивысших прибылей для капиталистов и дальнейшего обнищания трудящихся».

Мирный, созидательный труд — основа пятого пятилетнего плана, как и всего нашего социалистического строительства.

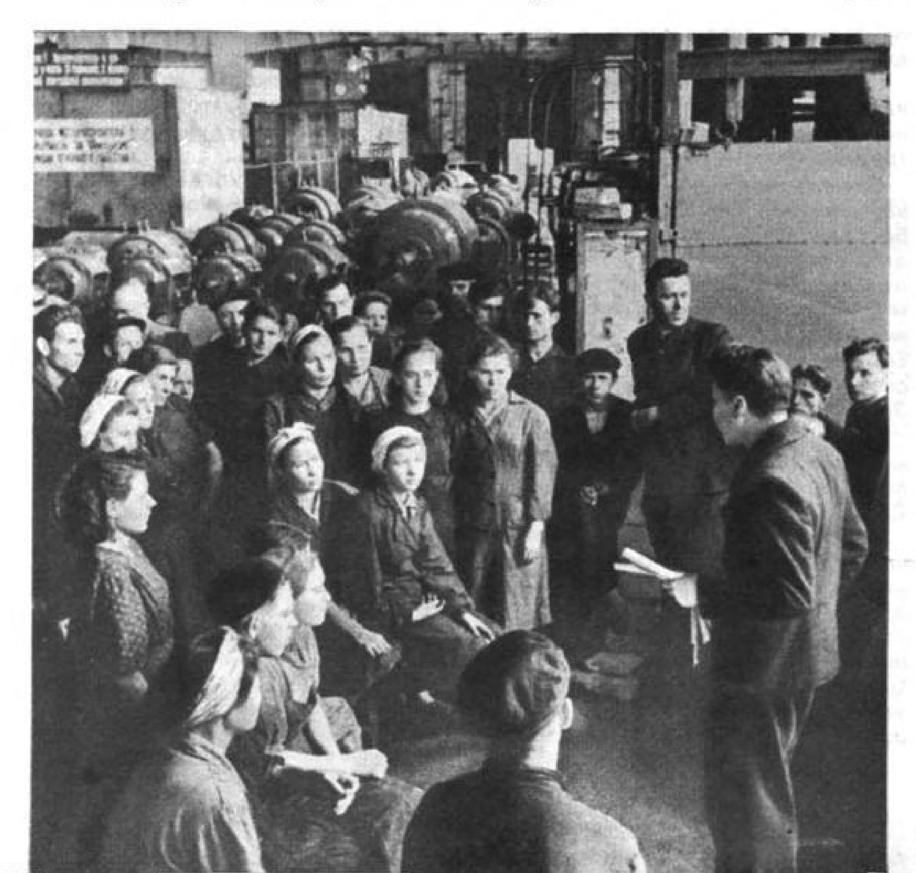
Наши планы пронизаны заботой о человеке, каждый наш шаг направлен на благо народных масс. Совсем иные, противоположные задачи ставят перед собой заправилы лагеря капитализма, где идет бешеная гонка вооружений, свертывается гражданское строительство, где миллионы людей не находят применения своим знаниям и умению, обрекаются на нищету и голод. С надеждой и любовью взирает на Советскую страну трудовое человечество. Воодушевленные великим примером СССР, активно борются за мир вставшие на путь социализма народы Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Албании. Новую, светлую жизнь строит сбросивший тяжкий гнет империализма свободный китайский народ. Поворотным пунктом в истории Европы явилось образование Германской Демократической Республики.

Неиссякаемая энергия и кипучая активность советских людей гарантируют, что новые грандиозные задачи, выдвинутые перед нашей страной, будут полностью осуществлены. Творческие усилия народа возглавляет коммунистическая партия, располагающая замечательными кадрами, воспитанными в духе ответственности, в духе большевистской требовательности, смелой критики и самокритики. Эти кадры вооружены решениями партии по идеологическим вопросам. Они выполняли и будут выполнять обязанности, возлагаемые на них высокой честью пребывания в рядах коммунистической партии.

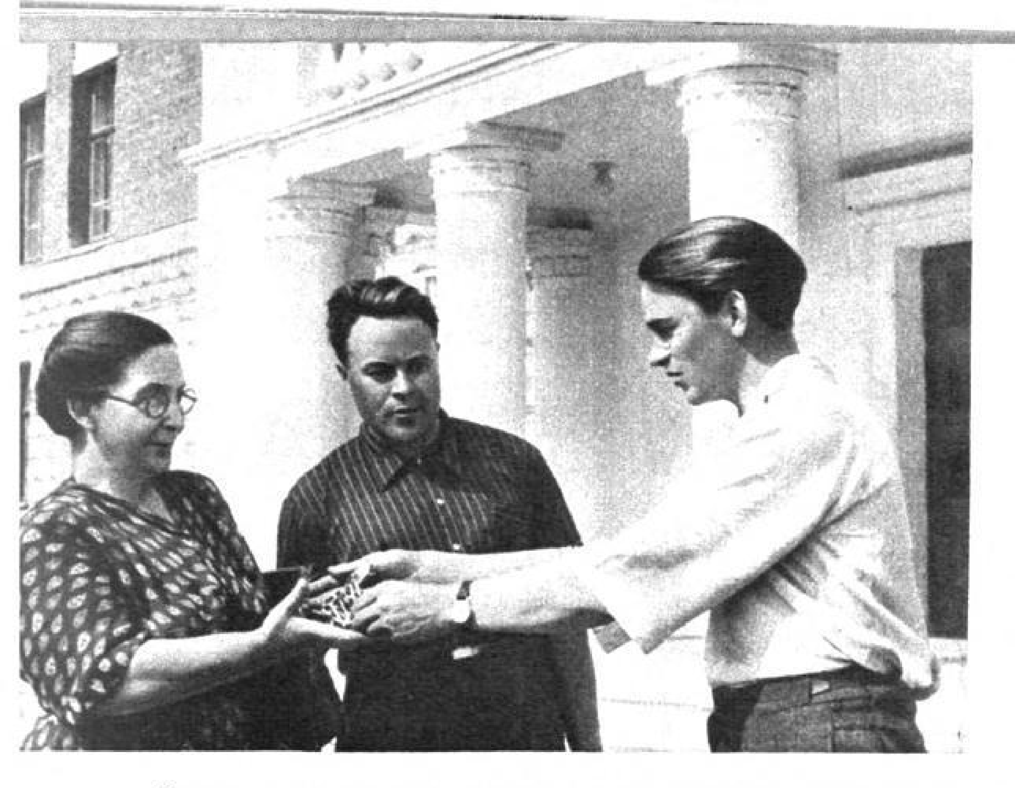
Все коммунисты, все трудящиеся городов и сел нашей необъятной Родины в честь XIX съезда ВКП(б) добиваются новых успехов, отмечают знаменательное событие в жизни партии и страны новым подъемом всенародного социалистического соревнования. Проникнутый безграничным доверием и пламенной любовью к родной партии, к мудрому вождю и учителю товарищу Сталину, советский народ хорошо знает, что XIX съезд явится крупнейшей исторической вехой по пути к полному торжеству коммунизма.

Миллионы советских людей знакомятся с документами ЦК ВКП(б) к XIX съезду ВКП(б). На снимках (слева направо): на московском заводе имени Владимира Ильича старший мастер В. Я. Палагин проводит беседу с рабочими моторосборочного цеха; парторг колхоза «Борец», Дмитровского района, Московской области, И. Г. Мягков беседует о съезде в звене Героя Социалистического Труда М. Е. Ляминой (третья справа).

Фото А. Гостева и Б. Кузьмина

В этом году много школ построила наша страна для своих маленьких граждан.
На снимке: главный вход в одну из них. Молодой инженер Я. И. Грачев передает ключи от построенной школы директору Л. П. Казанцевой и заведующему учебной частью Е. К. Романенко.

Фото О. Кнорринга

В ПЕРВЫЙ РАЗ

Яков Иванович Грачев этой весной защитил диплом в строительном институте Мосгорисполкома. Еще студентом он много думал о своей первой работе. Что он построит в первый раз? Может быть, это будет жилой дом, может быть, больница, а могут послать и на строительство высотного здания. Всюду почетна работа строителя.

В Москве, на Октябрьском поле, выросли жилые корпуса. Их заселили москвичи. Появились дома, неизбежно должна появиться и школа. На ее строительство и был послан молодой специалист Яков Грачев.

Две недели назад, передавая ключи от прекрасного здания новым хозяевам, он сказал: «Я счастлив, что моей первой самостоятельной работой была именно школа».

Незадолго до окончания отделочных работ Яков Иванович заметил, что по строительной площадке ходит незнакомая девушка, придирчиво, по-хозяйски, осматривая дом.

— Что вы здесь делаете? — осведомился Яков Иванович.

— Смотрю. Вы построили да ушли, а мне здесь начинать учительствовать... Этой весной я диплом получила...

Кажется, совсем недавно Наташа Серкина, теперь уже Наталья Ефимовна, получила направление, и в институте ей сказали: «Пойдете работать в новую школу».

На другой же день молодая учительница захотела посмотреть здание, где ей предстоит начинать трудовую жизнь. Директор школы Лидия Павловна Казанцева была на месте. Опытный педагог и молодая учительница познакомились.

— Вы будете вести первый класс,— сказала Лидия Павловна.

Получив список своих будущих учеников, молодая учительница решила познакомиться с ними. С большим волнением она постучала в дверь квартиры, где живет знакомый только по списку Витя Демченко.

— Войдите, — пригласили ее.

...Витя Демченко еще за две недели начал собираться в школу.

Когда Витя шалил, родители говорили:

— Если будешь в школе так баловаться, учительница рассердится.

Витя никак не мог представить, какой же будет эта его учительница, сердитая тетя.

— Витя Демченко? Здравствуй, я твоя учительница, меня зовут Наталья Ефимовна. Ну, как готовишься к первому сентября?

Сначала Витя попытался было просто сбежать, но глаза учительницы смотрели ласково, почти как у мамы. Вскоре Витя и Наталья Ефимовна мирно беседовали.

Завтра они снова встретятся.

В. СОЛОУХИН

Опытный педагог и молодая учительница познакомились. На снимке: директор школы № 703 Л. П. Казанцева и Н. Е. Серкина.

РОВЕСНИК

З. ХИРЕН

1

Весь этот августовский день мы провели на знакомом еще с войны перекрестке Минского шоссе, и все время возле скульптуры девушки со связанными руками были люди.

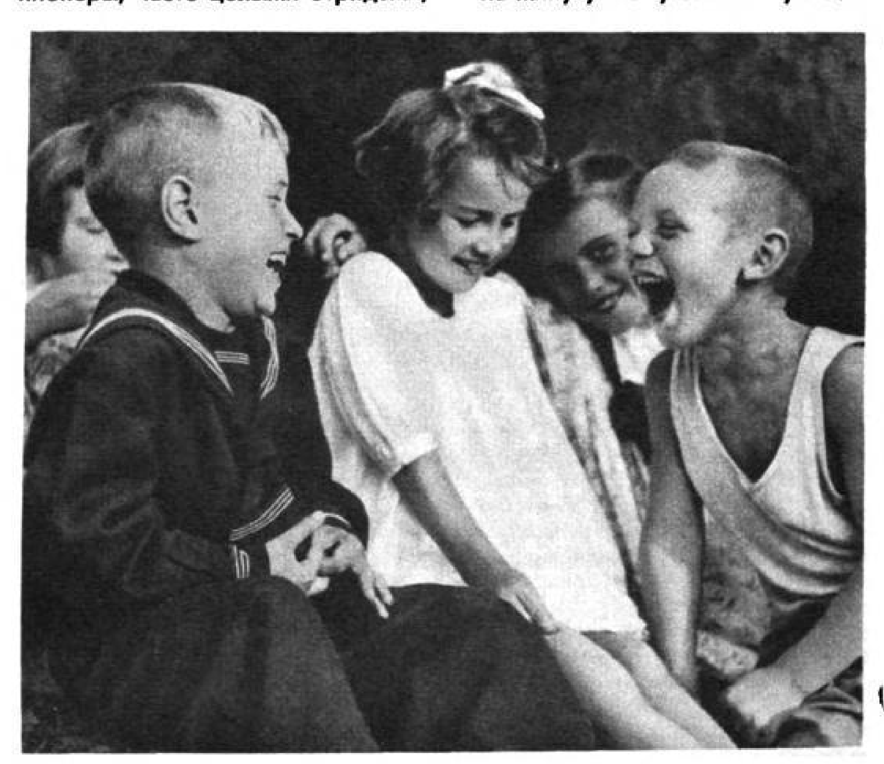
По шоссе беспрестанно неслись машины. Достигнув перекрестка, они останавливались. Пассажиры вместе с шоферами шли к памятнику. Подняв высоко голову, девушка гордо смотрела в сторону Москвы. Одно-единственное слово начертано на постаменте:

ЗОЯ.

К памятнику подходили такие же, как и Зоя, юные комсомолки, пионеры, часто целыми отрядами, с Зоей своими сокровенными мыслями.

Вокруг на десятки километров раскинулись живописнейшие подмосковные леса, рощи, поляны. Район этот, словно в память о героине, почти целиком отдан детворе. Здесь множество пионерских лагерей. Из лесов, по которым в холодные ноябрьские ночи 1941 года Зоя пробиралась в тыл врага, сейчас слышатся. песни, раздаются звуки пионерского горна.

Мы смотрим на чистое августовское небо и вспоминаем, как тесно в нем бывало от самолетов в ту грозную зиму. Одно воздушное сражение сменялось другим. Ни на минуту не умолкал гул мото-

Завтра они сядут за парты.

Фото В. Евграфова

пожилые люди. Молча стояли они, пристально вглядываясь в лицо девушки.

Цветов принесено столько, что каждый новый букет поместить у подножья удавалось с большим трудом.

Отсюда недалеко до Петрищева, деревни, где Зоя совершила бессмертный подвиг. Нет такого дня, чтобы и туда не приходили отряды пионеров. С развернутыми красными знаменами останавливаются они у зеленой ограды. Там, на гранитном обелиске, высечены слова, произнесенные Зоей перед казнью:

«Мне не страшно умирать, товарищи! Это счастье — умереть за свой народ! Прощайте, товарищи! С нами Сталин! Сталин придет!»

Напротив обелиска, в небольшой крестьянской избе, которую все здесь называют уголком Зои, лежат толстые книги в красных коленкоровых переплетах. Страницы этих книг исписаны руками многих сотен людей. Здесь есть и записи посланцев Китая, стран народной демократии. Все делятся

ров, треск авиационных пушек и пулеметов. На шоссе образовались воронки, в которых свободно умещались легковые автомашины. Там, где сейчас автобусная остановка, стояли орудия. Били прямой наводкой.

...К концу дня, когда жара начала спадать, на перекрестке появилась группка малышей. Они направлялись к памятнику с букетами цветов. Многих из них матери вели за руку. Это были дети рабочих Дороховского стекольного завода, что всего лишь в двух километрах отсюда. Всем им предстояло в этом году впервые переступить порог школы, и, по сложившейся традиции, перед тем, как сесть за парты, они пришли отдать священные почести героине.

2

Будущие первоклассники... Они не расстались еще с детским садом, а их имена и фамилии уже известны в поселковом совете, записаны у директора средней школы, о них говорят в завкоме, в комсомольском комитете. Мож-

И ПОБЕДЫ

но не сомневаться в том, что все эти дети сядут в срок за свои парты.

Эти ребята выросли в мирные годы, и когда отцы и матери говорят о них, то вспоминают о том, как складывалась после войны их собственная жизнь. После войны от стекольного завода осталась одна лишь труба. Как только отогнали врага от Дорохова, начали складывать новые печи.

— Наша Валя, — сказал один из рабочих,— родилась в день, когда завод возобновил механизированную выработку стекла.

— В старое время хозяева стекольного завода тоже вели строгий учет детей,— усмехается председатель завкома Михаил Иванович Бурзин,— но цель у них была другая: ребят с малых лет ставили к стеклодувным печам. Это была самая дешевая рабочая сила. Часто родителей нанимали на работу в зависимости от того, сколько детей приведут они с собой на завод.

...Вчера, когда мы возвращались в поселок, на крыльце домика работницы Зинаиды Соловьевой сидела худенькая смуглая девушка. Это была Неля Драко — секретарь комсомольского комитета завода. Отец ее работает шофером. Сама она учетчица цеха.

Вместе с матерью и бабушкой белобрысого мальчугана Вити, будущего первоклассника, Неля обсуждала, все ли в семье приготовлено к началу занятий. У мальчика нет отца, а заводская общественность о таких детях постоянно заботится. Если нужно, им покупают обувь, одежду, учебные принадлежности.

— Покажите мне, где Витя будет готовить уроки, — попросила Неля.

От Соловьевых секретарь комсомольского комитета направилась к Новиковым. Она слышала, что жена водопроводчика Новикова, Варвара Алексеевна, решила в этом году не посылать свою семилетнюю девочку в школу.

— Уж очень она у нас маленькая, пусть годочек подрастет, — объясняла мать.

Неля решила обязательно побывать в этой семье и переубедить Варвару Алексеевну.

Такими «семейными» делами заводская общественность занимается круглый год. На заседания завкома вызывают родителей неуспевающих учеников. Здесь принято считать: двойка в табеле твоего сына — это и твоя двойка.

На таких заседаниях присутствуют директор школы, пионервожатый, члены комсомольского комитета, родители.

Когда Неля выходила от Новиковых, ей навстречу попалась заведующая детским садом Анна Панкратовна. В свое время и Неля воспитывалась у нее в детском саду. Впрочем, немало бывших воспитанниц этого сада можно встретить среди матерей нынешних первоклассников.

— Я могу считать себя бабушкой, — шутит заведующая детским садом.

Неля советуется с Анной Панкратовной, в какую семью еще следует зайти.

3

В партийном комитете завода было много родителей. Происходило совещание, посвященное началу учебного года. Директор средней школы Федор Павлович Сивцов сообщил об окончании строительства нового здания школы. Кто тут бывал во время подмосковных боев, помнит, как часто близ здания школы завязывались ожесточенные схватки с врагом. Школа сильно пострадала от войны. Ее часто ремонтировали, и все же на одной из ее стен и поныне видны следы от осколков снарядов и бомб.

Переезд в новое здание... У всех веселое настроение. Учителя советуются между собой, как разместить ребят, как лучше оборудовать кабинеты. На дворе стоят новые парты, новые классные доски; все это сейчас начнут вносить в дом. И это тоже радует. Создаются биологический кабинет, лаборатории; специальная комната отведена для пионерской работы. Теперь вместо двадцати пяти классов будет тридцать один.

Они пришли отдать священные почести героине.

Директор сообщает, что недавно получено письмо из московского института, в котором учатся выпускники Дороховской школы. Москвичи благодарят дороховцев за хорошую подготовку ребят. В нынешнем году пятеро окончили школу с серебряными медалями и уже приняты в высшие учебные заведения.

— Мало, мало! — замечает с места старый мастер.

— В новой школе их будет больше, — успокаивает его соседка.

Тут же сидит Варвара Алексеевна Новикова, у которой вчера была Неля. Новиковы хотели задержать свою младшенькую хоть еще на один год дома, да потом передумали. Говоря об этом, мать смотрит на комсомольского секретаря, а та одобрительно улыбается.

Петр Георгиевич Грибанов работает на заводе больше двадцати лет. Его волнует главным образом хозяйственное обеспечение будущей первоклассницы:

— Что бы там ни говорили, а ребенка первым долгом нужно одеть. Форму мы с женой решили покупать готовую. Как раз на днях я иду в отпуск и всем этим займусь. И вот еще что: нужно нам, родителям первоклассников, хорошенько осмотреть свои квартиры. Если требуется ремонт, начать его немедля, чтобы потом ребенку не мешать заниматься. Портфель для учебников следует приберечь, иначе набьют его куклами да игрушками.

Конечно, отцу хочется сказать и несколько слов о необыкновенных способностях своей дочки. Память у нее удивительная...

Дети здесь действительно способные. Большинство будущих первоклассников уже до школы научилось читать, рисовать.

Всем приятно поговорить о школьных делах. Кто-то из женщин вспоминает, как во время войны она где-то в Чкаловской области смотрела кинохронику об освобождении родного Дорохова и как плакала, увидев вместо поселка и школы руины. Коммунист Кузьмичев участвовал в боях за освобождение Дорохова. Он был сапером и входил сюда, когда по улицам еще бегали факельщики.

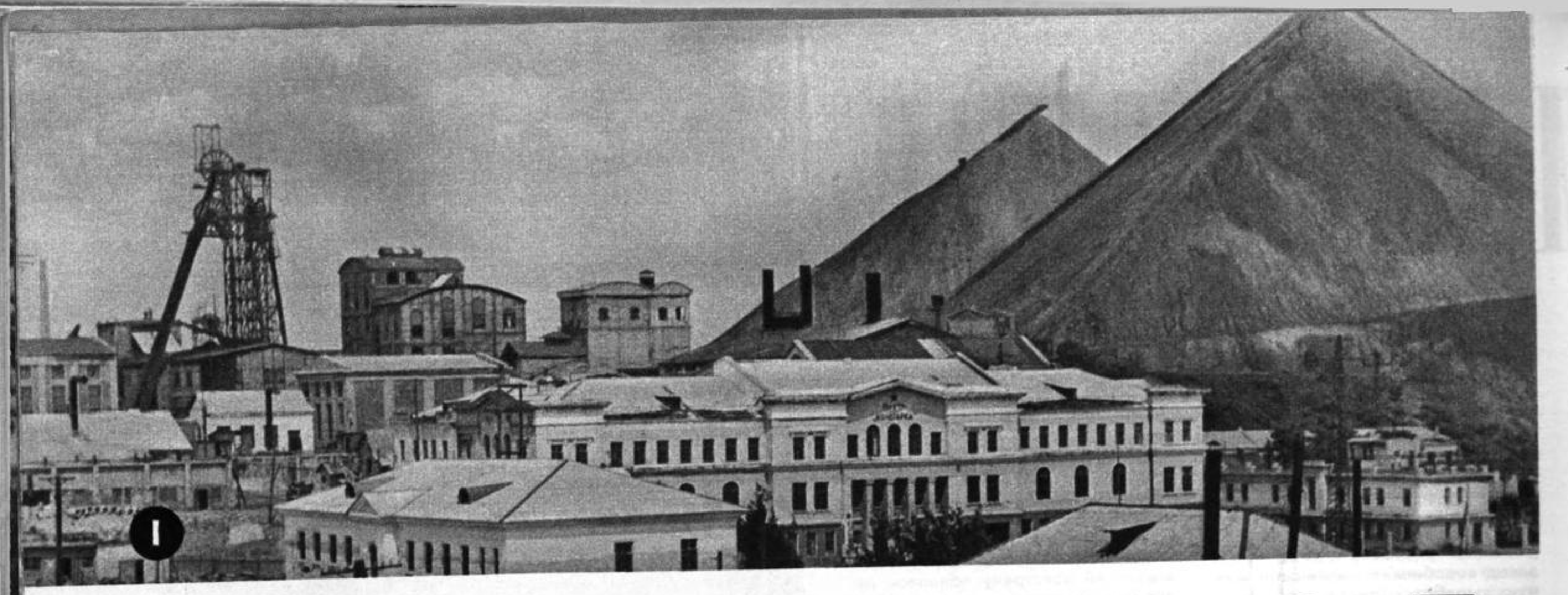
Завод давно уж восстановлен, за это время построили много новых домов. И вот детвора получила в нынешнем году новую школу. В нее пойдут учиться дети, не видевшие войны,— дети 1945 года рождения.

— Ровесники победы, — тихо произносит Неля.

И вновь встает образ девушки, которая всего лишь в нескольких километрах отсюда отдала жизнь ради счастья этих людей.

Вместе с матерью и бабушкой белобрысого мальчугана Вити, будущего первоклассника, Неля обсуждала, все ли в семье приготовлено к началу занятий.

1

В ДОНБАССЕ

Б. ГОРБАТОВ

Фото Я. Рюмкина

2

Дайте вашу руку, товарищ читатель! Хотите отправиться в небольшое путешествие? Впереди нас «пойдет» фотоаппарат, за ним — мы с вами. Мы направимся не в Кара-Кумы, не за Полярный круг, не на охоту за китами в далекую Антарктику. На этот раз фотоаппарат поведет нас в глубь земли — к людям, которые добывают тепло, свет, к донецким шахтерам, чей праздник — День шахтера — отмечает сегодня вся страна.

Итак, мы в Донбассе, на шахте, которая носит имя замечательного русского геолога Лутугина.

Смелее входите в клеть, товарищ! Не бойтесь! Когда-то, верно, случались всякие неожиданности: вдруг обрывался старенький канат, и клеть падала в страшную тьму шахты. Сейчас катастрофы быть не может: клеть снабжена специальным парашютным устройством.

Машиниста подъемной машины, видимо, предупредили, что в шахту «едут гости», и он опускает нас, как нам показалось, особенно бережно, мягко. Мы под землей.

Несколько раньше нас сюда спустился старый горняк Даниил Антонович Радкевич (смотри фото на 2-й странице обложки). Мы встречаемся с ним в светлом, просторном штреке. Даниила Антоновича легко узнать по пышной, серебряной бороде, весьма знаменитой на шахте.

Пятьдесят лет проработал старик под землей. Он был проходчиком. Чудесная профессия! Проходчик — это разведчик, следопыт, пионер. Он первым входит в подземное царство, первым прорубает дороги в каменном лесу, первым бросается в разлив каменных рек и смело «плывет» по их грозному и величавому течению. И первая вагонетка с углем из новой шахты — всегда вагонетка проходчика.

За свой многолетний и благородный труд Даниил Антонович Радкевич награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалями. Сейчас заслуженный старик на пенсии, или, как говорят шахтеры, «на покое».

«Систематически улучшать методы разработки угольных месторождений. Шире внедрять новейшие горные машины и механизмы для комплексной механизации, дальнейшего технического перевооружения угольной промышленности и обеспечения роста производительности труда. Всемерно развивать механизацию наиболее трудоемких процессов добычи угля и, в первую очередь, навалки угля в лавах, погрузки угля и породы при прохождении подготовительных выработок, а также шире внедрять механизированные способы крепления лав».

Из проекта Директив XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы.

Но сегодня Даниил Антонович нарушил свой «покой»: вновь спустился в шахту. Старику захотелось посмотреть, какие же перемены произошли без него в подземном царстве. Верно ли все то, о чем рассказывает ему молодежь? Надо все поглядеть собственными глазами.

И вот он стоит в высоком, светлом штреке, смотрит, и вспоминается ему давнее, былое: старые шахтенки-«мышеловки», мрачные ходки, грязные, мокрые «ямы-норы, где работают шахтеры», каторжный, проклятый, подневольный труд...

Все, все переменилось! Словно бы и стена раздвинулась, и своды поднялись... Штреки теперь похожи не на узкие, черные, кротовьи лазы, а на великолепные галереи московского метро. Вместо прежних деревянных подпорок огромные металлические арки; стены одеты в бетон: даже канавки, и те бетонированные, в них мирно журчит подземная вода. Просторно, светло, сухо, чисто и красиво!

Старик стоит и взволнованно смотрит кругом. Счастливые слезы в его глазах. А молодежь улыбается. Им это все не в диковинку. Слева от Радкевича — Иона Григорьевич Дараган, машинист электровоза (а прежде уголь таскали люди на четвереньках да кони); справа от старика — Андрей Григорьевич Бахтурин, помощник машиниста угольного комбайна (а прежде уголь брали обушком да лопатой).

Да, великие, великие перемены! Они произошли и под землей и на земле, в шахтерском труде и в шахтерской жизни.

Пойдем же вслед за фотоаппаратом дальше — по шахтам, поселкам, городам и улицам...

Мы на шахте «Кочегарка» (снимок № 1). Это знаменитая в Донбассе шахта, одна из самых старейших. Но посмотрите, как она помолодела! Все ново на ней. Только терриконы старые, древние.

В новых белокаменных зданиях (шахтеры страстно любят белый цвет!) расположились все службы шахты. В центре — гордость «Кочегарки»: ее бытовой комбинат с чудесными душевыми, фотарием, большим кинозалом и библиотекою.

А на втором снимке мы видим новые жилые дома шахтеров «Кочегарки». Они в самом центре Горловки, на проспекте имени Н. С. Хрущева. Теперь шахтер не ютится, как раньше, на задворках шахты. Он вышел на Главную улицу. Вышел, как хозяин. И в помине нет былых Собачеевок да Шанхайчиков. Нет ни землянок, ни печально знаменитых «каюток», балаганов, казарм, бараков, где в три яруса, бывало, громоздились узкие нары, и люди спали по очереди...

Войдем же в новые дома, общежития и интернаты горняков «Кочегарки»!

В квартиру почетного шахтера, проходчика Василия Тимофеевича Сыромятникова (снимок № 3) мы входим вместе с хозяином. Он пришел с работы. Навстречу отцу радостно бросается маленькая Леночка. Поднялись и жена Ксения Антоновна и старшая дочка Катя.

Хорошо в семье Сыромятниковых! Здесь царят лад и любовь. В новой квартире чисто, светло, уютно. Заботливые руки Ксении Антоновны приготовили знатный обед. Будет и «шахтерский борщ» и добрая чарка хозяину-работнику. А после обеда, взяв с собой детвору, пойдет Василий Тимофеевич в свой садик и дотемна будет возиться там подле молодых яблонь и вишен. Никто так не любит зелень, как шахтер! И нет для шахтера отдыха слаще, чем отдых дома, в родной семье.

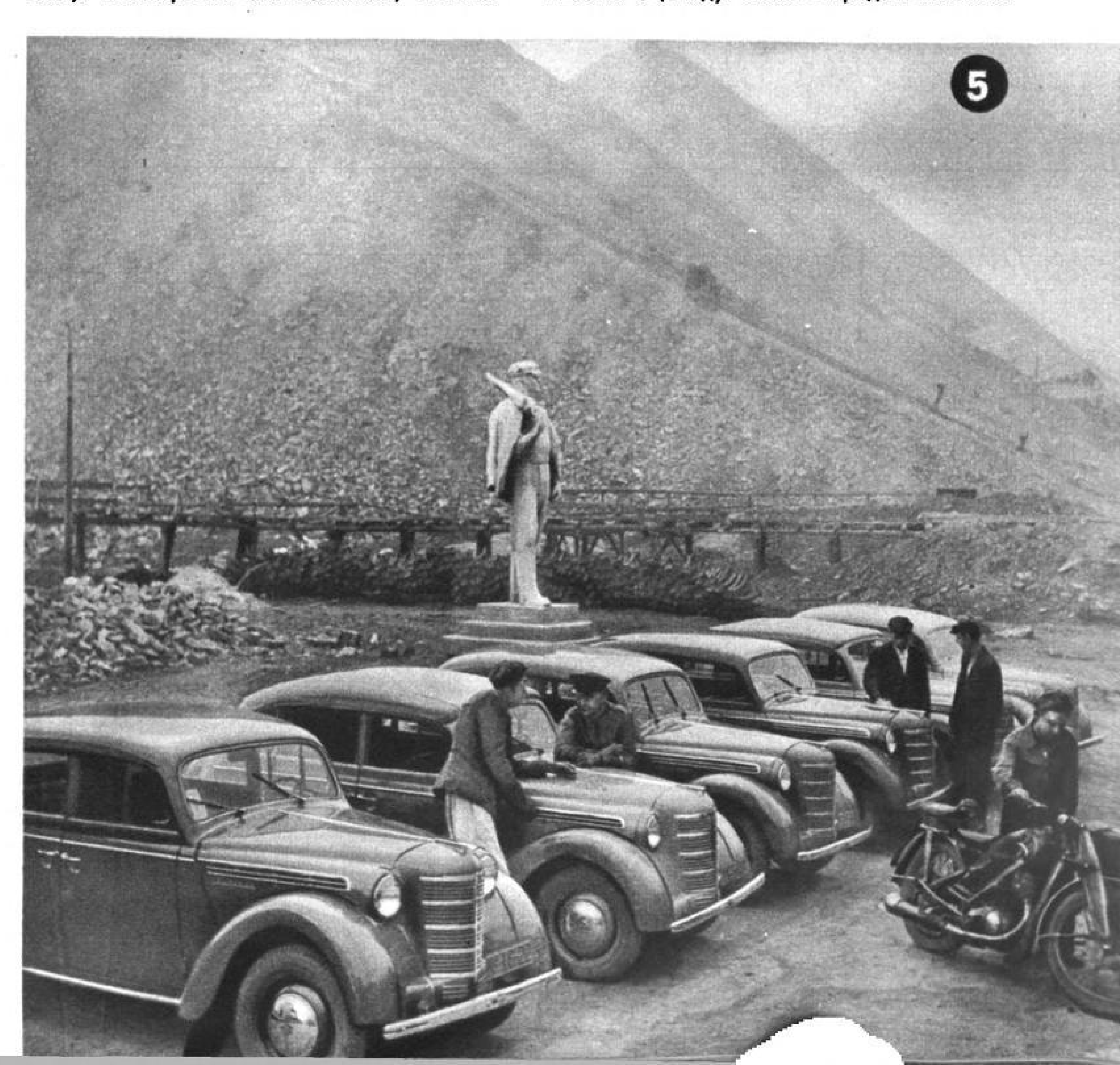
А для холостяков, молодых горняков «Кочегарки», таким родным домом на шахте стал интернат. В интернате есть все, что нужно: теплая, просторная комната, где можно отдохнуть после работы; столовая, где в любое время дня и даже ночи можно дешево и вкусно поесть; прачечная, баня, парикмахерская; спортивная площадка; красный уголок, где есть и газеты, и книги, и шахматы, и пианино, и баян, а часто — и маленькая сцена для любителей искусств. Есть в интернате специальные классные комнаты, где в тишине удобно готовить уроки. Есть и свой фруктовый садочек, свои яблони и вишни...

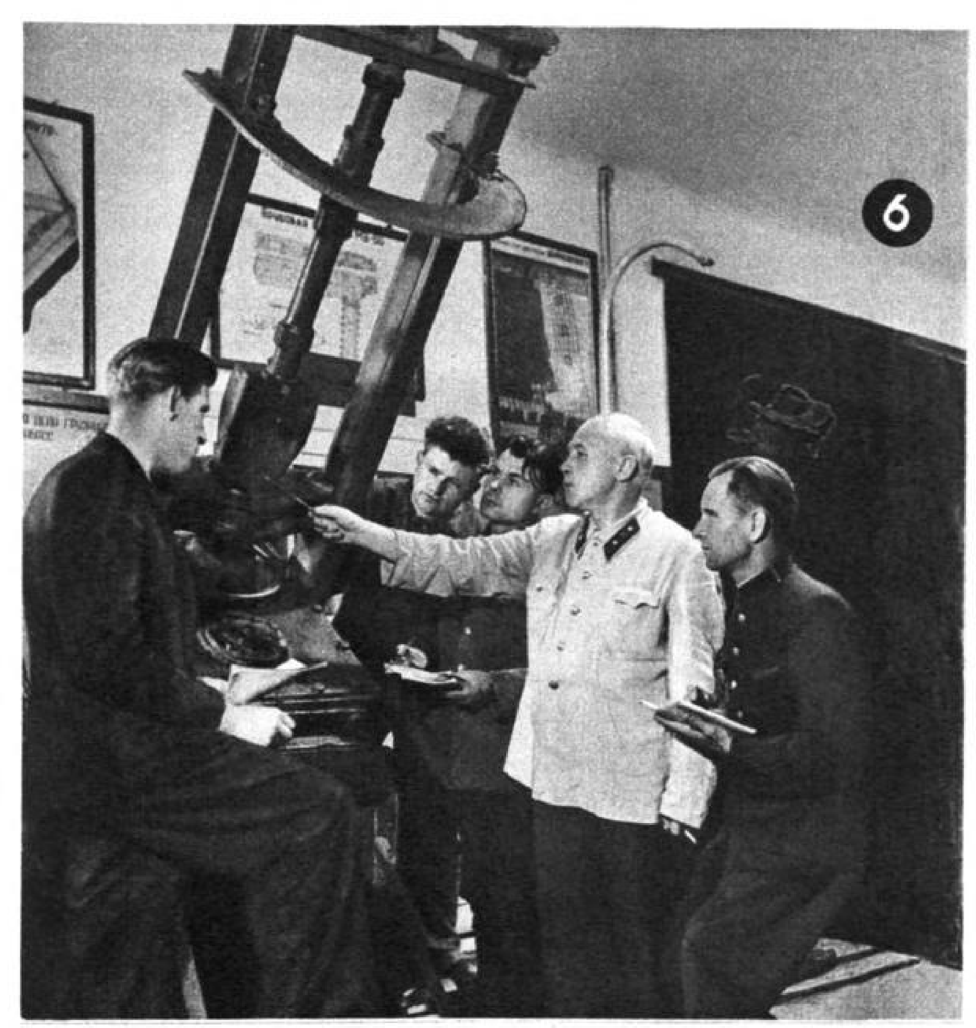
Заглянем же в интернат. Ну вот мы и вошли, вошли неожиданно. Обитателя этой веселой, даже нарядной комнаты мы застали врасплох у зеркала (снимок № 4). Молодой человек собирается на гулянье. Кто он? Студент? Молодой инженер? Рабочий? По внешнему виду теперь ничего не скажешь.

Ну что ж, давайте знакомиться! Это Андрей Гундарев, забойщик. Его дружок Леонид Шиманский — тоже забойщик. Оба они живут в интернате. Оба холостяки, оба женихи, и женихи богатые! Каждый из них зарабатывает по три — четыре тысячи в месяц.

Да, богато стали жить теперь донецкие шахтеры!

Посмотрите на снимок внизу (№ 5). Ничего необычного нет в этом скоплении автомобилей и мотоциклов у террикона. Шахтеры приехали на работу в собственных автомобилях. Молодежь предпочитает мотоциклы (их сейчас в Донбассе видимо-невидимо!), пожилой народ — лимузины. На любой шахте теперь есть десятки шахтеров — владельцев автомашин. А сотни еще ждут своей очереди в магазине.

Великие перемены произошли в шахтерском быту. Вместе с новыми механизмами в шахту пришли и техническая книга, и учебник, и лекция... Жажда учиться, страстная жажда знаний — вот главное, что примечаешь теперь в Донбассе, как и во всей нашей стране. Неквалифицированный рабочий хочет стать квалифицированным; человек с лопатой — навалоотбойщик — мечтает овладеть профессией машиниста; горный мастер хочет стать техником, техник — инженером. Учатся все: и стар и млад. На курсах, в вечерних школах, техникумах. С отрывом и без отрыва от производства.

Посмотрите, с каким интересом эти горняки слушают преподавателя Петра Семеновича Орленко (снимок № 6). Они приехали на годичные курсы при Горловском техникуме: Виктор Хатяшев приехал с шахты имени Румянцева, Леонид Семенов — с шахты «Христофоровка», Иван Байдак — с далекой «Кураховки-42», Александр Московцев — с шахты № 3 «Украинуголь». Опытные, кадровые горняки, поучившись, они станут техниками, начальниками участков.

Посмотрите, как бойко и оживленно «идет» книга в магазине на шахте № 7 «Трудовская» (снимок № 7). Продавщица Анна Николаевна Лесных — лучший советчик: она подскажет, какую книгу надо взять и пожилому шахтеру Федору Романовичу Мокроусову и молодому — Николаю Зубкову.

А посмотрите, как многолюдно на лекции о международном положении (снимок № 8)! Эта лекция читается в так называемой «летней нарядной» шахты имени Лутугина: тут собрались шахтеры перед нарядом, перед спуском в шахту. Среди них много вчерашних учеников ремесленных училищ. А кто скажет, сколько среди них будущих студентов? Вот таких, как Александр Бауманов, которого мы видим на снимке № 9. Он студент шахтостроительного факультета Донецкого горного института имени Н. С. Хрущева. А ведь Александр сам еще недавно был шахтерским пареньком. Его отец уже сорок лет работает в шахте проходчиком.

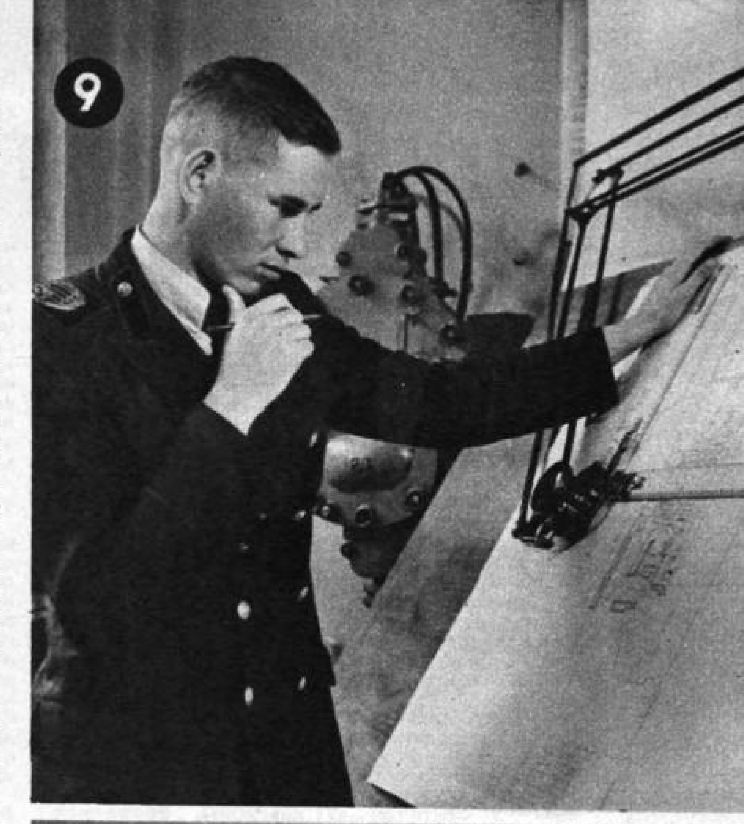
Свободно трудиться, вдохновенно учиться, весело отдыхать — разве не из этого, в сущности, и состоит счастливая жизнь человека?

Донецкие шахтеры умеют хорошо работать. Это известно всем. Умеют они и отдыхать. Причем каждый отдыхает по своему вкусу и по своему возрасту. Молодежь танцует в клубе (снимок № 10). Детвора проводит свои каникулы в пионерском лагере, в Глуховском лесу (снимок № 11). А старый запальщик, ныне пенсионер, Андрей Иванович Никитичев отдыхает в Чистяковском доме отдыха (снимок № 12). Старик так азартно замахнулся рукой, словно он не «козла забивает», а запаливает бурку в антраците. Уже несколько лет Андрей Иванович не работает в шахте, но шахтком не забыл его трудов. Путевка в дом отдыха принадлежит старику по праву.

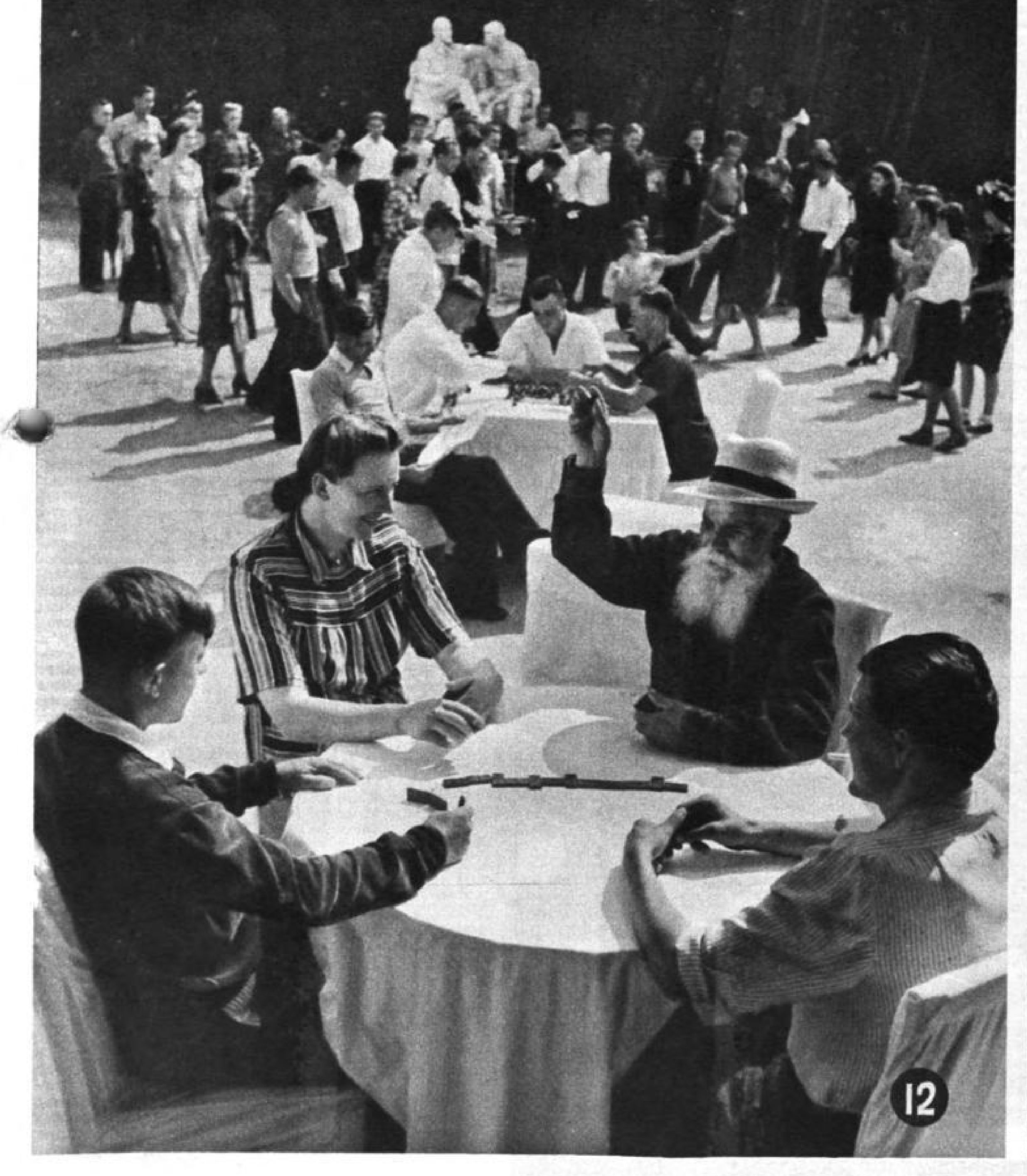
Есть у шахтера еще и такая утеха в день отдыха. Можно сказать, даже не утеха, а заветное наслаждение. Чтобы нам с вами, дорогой товарищ читатель, приобщиться к нему, надо проснуться пораньше, до зорьки, и вслед за фотоаппаратом отправиться в дорогу — на ставок (так у нас, в Донбассе, называют пруды и искусственные озера). Здесь, на воде, мы непременно застанем завзятых рыболовов-любителей (последняя страница обложки). Это шахтеры с шахты 3-бис треста «Чистяковантрацит»: над костром склонился проходчик Михаил Алексеевич Морозов, а дальше, с удочками в руках,— горный мастер Сергей Антонович Борисов и помощник комбайнера Алексей Афанасьевич Ермоленко. Они прибыли на рыбалку в машине и со всей амуницией: с рыболовной снастью, котелками, манерками, глечиками, с ведром и мисками... Только бы ловилась рыба, а уха будет!

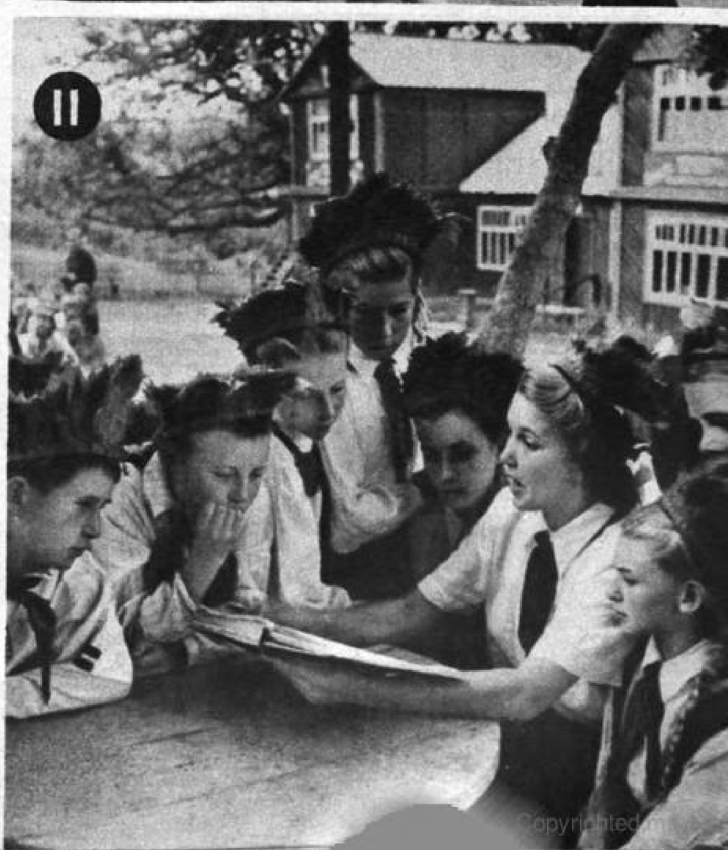
Но и без ухи чудесно здесь, на воде! Кто сказал, что бедна природа Донбасса? Посмотрите, как прекрасен этот уголок в лесу, неподалеку от шахтерского Чистякова! Как тут прохладно, и хорошо скользить в лодке по зеркальной глади, и петь! Обязательно петь!

Эх, жаль, фотоаппарат не может воспроизводить песен! А песни тут поются чудесные, поются во все горло и от всего сердца. И высоко-высоко над водою, над лесом, над донецкой степью летят они, крылатые, как птицы, эти задушевные песни о шахтерском счастье, о любимой Родине, о дорогом вожде...

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД

«Коронация контрреволюции» — так охарактеризовал товарищ Сталин итоги Государственного совещания, созванного Временным правительством с целью объединения сил реакции.

Буржуазия торопилась использовать захваченную ею власть. Разрабатывались планы разгрома революции. В Петроград стягивались контрреволюционные воинские части. Подыскивался подходящий кандидат в диктаторы.

Выбор буржуазии пал на генерала Корнилова, верховного главнокомандующего русской армии. Это был ярый враг революции, пытавшийся с помощью смертной казни восстановить старые порядки на фронте.

В ставку к генералу Корнилову потянулись фабриканты, банкиры, купцы, обещая ему деньги и поддержку. Явились в ставку и представители «союзников» — Англии и Франции — с требованием не медлить с выступлением.

Опираясь на поддержку русской и иностранной буржуазии, Корнилов открыто готовился стать диктатором. Чтобы отвлечь от заговора внимание, заговорщики пустили слух, что большевики подготовляют в Петрограде восстание, приурочивая его ко дню полугодовщины февральской революции — 9 сентября (27 августа). Временное правительство усилило террор против большевистской партии. Глава Временного правительства эсер Керенский грозил «железом и кровью» подавить революционное движение.

7 сентября (25 августа) Корнилов двинул на Петроград конный корпус под командованием генерала Крымова и объявил, что он намерен «спасти родину». Корнилов потребовал отставки Временного правительства. Министры-кадеты, бывшие соучастниками заговора, вышли из состава правительства, чтобы расчистить дорогу Корнилову, помочь ликвидировать Советы и создать правительство военной диктатуры в стране. Перепуганные эсеро-меньшевистские лидеры растерялись. Путь Корнилову был открыт.

Но против контрреволюционного корниловского восстания поднялось могучее народное движение, организованное и возглавляемое большевиками. Центральный Комитет большевистской партии призвал рабочих и солдат к активному вооруженному отпору контрреволюции, к защите революции.

«НАСЕЛЕНИЕ ПЕТРОГРАДА! — говорилось в воззвании ЦК большевистской партии. — На самую решительную борьбу с контрреволюцией зовем мы вас! За Петроградом стоит вся революционная Россия!

СОЛДАТЫ! ВО ИМЯ РЕВОЛЮЦИИ — ВПЕРЕД ПРОТИВ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА!

РАБОЧИЕ! Дружными рядами оградите город революции от нападения буржуазной контрреволюции!..

Вы смогли свергнуть царизм, докажите, что вы не потерпите господства ставленника помещиков и буржуазии — Корнилова».

В ответ на призыв большевистской партии рабочие стали быстро вооружаться и готовиться к отпору. Красногвардейские отряды на предприятиях и в районах столицы в эти дни численно выросли в несколько раз. Были приведены в боевую готовность революционные части Петрограда. Профсоюзы мобилизовали на борьбу с корниловщиной своих членов. Рабочие и работницы рыли окопы вокруг столицы, разбирали подъездные железнодорожные пути, ставили проволочные заграждения. На защиту Петрограда прибыло несколько тысяч вооруженных кронштадтских матросов. В наступавшие на Петроград «дикую дивизию» и другие корниловские воинские части большевики послали своих агитаторов. Они разъясняли солдатам смысл корниловского выступления. В результате этой агитации «дикая дивизия» отказалась наступать на Петроград. Отказались выполнять приказы своих командиров и казаки конного корпуса Крымова.

Мобилизуя массы на разгром корниловщины, большевики продолжали борьбу с контрреволюционным правительством Керенского. Они разоблачали правительство Керенского, меньшевиков и эсеров, которые всей своей предательской политикой помогали заговору Корнилова. Большевики разъясняли народу, что заговор Корнилова вдохновлялся и поддерживался иностранными империалистами. Буржуазные правительства США, Англии, Франции с помощью корниловщины стремились поставить Россию в еще бóльшую зависимость от иноземного капитала.

Большевистская партия подняла на борьбу с контрреволюцией рабочих, трудящихся всей страны. Всюду, где была опасность, большевики создавали революционные комитеты и штабы по борьбе с корниловщиной.

В результате всех этих мер корниловщина была разгромлена.

«Разгром корниловщины, — говорится в Сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», — одним ударом вскрыл и осветил соотношение сил между революцией и контрреволюцией. Он показал обреченность всего контрреволюционного лагеря от генералов и кадетской партии до запутавшихся в плену у буржуазии меньшевиков и эсеров. Стало очевидным, что политика затягивания непосильной войны и вызванная затяжной войной хозяйственная разруха окончательно подорвали их влияние среди народных масс».

Разгром корниловщины показал, что большевистская партия выросла в решающую силу революции. Наша партия не была еще правящей, но в дни корниловщины она действовала, как подлинная правящая сила. Ее указания выполнялись рабочими и солдатами без колебаний. Разгром корниловщины показал также, что Советы рабочих и солдатских депутатов, казавшиеся умершими, на самом деле таили в себе величайшую силу революционного отпора. Борьба с корниловщиной оживила Советы, освободила их от соглашательской политики, вывела на широкую дорогу революционной борьбы и повернула в сторону большевистской партии. Влияние большевиков в Советах выросло, как никогда. Стало быстро расти влияние большевистской партии в деревне.

Разгром корниловского мятежа открыл новую страницу истории революции: период организации штурма.

После разгрома корниловщины вновь на очередь дня стал лозунг «Вся власть Советам!» Но это уже не был старый лозунг перехода власти в руки меньшевистско-эсеровских Советов. Это был лозунг восстания Советов против Временного правительства с целью передачи всей власти в стране Советам, руководимым большевиками.

Сторожевой пост революционных солдат под Петроградом в дни корниловского мятежа.

Комбайн убирает урожай на полях Сартичалского колхоза в Самгори. Справа — отводной канал Самгорской оросительной системы имени И. В. Сталина.

Фото К. Крымского

Хлеб Самгори

Осенью прошлого года в Самгорской степи под Тбилиси состоялось большое торжество: строители и колхозники, прорыв сорокакилометровый канал, пустили по каналу воду горной реки Иори. Начало наполняться «Тбилисское море» — большой резервуар воды для орошения выжженной солнцем земли. Здесь же, возле «Тбилисского моря», в степи наступила новая жизнь. Кругом строятся совхозные поселки, в которых скоро поселятся виноградари: самгорские почвы после орошения дадут обильный урожай винограда.

Но самые значительные перемены произошли в Сартичала — первом на Самгори селе, получившем воду из канала. Здесь колхозники подняли весной целину и убирают сейчас урожай. Председатель колхоза, старожил Самгори, агроном Шалва Михайлович Гогиташвили рассказывает:

— На этих землях я тружусь давно. Работал в районе агрономом и знаю все хозяйства вокруг. Тяжело нам приходилось без воды. Сартичалский колхоз в прошлом году получил с гектара в среднем по пять—шесть центнеров пшеницы. А в нынешнем — все двадцать. Дальше дела еще лучше будут. Ведь пока идет только первый год после полива...

Большим стало нынче село Сартичала. 150 семейств из малоземельных горных районов Грузии переселились сюда. Сейчас в селе можно увидеть несколько широких улиц с готовыми домами, ожидающими своих хозяев. К ноябрю в Сартичала переселятся еще сотни хозяйств. Они приедут осваивать новые земли, привыкать к новым культурам.

Что и говорить, покидать родные места не очень легко! Колхозный счетовод Григорий Чадунели признается, что долго тосковал по своей маленькой горной деревушке Гетсамани. Но теперь он воочию убедился: «Просчета нет в том, что вместе с односельчанами приехал сюда».

Началась уборка урожая, и костяшки счетов все веселее стучат под руками Григория: виноград тут родится лучше; за хлебом не надо спускаться в низину; есть и свои овощи. Всего этого не было там, наверху. Там Григорий жил в старой горской хатенке. В Сартичала Чадунели получил новый каменный дом в три комнаты, за который он должен государству всего лишь тринадцать тысяч рублей. А рассрочку дали на десять лет...

Пройдет несколько лет, и Сартичала, как и много других сел, которые скоро появятся по соседству, прославится своими высокими урожаями.

...Над «Тбилисским морем», у концевого водосброса, стоит обелиск. На нем написано:

«Самгорская оросительная система
имени СТАЛИНА
Верхний Магистральный канал
и Тбилисское водохранилище
сооружены в 1947—1951 г.г.»

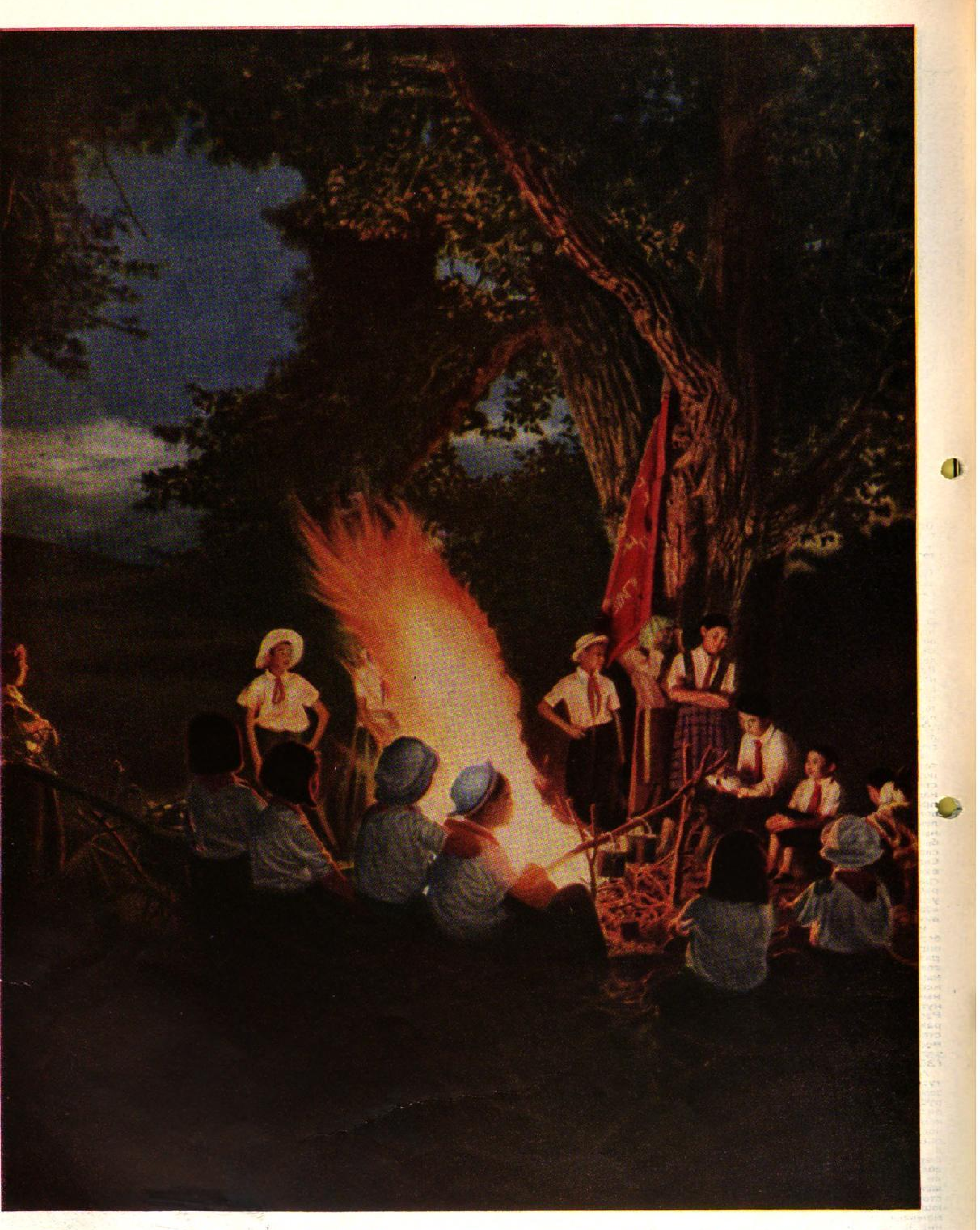
Здесь в 1900 году товарищ Сталин провел свою первую маевку с тифлисскими пролетариями, призывая их к борьбе за новую жизнь. Стоит обелиск на памятном месте, а вокруг, в некогда безводной и безлюдной степи, поднимаются к новой жизни колхозные села. И гудят кругом комбайны, убирающие хлеб на орошенных самгорских полях.

И. МЕСХИ

НА МИРНЫХ ПОЛЯХ.

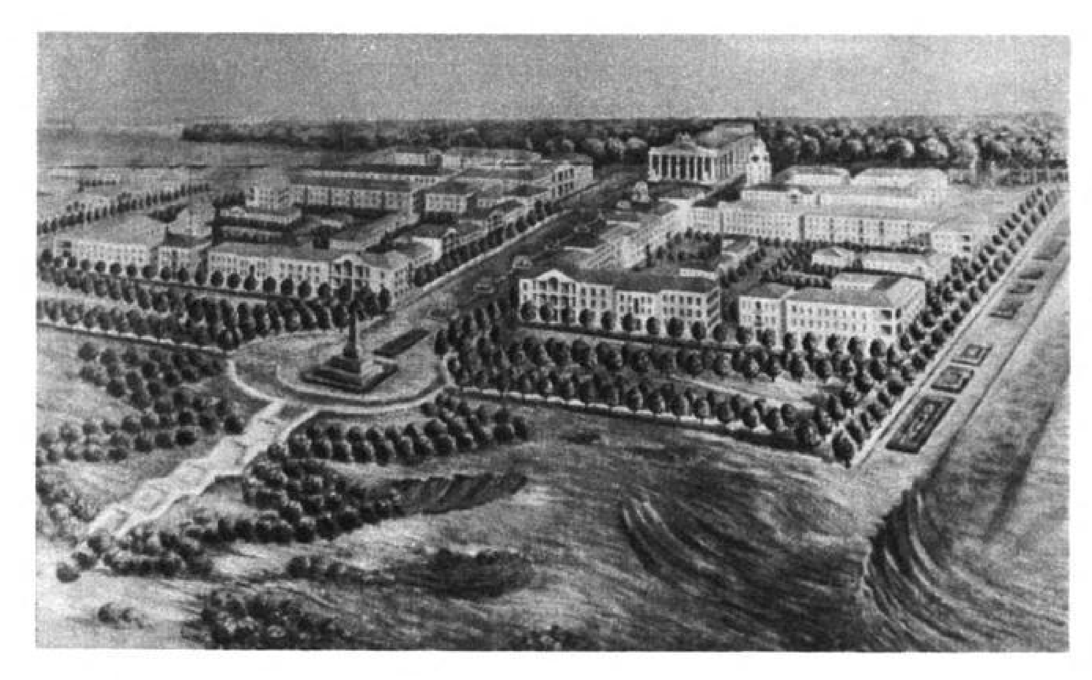
Фото Я. Рюмкин
Всесоюзная художественная выставка 1951 год

Окончилось пионерское лето. Начался учебный год. Сколько радостных воспоминаний сохранится у детей о жизни в лагерях! Народы, прочно взявшие власть в свои руки, умеют обеспечить счастье и мир своим детям. По примеру Советского Союза в Монголии этим летом, как и в прошлые годы, были организованы пионерские лагери.

На снимке: у костра в пионерском лагере «Убулане» Монгольской Народной Республики.

Фото Б. Кузьмина

Так будет выглядеть центральная часть города строителей Сталинградской ГЭС.

«МЛАДШИЙ БРАТ» СТАЛИНГРАДА

1950 — 31 августа — 1952

— Тут станет плотина... Отсюда начнется море, — говорят сталинградцы, глядя на Волгу с высокого и крутого правого берега.

В этом месте, чуть выше Тракторного завода, река оживлена, как большая проезжая дорога. То и дело проплывают караваны барж и длиннющие, кажущиеся бесконечными плоты. От правого берега к левому и обратно взад-вперед движется громоздкий паром с железнодорожными составами. Поднимая буруны, мчатся небольшие пассажирские теплоходы и катера. Сотни вагонов, десятки судов с материалами и оборудованием прибывают ежедневно в адрес великой стройки. Со всех концов страны едут сюда люди.

Кто не был здесь давно, тот обратит внимание на новую деталь волжского сталинградского пейзажа: над разливом могучей реки протянуты провода высоковольтной передачи, укрепленные на громадных стальных мачтах. Линия эта как бы символизирует кровную связь города со стройкой. Сегодня строители «одалживают» энергию у Сталинградской тепловой станции, работающей на донецком угле, а через несколько лет «белый уголь» новой ГЭС с лихвой возместит долг.

Переправившись с правого берега на левый, всюду ощущаешь грядущее преобразование географии Заволжья. Неузнаваем низменный Песчаный остров, еще недавно служивший загородным пляжем. Тут и там тянутся трубы пульповодов. Растут намывные дамбы, ограждающие новое, искусственное озеро, выкапываемое земснарядами. Это готовится котлован для здания ГЭС.

Ахтубу, ответвляющуюся тут от Волги, скоро закроет земляная перемычка. Новым руслом для волжской воды, питающей Ахтубу, станет канал, прокладываемый сейчас через лесистый Зеленый остров. Земснаряды весной, в полую воду, приплыли, сюда по «ерикам». Потом вода ушла, «ерики» обсохли, и суда остались окруженными сушей со всех сторон. А сегодня соревнующиеся друг с другом командиры земснарядов Леонид Вялов и Петр Тихоненков разделены уже обширным водоемом. Корабли-работяги движутся в противоположных направлениях — на запад и восток. Каждый день прокапывают они новые сотни метров будущего канала.

С Зеленого острова, низменного, лежащего в пойме, виден другой берег Ахтубы — высокий, степной, выжженный солнцем. На восток уходит глубокий сухой овраг — только весной бурлят в нем талые воды. Исстари зовут его Осадной балкой; здесь, по преданию, вела последние бои крестьянская рать Пугачева. От Осадной балки возьмет начало шестисоткилометровый канал Волга—Урал, призванный напоить досыта засушливую степь Заволжья.

Русло будущего канала уже на несколько километров протянулось на восток. Глубокая выемка, обрамленная отвалами земли, выглядит в плоской степи как внезапно возникшее горное ущелье. Стальные челюсти экскаваторов неотступно врезаются в сухую, твердую землю. Экскаваторщики Иван Елисеев, вынувший на стройке первый ковш грунта, братья Иван и Валентин Булгаковы изо дня в день выполняют полторы — две нормы. Высоким мастерством прославились тут водители автомашин Юрий Пронин, Юрий Большаков и участник Великой Отечественной войны Георгий Рожнов — он работал ранее механиком МТС, заслужил там высокое звание Героя Социалистического Труда, а придя на стройку, взялся за руль самосвала.

Над трассой канала, над ведущими к ней шоссейными дорогами вьются пыльные смерчи. Сухая, колючая пыль слепит глаза. Ветровые стекла машин, покрытые темными разводами, словно загрязнены волнами мутного прибоя. Пустыня, отступающая под натиском строителей, жестоко сопротивляется.

— Успех всякого наступления в огромной степени зависит от подготовки тылов, — говорит нам начальник Сталинградгидростроя Федор Георгиевич Логинов.— За минувшие два года наряду с подготовкой площадок для основных сооружений мы создавали эти тылы: прокладывали шоссейные и железные дороги, строили жилые дома, подсобные предприятия. Заводы создаются с таким расчетом, чтобы они могли действовать и после завершения стройки. Впервые в практике крупного промышленного строительства мы отказались от временных жилищ. Зачем тратить миллионы рублей на барачные поселки, обреченные в будущем на снос? Лучше сразу строить благоустроенные дома: сначала в них поселятся экскаваторщики, каменщики, монтажники, а потом, после окончания стройки, — хозяева нового города — работники ГЭС.

О темпах и размахе жилищного строительства на левом берегу Волги можно судить, побывав на только что появившихся улицах «Каменного города» — так зовут в просторечии новый в Сталинградской области рабочий поселок Волжский.

Правильные ряды белых двухэтажных домов образуют широкие, не всюду, правда, еще замощенные магистрали. Главная из них уже названа «Фонтанной», хотя фонтаны красуются пока только на чертежах генерального плана. Зато на соседней, еще безыменной улице, уже шумит листвой широкий бульвар. Кустарники, высаженные в прошлом году, хорошо принялись на степной почве. Бульвар никогда не пустует: днем гуляют малыши-дошкольники, вечерами, отдохнуть после работы, собираются их отцы и матери.

Детский сад, школа, поликлиника, столовая, бани. Учреждения эти открываются одно за другим во вновь отстроенных домах. Все выше поднимаются стены сооружаемого Дворца культуры.

Поселок Волжский, расположенный на степной террасе, возвышающейся над Волго-Ахтубинской поймой, задуман красивым, монументальным и долговечным. Внизу под обрывом много гектаров занимает фруктовый сад строителей. По соседству с ним раскинутся парк культуры и отдыха и стадион.

«Младшему брату» Сталинграда исполнилось два года. Он уверенно шагает вперед, всей статью своей предвещая будущий богатырский облик.

С. МОРОЗОВ

Памятник защитникам столицы

В минувшее воскресенье в подмосковном поселке Николина Гора в торжественной обстановке состоялось открытие памятника на братской могиле героев-воинов, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками во время обороны Москвы в декабре 1941 года.

Мысль о сооружении памятника родилась среди пионеров и комсомольцев — жителей Николиной Горы. Все работы, связанные с памятником — и выбор участка, и его распланировка, и составление проекта,— выполнены руками ребят, под руководством художника-керамиста Н. С. Селезнева.

Памятник представляет собой обелиск высотой в пять метров, увенчанный пятиконечной звездой. В центре обелиска барельеф, изображающий советского воина, атакующего врага. Под барельефом стихи Н. Кончаловской:

Бойцы — защитники столицы,
Вы жизнь отдали в грозный час.
Так пусть навеки сохранится
Здесь память светлая о вас!
И, полные горячей веры
В победу мирного труда,
Мы — комсомольцы, пионеры —
Вас не забудем никогда.

На митинге было оглашено письмо маршала Советского Союза В. Д. Соколовского, адресованное николоrорским пионерам и школьникам:

«Выражаю благодарность пионерам и школьникам, со орудившим памятник на братской могиле воинов Советской Армии, павших в борьбе за свободу и независимость нашей Родины во время Великой Отечественной войны.

Желаю вам, дорогие ребята, успешно учиться и расти активными строителями коммунизма в нашей стране».

Митинг, посвященный открытию памятника защитникам столицы. На снимке: с речью выступает генерал-лейтенант А. М. Пронин.

Фото Ал. Лесс (ТАСС)

Плодовые деревья в лесополосах

Прохладные зеленые оазисы, созданные много лет назад на сотнях тысяч гектаров, защищают поля от суховеев в знойных степях Ставропольского, Краснодарского краев, Ростовской, Крымской областей, на песках Грозненской области. Тут много дикой вишни, алычи, яблонь, груш, виноградников.

Но самая распространенная плодовая порода в лесополосах — жердель (абрикос). Каких только невзгод не испытали абрикосы в лесополосах колхоза имени Фрунзе, Красногвардейского района Крыма! Черные бури заносили их землей, зной выпивал почвенную влагу, а зимой лишь тонкий слой снега укрывал мерзлую землю. Некоторые участки озимой пшеницы погибли, а лесополосы живы. Под раскидистыми деревьями даже в самый жаркий день прохлада настоящего леса. Но, кроме прохлады, деревья дают еще плоды.

Так выглядят старые лесополосы. Каким же неисчерпаемым источником фруктов станут новые! Сталинский план преобразования природы рекомендует вводить в лесополосы 10—15 процентов плодовых пород.

В ближайшие десять — пятнадцать лет в нашей стране примерно на одном миллионе гектаров появятся широкие ленты лесо-садов, состоящих, кроме других древесных пород, из диких яблонь, груш, орешника, смородины золотистой, кизила, грецкого ореха.

Г. СОКОЛОВ

Иокогама, 2 сентября 1945 года

Ив. ЦЕХОНЯ

Люди, которые должны были присутствовать при подписании акта о безоговорочной капитуляции Японии, подъезжали к причалу. Оттуда катеры отвозили их на борт линкора «Миссури». Нас, советских людей, сразу же окружили американские солдаты и моряки. Перебивая друг друга, они поздравляли нас с победой над Японией, с окончанием долгой, кровопролитной войны. И каждый просил подарить ему что-либо на память об этом незабываемом дне. У одного из нас оказался экземпляр «Правды», в котором было опубликовано заявление советского правительства о вступлении в войну против милитаристской Японии. Мы подарили ее высокому сержанту, который успел уже рассказать нам много о себе: о том, что он работал до войны шахтером на угольных шахтах американского Запада, что дома его ждут мать, жена и дети, что он был два раза ранен на Филиппинах и вот впервые встречает советских людей. Мы объяснили вкратце всем присутствующим, что это за газета, что в ней опубликовано.

— А где заявление Молотова? — вдруг спросил сержант.

Когда ему показали, он развернул газету и стал читать довольно бегло вслух по-английски:

— «Советское Правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий...»

Нас это удивило. В один голос мы стали спрашивать сержанта, где он изучал русский язык, с которого так хорошо переводит.

— Что вы! Я вовсе не знаю русского языка, — сказал, улыбаясь, сержант. — Это заявление я слушал раз десять по радио, затем читал и перечитывал в американских газетах. Ведь всем нам там, в джунглях Филиппин, где шли ожесточенные бои, стало сразу ясно, что русские принесут быстрое окончание войны. В тот день я впервые за всю войну почувствовал, что останусь в живых, увижу своих родных...

Несколько дней спустя нам довелось беседовать с токийским рабочим. И первым делом он подарил нам листовку. На небольшом клочке папиросной бумаги рукописными иероглифами было отпечатано на стеклографе то же заявление В. М. Молотова. Слова из заявления: «...и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции» — были подчеркнуты в листовке двумя жирными линиями.

— В тот день я был одним из первых, кто узнал о вступлении Советского Союза в войну, — говорил нам рабочий. — А потом кто-то, очевидно, из подпольных профсоюзных работников, раздобыл текст, и мы отпечатали эти листовки, чтобы люди знали о скором окончании войны. Ведь это была большая радость для простых людей!

И мы, советские люди, сидя на обгорелых бревнах у порога маленькой землянки этого рабочего, потерявшего свой дом во время налетов американской авиации, радовались, испытывая волнующее чувство гордости за нашу великую и славную Родину. Гордились и радовались мы в далеком, Токио тому, что нашей Родине, нашему народу, нашей доблестной Советской Армии, нашему гениальному вождю товарищу Сталину благодарны и американский шахтер-сержант, мечтавший всю войну о мире, и японский рабочий, потерявший свой домик, но веривший в жизнь, в труд, в торжество мира на земле.

Простые люди всех стран знают, что избавлением от фашистского порабощения, от ужасов мировой войны они обязаны Советскому Союзу, что решающую роль в ликвидации очагов войны как на Западе, так и на Востоке сыграли советские Вооруженные Силы, руководимые И. В. Сталиным.

В те дни американский журнал «Лук» признавал, что командование союзников на Тихом океане «предвещало длительную и трудную войну, которая должна была закончиться примерно в 1946 году или в 1947 году и даже, по одному определению, в 1949 году». Не случайно поэтому ни американский сержант в Иокогаме, ни рабочий в Токио не вспомнили об атомных бомбах. Каждому уже тогда было ясно, что террористическое уничтожение 78 150 жителей города Хиросима и примерно стольких же жителей города Нагасаки атомными бомбами не могло привести к окончанию войны, как не привел к этому и варварский налет американской авиации на Токио 9 марта 1945 года, во время которого в пожарах погибло 185 тысяч человек.

Капитулировала милитаристская Япония только тогда, когда советские войска разгромили в Маньчжурии, Северной Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах 22 отборные японские дивизии — главные силы Квантунской армии.

Велико историческое значение этой славной победы советского народа. Исконные русские земли — Южный Сахалин и Курильские острова — освобождены от японских захватчиков и возвращены нашей Родине. В результате разгрома японского агрессора стало возможным успешное завершение национально-освободительной борьбы великого китайского народа.

«Если бы не существовало Советского Союза, — говорит вождь китайского народа Мао Цзэ-дун, — если бы не было победы в антифашистской второй мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский империализм не был разгромлен, если бы в Европе не появились страны новой демократии... то нажим международных реакционных сил, конечно, был бы гораздо сильнее, чем сейчас. Разве мы могли бы одержать победу при таких обстоятельствах? Конечно, нет. Точно так же невозможно было бы закрепить победу после ее достижения».

Победа Советского Союза над японским империализмом привела также к образованию героической Корейской Народно-Демократической Республики. Корейский народ в знак благодарности советской державе, советскому народу отмечает дату 15 августа как национальный праздник своего освобождения Советской Армией от ига японского империализма.

Победа Советского Союза над японским империализмом, борьба Советского Союза за установление прочного мира на Дальнем Востоке воодушевляют народы Азии, в том числе и японский народ, на решительную и непреклонную борьбу за свое национальное освобождение.

Японский народ попал в тяжкую беду в связи с американской оккупацией. Американские империалисты превратили страну в плацдарм своей агрессии на Дальнем Востоке и стремятся сделать японский народ своим покорным рабом, поставщиком дешевого пушечного мяса. Они навязали японскому народу сепаратный диктат, опутав его родину цепью военных баз, лишив его национальной независимости, отбирая у него для своих военных целей национальные богатства — заводы, порты, пахотные земли, рыбные угодья, электростанции, железные и шоссейные дороги. На широкие массы народа Японии взвалено огромное бремя налогов. Два миллиона больных туберкулезом, около 18 миллионов безработных и полубезработных, 23 миллиона не имеющих собственного крова — таковы вкратце результаты семилетней американской оккупации.

Однако, как справедливо отметил в своем письме И. В. Сталину лауреат Международной Сталинской премии ИкуоОяма, японский народ является уже не тем, чем он был десятилетие тому назад. Японский народ больше не будет вновь обманут и ввергнут в кровопролитную войну за интересы японских и американских монополистов. Шесть с половиной миллионов подписей за Пакт Мира, многомиллионные митинги, демонстрации, забастовки рабочих против сан-францисского сепаратного договора и американской оккупации, выступления крестьян и рыбаков — все это говорит о том, что японский народ еще более усиливает борьбу за мир, за свободу и независимость своей страны.

ЯНКИ В ЯПОНИИ

Американцы чувствуют себя в Японии, как в своей колонии. На снимке: морской пляж недалеко от Токио. Янки, считающие себя представителями «высшей расы», расположились со всеми удобствами, заняв добрую половину пляжа. Тысячи японцев должны довольствоваться остальной его частью.

Шахматный турнир наций

Напряженная борьба в финале

20 августа перед началом финальных соревнований общий выходной день. Шахматисты отдыхали и готовились к решающим боям. Некоторые участники турнира прокатились по морю на пароходе, осмотрели старинную крепость Свеаборг. Гроссмейстер Бондаревский и мастер Алаторцев выезжали в город Турку для проведения сеансов одновременной игры в рабочем клубе. Выступления советских шахматистов прошли с большим успехом. Бондаревский 27 партий выиграл, 3 закончил вничью; Алаторцев 24 партии выиграл, одну проиграл, 5 закончил вничью.

21 августа начались финальные соревнования. По результатам полуфиналов команды разбиты на три группы: группа «А» — из девяти сильнейших команд, группа «В» — из девяти следующих по силе, в группу «С» входят последние семь команд.

Команда СССР, как победившая в полуфинале, играет в группе «А». Как известно, только советская команда выиграла все матчи в полуфинальных играх. Из наиболее сильных конкурентов в финале следует выделить команды Аргентины, Венгрии, Чехословакии, США и Югославии. По жребию команде СССР пришлось встретиться с сильнейшими командами уже в первых турах. В острой, напряженной борьбе проходил матч СССР — Венгрия. Первым закончил партию гроссмейстер Смыслов против Барца. Уже в дебюте он добился большого преимущества и выиграл на 21-м ходу. В атакующем стиле провел партию Геллер, выигравший у Флориана. Гроссмейстер Керес допустил в цейтноте неточности и проиграл венгерскому гроссмейстеру Сабо, отлично проведшему всю партию. Матч закончился со счетом 2,5 : 1,5 в пользу команды СССР.

Во втором туре команда СССР встретилась с американской командой. Напомню, что в полуфинале команда СССР выиграла у США со счетом 3 : 1. Встреча в финале закончилась вничью со счетом 2 : 2. Отличную игру вновь показал Смыслов, вторично победивший чемпиона США Эванса. Неожиданный финал партии, в которой Смыслов поймал белого ферзя, отрезав ему все поля для отступления, весьма любопытен. Бронштейн пожертвовал две пешки и получил сильную атаку, но в цейтноте не нашел лучшего продолжения и проиграл. Партии Керес — Решевский и Геллер — Бизгайр закончились вничью.

В третьем туре команда СССР одержала важную победу, выиграв у команды Аргентины. Здесь отличился гроссмейстер Болеславский, выигравший в хорошем позиционном стиле партию у Россото. Остальные партии закончились вничью, счет — 2,5 : 1,5 в пользу советской команды.

Команда США в третьем туре выступала без Решевского. День был субботний, и Решевский предпочел отдохнуть. Матч США и Чехословакии закончился вничью. Успешно играла команда Чехословакии на следующий день, победив сильную команду Аргентины. В других матчах следует отметить победу команды Венгрии, выигравшей у Финляндии со счетом 3,5 : 0,5.

В группе «В» успешно выступают команды Голландии, Польши, Израиля и Кубы.

В группе «С» — команды Бразилии и Норвегии.

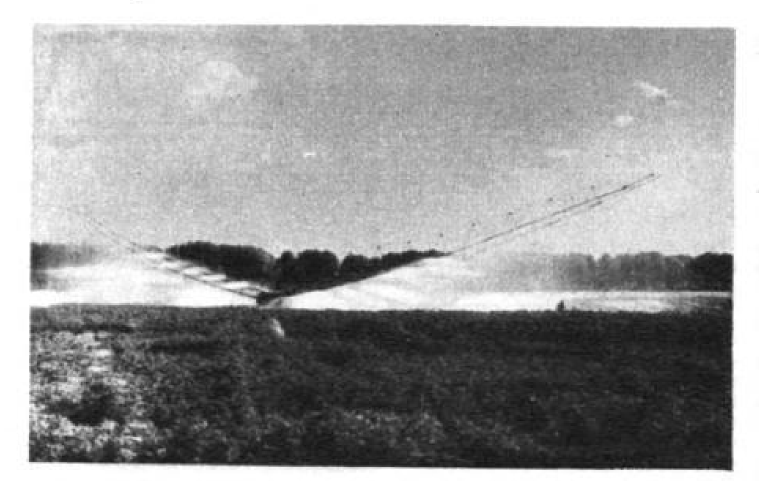
Наибольшее количество зрителей попрежнему собирается у столиков, за которыми играют советские шахматисты, особенно где выступают Смыслов, Геллер и Болеславский, отлично играющие в этом турнире.

Впереди сложная, упорная борьба. Каждое очко, даже пол-очка будут иметь значение в распределении призовых мест.

Мастер А. СОКОЛЬСКИЙ

Хельсинки.
25 августа 1952 года.

Дождевание хлопчатника на полях совхоза «Пахта Арал».

Дождевание хлопчатника

Издали кажется, что на хлопковое поле опустился гигантский самолет. Размах его крыльев — не менее 100 метров. Подходишь поближе — и поражаешься еще одному чуду: из-под крыльев «самолета» на хлопчатник низвергается поток мельчайших водяных брызг.

Так выглядит дождевальный агрегат Всесоюзного научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации. «Крылья самолета» — это 55-метровые консоли трубопроводов, укрепленные на реконструированном дизельном тракторе. Снабженный насосом, он едет вдоль каналов с водой. За один проход агрегат поливает полосу шириной в 120 метров.

Опыт искусственного дождевания хлопчатника был проведен на полях казахстанского совхоза «Пахта Арал». Руководитель этих работ кандидат сельскохозяйственных наук Николай Николаевич Нечаев рассказывает:

— Есть все основания говорить о больших преимуществах нового способа полива хлопковых полей. Воды расходуется меньше, чем при наземном, бороздковом поливе. Повышается урожайность хлопка. Не требуются поливальщики, которые распределяли бы воду по арыкам и поливным бороздам. Дождевальный агрегат заменяет и машину, применяемую для внесения азотных удобрений: при дождевании они растворяются в воде и попадают не только к корням растений, но и на листья.

Д. ПРОТОПОПОВ

Знатный проходчик стал техником

Товарищи поздравляют И. Проничкина с окончанием техникума. Слева направо: Н. Шибаев, с отличием защитивший диплом, И. Проничкин, его жена Нина, горный техник Ю. Таринов.

Фото Ю. Добронравова

Горный техник. Это звание недавно присвоено лауреату Сталинской премии, бывшему проходчику Североуральских бокситовых рудников Ивану Проничкину. Проничкин окончил старейшее на Урале среднее техническое учебное заведение — Свердловский горно-металлургический техникум имени И. И. Ползунова.

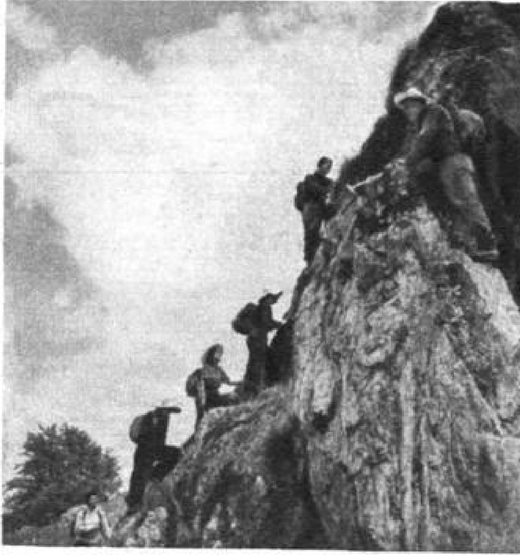
Молодой стахановец защитил на «отлично» дипломный проект на близкую ему тему: «Скоростное проведение горизонтальных выработок в условиях Североуральских бокситовых рудников».

В своей дипломной работе он показал себя инициативным, ищущим новых путей. На основании расчетов молодой специалист обосновал возможность значительного увеличения скорости проходки.

Окончив техникум, Проничкин вернулся на Североуральские бокситовые рудники, с которыми связаны важнейшие события его жизни: в Североуральске он, рядовой проходчик, стал бригадиром прославленной скоростной бригады, вступил в партию, был удостоен Сталинской премии. Отсюда его послали учиться.

— Поработаю несколько лет, — говорит Проничкин, — закреплю свои знания, а затем поступлю в Свердловский горный институт.

Н. РОЗИНА

На маршруте. У Клухорского перевала.

Домбайская поляна. Туристская база.

Фото В. Джейранова

ПО ГОРНЫМ ТРОПАМ КАВКАЗА

На Кавказе в разгаре туристская страда. Все 23 туристские базы переполнены людьми в широкополых шляпах, с заплечными сумками. Нынче их значительно больше чем в прошлом году: увеличились сроки сезона, открыт после нескольких лет перерыва самый сложный зачетный маршрут — по Военно-Сухумской дороге. По этому маршруту через Клухорский перевал должны пройти в этом году 1 700 человек. Более тысячи туристов уже прошли через Мамисонский перевал из Северной Осетии в Западную Грузию.

Как всегда, многолюден Закавказский туристский маршрут через Баку, Тбилиси, Гори, Кутаиси, Чиатуры, Батуми.

Сезон здесь окончится в ноябре.

М. ИВЛЕВА

Когда замкнется «Большое кольцо»

Более двухсот зодчих Москвы и Киева представили проекты нового подземного дворца столичного метро — станции «Киевская-кольцевая». В двух турах конкурса рассматривалось семьдесят два проекта. Утвержден был проект, принадлежащий группе киевских зодчих — Е. И. Катонину, В. К. Скугареву, Г. Е. Голубеву, А. В. Мизину.

...На стенах обширного центрального зала, залитого светом хрустальных люстр, украшенного национальным украинским орнаментом, пассажиры увидят восемнадцать мозаичных картин. Они посвящены различным этапам исторической дружбы двух народов — русского и украинского — от Переяславской рады до наших дней. Серия мозаичных картин завершится громадным панно. Тема его — сталинская дружба народов.

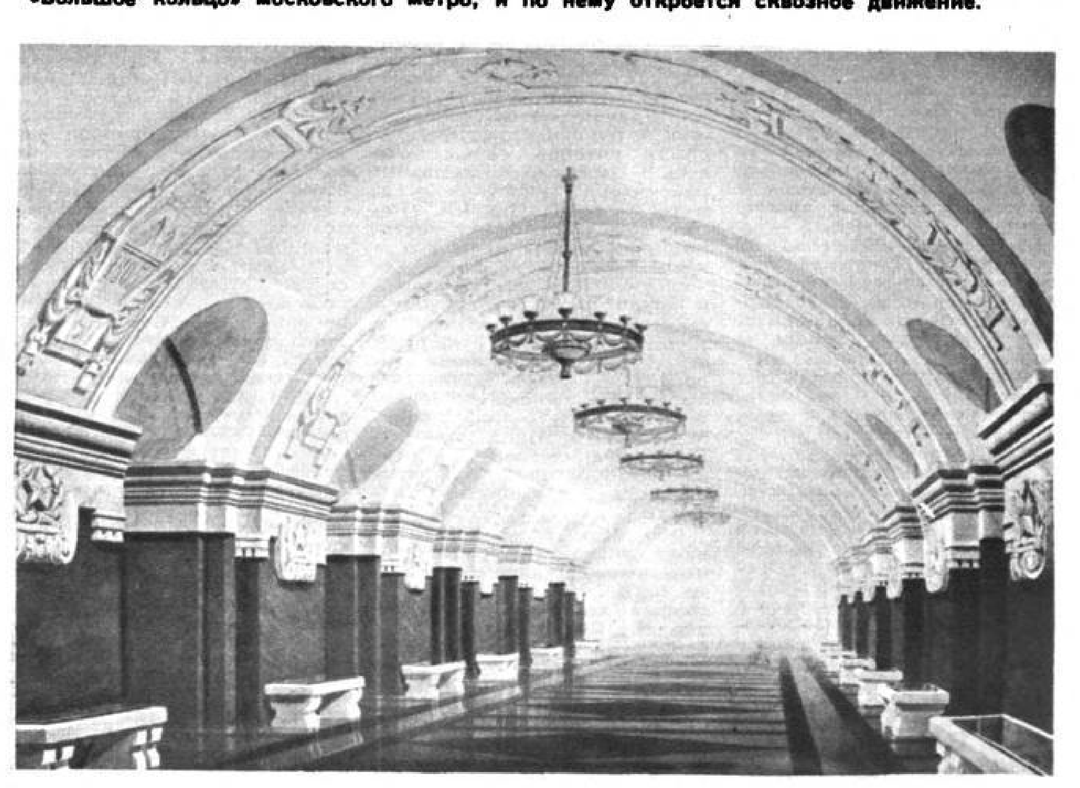
На строительстве станции, архитектура которой следует лучшим традициям украинского зодчества, будут применяться добытые на Украине отделочные материалы.

Авторами утвержденного на днях проекта станции метро «Краснопресненская» являются четверо молодых людей, лишь в 1950 году окончивших Московский архитектурный институт,— Виктор Егерев, Михаил Константинов, Феликс Новиков и Игорь Покровский. В институте студенты занимались в одной группе. Их творческая дружба не прекратилась и после того, как они вышли из стен института и поступили в различные проектные мастерские столицы. В свободное от служебной работы время молодые архитекторы создали проект станции метрополитена, прошедший через несколько туров трудного конкурса и принятый Метростроем.

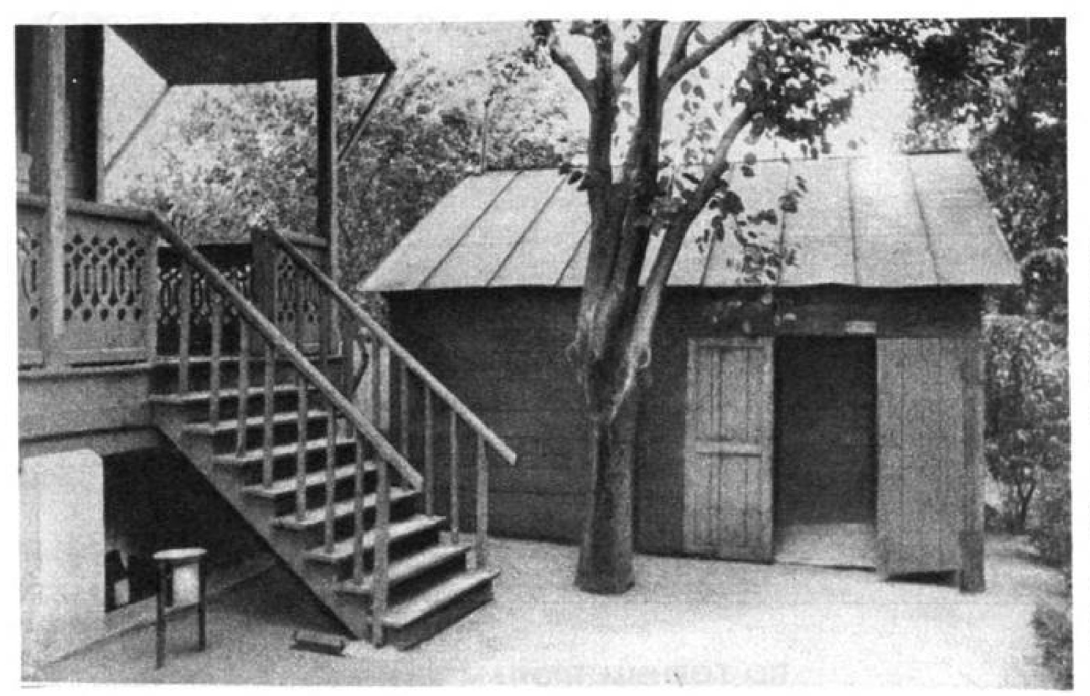
Станция «Краснопресненская» будет состоять из центрального зала и двух платформ. Массивные пилоны облицовываются красным и белым мрамором. Пилоны служат опорой для арок, на которых размещаются барельефы, посвященные героическому прошлому и замечательному настоящему Красной Пресни.

Обе станции метро должны принять пассажиров в первом квартале 1953 года. Чтобы сомкнулось двадцатикилометровое «Большое кольцо», осталось пройти около двух с половиной километров. Сбойка произойдет в конце нынешнего года. Сейчас проходчики с различных направлений движутся навстречу друг другу. Два тоннеля под Москвой-рекой — едва ли не самый сложный отрезок пути — готовы.

С вступлением в строй «Киевской-кольцевой» и «Краснопресненской» замкнется «Большое кольцо» московского метро, и по нему откроется сквозное движение.

Проект станции метро «Краснопресненская».

Крытый сарай. В нем — колодец, через который спускались в Авлабарскую типографию.

Фото К. Крымского

Тайная, Авлабарская...

На окраине Тбилиси, в той части города, которая носит старое название — Авлабар,— долгое время стоял огороженный забором пустырь со следами сгоревшего когда-то дома. Дети, прибегавшие сюда играть, не раз слышали от старых людей рассказы о том, как мирно жила тут почтенная женщина, но вот появились жандармы, оцепили дом, что-то искали, вызвали целую роту солдат. Солдаты рыли под домом и из глубокого, тайного подвала вывезли на пяти подводах какие-то машины, бумаги и бомбы. Дом солдаты спалили и ушли.

Лет 30 спустя на пустырь явились люди со схемами и чертежами. Пришли они в сопровождении участников революционного большевистского подполья в Закавказье. Здесь встретились та самая почтенная женщина — Бабе Лашадзе-Бочоридзе, которая некогда жила в авлабарском доме, старая большевичка Нина Никитична Аладжалова — член Кавказского союзного комитета РСДРП и член Военно-технической группы комитета, бывший каменщик, один из строителей этого дома, Мириан Маградзе, бывший наборщик Тигран Вахтангов и многие другие. Дом восстановили.

22 августа 1937 года на Авлабаре, по Каспской улице, № 4, открылся музей — реставрированная Авлабарская подпольная большевистская типография. Теперь у дома всегда встретишь много экскурсантов, гостей из далеких стран. Всем интересно познакомиться с этим замечательно смелым предприятием Кавказского союза РСДРП и выдающимся образцом большевистской подпольной техники.

Вот комната, в которой жила Бабе Лашадзе-Бочоридзе. Когда внизу работала печатная машина, Бабе сидела у окна — отсюда хорошо просматривалась вся улица — и приветливо улыбалась прохожим. Если кто-нибудь намеревался войти в калитку, она нажимала кнопку электрического звонка, спрятанного за шторой, и работа машины прекращалась.

Типография находилась в глубоком подземелье. Попасть в него можно было лишь через колодец во дворе. По колодцу в 10 сажен глубиной люди спускались вниз. Чуть выше уровня воды имелся тоннель, сообщавшийся с другим, замурованным колодцем. Высокая лестница вела наверх, и через другой соединительный тоннель можно было пройти в большое сводчатое подземелье. Здесь и располагалась тайная большевистская типография, которую по поручению товарища И. В. Сталина организовал талантливый конспиратор-революционер Михо Бочоридзе. Это он договорился с тогда еще беспартийным слесарем железнодорожных мастерских Давидом Ростомашвили о строительстве дома на участке отца Ростомашвили. Бочоридзе составил проект конспиративной части сооружения и руководил строительством, которое осуществлялось частично наемными рабочими, а частично — самими подпольщиками. Когда дом выстроили, Ростомашвили якобы сдал его в наем Бабе — тетке Михо Бочоридзе. Вскоре появились и «квартиранты»—рабочие с фиктивными паспортами, в действительности наборщики и печатник тайной типографии. Позже здесь же поселились члены Военно-технической группы Михо Бочоридзе и Нина Аладжалова, организовавшие в подвале лабораторию для производства взрывчатых веществ.

Обо всем этом рассказывают экспонаты, размещенные ныне в бывшей комнате Бабе. На стенах — фотографии соратников товарища И. В. Сталина в его борьбе за создание большевистских организаций на Кавказе, снимки конспиративных квартир, где Иосиф Виссарионович редактировал материалы и где хранилась и распространялась литература, отпечатанная в Авлабарской типографии.

Вторая комната посвящена издательской деятельности Кавказского союза. В ней представлены экземпляры газет «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата») и «Пролетариатис брдзолис пурцели» («Листок борьбы пролетариата»); ряд работ В. И. Ленина и И. В. Сталина, листовки, прокламации, сборники революционных песен. Все это печаталось здесь, в типографии, в течение двух с лишним лет в тысячных тиражах на грузинском, русском и армянском языках.

Местная жандармерия не в состоянии была обнаружить типографию. Пришлось затребовать лучших сыщиков из Москвы. После долгой слежки, на 29-й месяц существования типографии, она была наконец «нащупана». Люди скрылись во-время, и, может быть, тайна подпольщиков осталась бы нераскрытой, если бы горящую бумагу, брошенную одним из жандармов в колодец, не затянуло сквозняком в соединительный тоннель. Так обнаружился скрытый ход в подземелье.

15 лет открыта для посетителей реставрированная Авлабарская подпольная большевистская типография. Стоит дом и под крытым сараем колодец со всеми ходами. В подвале печатная машина. Горят ацетиленовые лампочки над кассами со шрифтом. При входе в небольшой домик мемориальная доска: «В подвале этого дома с ноября 1903 г. по 15 апреля 1906 г. существовала нелегальная типография Кавказского союзного комитета РСДРП, руководимого великим Сталиным».

За 15 лет здесь побывало более 1 220 тысяч человек.

Вот что написала в книге посетителей лауреат Сталинской премии китайская писательница Дин Лин:

«Мы счастливы от того, что побывали в этом светлом для всех месте. Мы любим Вас, товарищ Сталин. Вы — дороги нам. Вы — наша любовь, Вы — наше счастье. Вы отдаете всю свою жизнь ради народов всего мира, и мы хотим все отдать ради Вас».

В этих словах мысли и думы передовых людей всего мира.

И. МЕСХИ

Дневник ОГОНЬКА

Юрий Яновский

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Первые рассказы украинского прозаика Юрия Ивановича Яновского появились в 1924 году. С тех пор им написано много книг, среди них романы, сборники рассказов, пьесы. Ю. Яновский является автором ряда киносценариев, он выступает в печати с очерками, публицистическими статьями.

Его прозе в большой мере присущи поэтическая взволнованность, лирическая приподнятость, гармонически сочетающиеся в творческой манере писателя с разработкой эпической тематики.

Творческий путь писателя был сложен. В его произведениях сказывалось увлечение патетикой, уводившей от конкретного содержания изображаемых им жизненных процессов и явлений; в некоторых произведениях содержались идейные ошибки.

Вместе с ростом мировоззрения писателя формировались его творческие принципы. В романе «Всадники» уже ярко проявились черты художника-реалиста, осознавшего природу романтики нового типа, неразрывно связанной с исторической конкретностью и правдивостью изображения нашей действительности.

Замечательное произведение Ю. Яновского — сборник «Киевские рассказы», вышедший в 1948 году,— глубоко проникнуто идеями советского патриотизма и пролетарского интернационализма, идеями борьбы за мир. Романтически взволнованное повествование реалистически отображает подвиги советских людей на фронтах Великой Отечественной войны и в мирном труде. С большой сердечностью выведены автором в рассказах образы простых, рядовых людей — носителей лучших качеств характера советского человека, его высокой морали; писатель увлеченно живописует богатство их внутреннего мира, величие их дел во славу советской Родины. За сборник «Киевские рассказы» Юрий Иванович Яновский удостоен Сталинской премии.

Писатель переживает сейчас время подъема творческих сил, расцвета своего большого дарования.

Хочется пожелать ему в связи с пятидесятилетием новых славных творческих успехов, новых книг, любимых народом.

Ю. ЛУКИН

ШАХТЕРСКАЯ ЗДРАВНИЦА

Шахтеры получили к своему празднику еще одну замечательную здравницу. Она выстроена в Цхалтубо. В центре курортного городка высится большое, красивое здание. В санатории будут отдыхать 250 человек.

Фото С. Короткова

Доильная установка на пастбище

Советские животноводы получают новую прекрасную машину — передвижную доильную установку. Ее сконструировали, смонтировали и изготовили на заводе «Гомсельмаш» в Гомеле. Государственные испытания, проведенные в казахской зональной машиноиспытательной станции, показали, что установка может быть успешно применена для механического доения коров на отгонных пастбищах и на фермах. Надой молока при помощи этой машины увеличится на одну треть, а производительность труда доярок — в два — три раза.

...Машина с доильной установкой прибыла на пастбище. Механик выдвинул боковые крышки фургона, вынул складной трубопровод, установил его, присоединил к нему доильные ведра, затем снял складные стулья для доярок и столики для учетчика. Быстро затопили водоподогреватель, и через несколько минут доярки мыли горячей водой и содой посуду. Вот уже запущен бензодвигатель, включен вакуум-насос, отсасывающий воздух из трубопровода, и равномерно отстукивают доильные аппараты.

Удой молока тут же взвешивается и автоматически перекачивается в приемники. Отсюда охлажденное молоко переливается в бидоны и отправляется на завод.

Встреча сильнейших легкоатлетов СССР

ПОЕДИНОК ДУМБАДЗЕ — РОМАШКОВА

В этом году сильнейших легкоатлетов принимает Ленинград. Соревнования на первенство страны проводятся на крупнейшем стадионе имени Кирова.

После олимпийских игр интерес к легкой атлетике заметно повысился, и зрители с неослабевающим вниманием следят за разнообразной борьбой, начавшейся сразу же после парада и торжественного поднятия флага.

На поле вышли копьеметатели, и вот становится известным имя первого чемпиона СССР по легкой атлетике 1952 года. Это Виктор Цybуленко. Его копье пролетело 72 метра 26 сантиметров.

Почти одновременно начались другие соревнования.

Центральным событием первого дня был волнующий поединок Нины Думбадзе и Нины Ромашковой. Две сильнейшие дискоболки мира, «две большие Нины», как тут же назвали их зрители, вышли на поле с непреклонным желанием добиться победы. Как известно, Ромашкова впервые выиграла у своей знаменитой соперницы на прошлогоднем первенстве страны в Минске. На олимпийских играх Ромашкова завоевала первое место, а вернувшись из Хельсинки на Родину, побила мировой рекорд, принадлежавший Думбадзе. Началась захватывающая борьба. Диск Ромашковой пролетел 49 метров 19 сантиметров. Результат Думбадзе— 49 метров 88 сантиметров. Ромашкова бросает диск на 50 метров 97 сантиметров. Думбадзе удается улучшить этот результат. Но вот Ромашкова снова входит в круг. Она замерла, короткое движение — и ее диск черным кружком взлетел в воздух. Десятки тысяч глаз провожают его полет до той точки на зеленом поле, где он упал в траву. Протянута судейская рулетка. Результат Н. Ромашковой — 51 метр 78 сантиметров. Н. Думбадзе так и не удалось улучшить этот результат, и Н. Ромашкова сохраняет свой титул чемпиона СССР.

Прыжки в высоту выиграл молодой легкоатлет Виктор Портнов.

Финиш бега на 100 метров для женщин.
Фото И. Фетисова

Флаги над стадионом

СОСТЯЗАНИЯ НА ПЕРВЕНСТВО МИРА ПО ВОЛЕЙБОЛУ

Тренер команды Финляндии Линдстрем беседует с игроками во время минутного перерыва.
Фото Е. Умнова

Снова к прямоугольной площадке возле Западной трибуны стадиона «Динамо» было приковано внимание многочисленных любителей волейбола. Интерес к состязаниям на первенство мира исключительно велик. И, несмотря на плохую погоду, зрителей на трибунах собралось очень много.

Полюбились москвичам волейболисты далекой Индии. Первую игру они провели против опытной команды Франции. Встреча шла вечером при свете прожекторов. Индийская команда потерпела поражение. Она выступала в непривычных условиях: в Индии игра ведется по иным, нежели в Европе, правилам. Каждое состязание длится только 8 минут и заканчивается независимо от счета.

Следующую игру с командой Чехословакии индийские волейболисты провели более уверенно. В их коллективе выделяются П. Сулайман и С. Гурдев. Они обладают сильными ударами. Победила чехословацкая команда.

Третью игру индийцы провели хорошо и выиграли у команды государства Израиль со счетом 3 : 0. Всеобщие симпатии вызвала самая молодая команда девушек-индианок.

Очень напряженно протекала встреча мужских команд Польши и Венгрии. Сначала перевес был на стороне польских спортсменов. Они выиграли две партии подряд. Но венгры показали редкое упорство, умение бороться за каждое очко. Они выиграли третью партию, затем четвертую и пятую — решающую.

Уверенно играют советские волейболисты В. Ульянов, А. Якушев, В. Щагин, К. Рева, М. Пименов, Г. Ахвледиани. Это игроки основного состава. Случается, что им на смену выходят другие спортсмены.

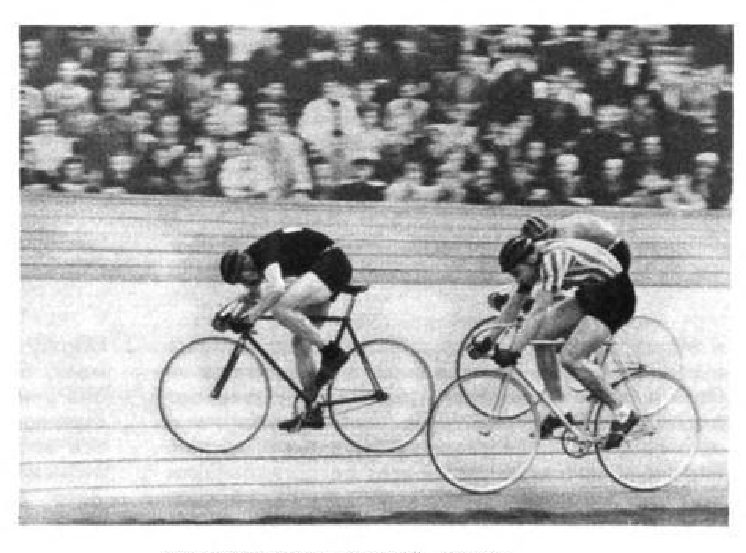
После каждой игры наступает торжественная минута. Зрители поднимаются со своих мест, волейболисты становятся лицом к флагштоку, по которому медленно под звуки гимна подымается флаг страны, команда которой только что одержала победу.

И каждый раз, когда выступает женская или мужская команда Советского Союза, на флагштоке поднимается красное знамя, а над стадионом слышны торжественные звуки Государственного гимна. Часто зрители слышат гимн Польской республики. Польские волейболистки много раз выходили победительницами из соревнований. Успешно выступают команды Чехословакии, волейболисты Венгрии, Болгарии.

Мастер спорта
А. ПИСКАРЕВ

Болгарские спортсмены приветствуют индианок после состязания.
Фото А. Бочинина

Момент спринтерской гонки.
Фото Л. Доренского (ТАСС)

Новые чемпионы

Закончились соревнования сильнейших велосипедистов страны. Они проходили в Москве, на треке стадиона Юных пионеров, и привлекли большое количество зрителей.

В некоторых видах гонок победителям прошлогодних соревнований пришлось уступить алую майку чемпиона.

Интересно прошла спринтерская гонка на 1 километр. Наиболее вероятные ее победители Е. Гришин и И. Ипполитов потерпели поражение. Финал был выигран О. Дадунашвили, который провел все состязания очень сильно и показал искусство длительного рывка. Он и завоевал почетное звание чемпиона СССР. Второе место занял Л. Хмель.

У женщин спринтерскую гонку выиграла Клавдия Королева.

Большого успеха добились велосипедисты добровольных спортивных обществ профсоюзов. Они победили в командных соревнованиях на 4 километра для мужчин и на 3 километра для женщин, в гонках за лидером, в командных гонках с выбыванием.

Соревнование на 50 километров за лидером закончилось победой В. Федина, который прошел дистанцию за лидером Б. Русаковым за 51 минуту 38,4 секунды.

В заключительный день состязаний на треке была проведена стокруговая гонка. Борьба разгорелась за 15 кругов до финиша. В ней участвовали представители команды ВВС Х. Япиньш и В. Крючков, динамовец Э. Гаммерштедт и В. Бахвалов (профсоюзы).

Первым к финишу пришел Х. Япиньш. Ему и присуждено звание чемпиона Советского Союза.

Общекомандное первое место завоевали гонщики добровольных спортивных обществ профсоюзов.

Победитель стокруговой гонки Х. Япиньш.
Фото В. Хухлаева (ТАСС)

В. Давыдов — чемпион СССР по марафонскому бегу

Колхозный спортсмен Василий Давыдов впервые принял участие в марафонском беге четыре года назад. Уже в прошлом сезоне он серьезно соперничал с опытными марафонцами, в том числе с Яковом Москаченковым, который стал победителем бега. Тогда В. Давыдов пришел третьим.

25 августа в Москве был проведен очередной, пятнадцатый марафонский бег на первенство Советского Союза. Бег повел Яков Москаченков. Пять, десять, двадцать километров он лидировал, оторвавшись от остальной группы. Затем его настигла группа бегунов, среди которых были Ф. Ванин и В. Давыдов.

Началась борьба. Темп бега усилился. Колхозный спортсмен обошел рекордсмена страны Ф. Ванина, а на 32-м километре — Москаченкова.

После этого он лидерство не уступал. Первым финишную черту пересек В. Давыдов (спортивное общество «Колгоспник»). Он пробежал 42 километра 195 метров за 2 часа 23 минуты 59 секунд.

Это новый всесоюзный рекорд.

В. Давыдов финиширует.

МИША И МАША

Рассказ

И. ВАСИЛЕНКО

Рисунки О. Верейского

Миша делает уроки в кабинете отца, а Маша в столовой, там же, где и младшие братья — Петя и Ваня. Такое преимущество Миша имеет потому, что он уже в восьмом классе, а в восьмом, как известно, программа трудная. Впрочем, уроки Миша делает легко и быстро. Особенно задачи: он их решает, будто разгрызает своими крепкими зубами орехи. Мише все равно, будет ли это задача по геометрии, или по физике, или по алгебре. Прочитав условие, он говорит: «Сейчас мы тебя раскусим». И через короткое время восклицает: «Готово!» Память у него превосходная. «Песнь о вещем Олеге» он прочитал всего два раза — и уже знал наизусть. Не то Маша: уроки она делает так медленно, что ей иногда не хватает времени, положенного семиклассникам на домашние задания. Условие задачи она прочитывает, по крайней мере, три раза, потом поднимает свои карие спокойные глаза кверху и думает. А когда все хорошо обдумает, берет ручку и начинает писать. И стихи она учит иначе: сначала крепко выучит четыре строчки, потом еще четыре, потом повторит все восемь, потом к ним прибавит еще четыре — и так, по ступенькам, доходит до конца. Зато все, что выучит, она потом помнит отлично, а Миша нет-нет да что-нибудь и забудет.

Сейчас Миша ходит по кабинету от шкафа к столу и через открытую дверь поглядывает на Машу. Ему хочется поговорить, но Маша не отрывает глаз от задачника, и Миша не решается ее отвлечь. «Разве помочь?» — думает он и направляется в столовую. Через плечо Маши он искоса пробегает задачу и пренебрежительно говорит:

— Ну, о чем тут думать? Сначала узнай...

— Перестань! — прерывает его Маша, закрывая ладонью задачу.— Я сама.

Петя и Ваня отрываются от своих тетрадей и с уважением смотрят на сестру: они ведь тоже решают сейчас свои задачи и, по совести говоря, не стали бы возражать, если бы Миша немножко помог им.

— Ну, сама — и сама,— сказал Миша, опять направляясь в кабинет.— Мне вот поговорить надо, а ты будешь тут думать до вечера.

Маша не ответила. Склонившись над тетрадью, она не спеша написала решение, потом заглянула в конец задачника и, убедившись, что задача решена правильно, аккуратно переписала решение начисто.

Миша ходил по кабинету, ерошил пальцами свои золотистые волосы и время от времени восклицал:

— Ага! За-амечательно!

Уложив в портфель книги и тетради, Маша вошла в кабинет и насмешливо сказала:

— Ну что? До вечера? И полчаса не прошло!

— Так,— подытожил вслух Миша свои размышления.— Вот, Маша, садись и слушай.— Он оперся плечом о книжный шкаф, еще чуточку подумал, прищуря свои синие глаза, и решительно начал: — Ты понимаешь, в какое время мы живем? Наука и техника развиваются у нас со страшной быстротой: заводы-автоматы, шагающие экскаваторы, управление на расстоянии... да всего не перечесть! Жалко, что ты не читаешь «Технику — молодежи», отстаешь... Но, все равно, я тебе объясню. Понимаешь, не пройдет, наверное, и пятнадцати лет, как с космодрома вылетит первый корабль...

— Откуда вылетит? — не поняла Маша.

— С космодрома. Ну, из порта, откуда корабли будут летать на другие планеты, в космос, понимаешь?

— Слово какое страшное — «космодром»...— зажмурилась Маша.

— Это без привычки,— небрежно сказал Миша.— Так вот, сейчас уже выяснилось, что лететь с Земли на другую планету сразу нельзя. Сначала поднимутся на корабле, который станет спутником Земли, вроде Луны. Понимаешь, большущий такой корабль-ракета со своими мастерскими, складами, лабораториями. А уж с этого корабля в космос вылетит корабль поменьше и совсем другой конструкции. Представляешь, как это будет? Сидишь у иллюминатора, смотришь, а там черное, как тушь, пространство, и где-то далеко-далеко голубая звезда... Это наша Земля...

— Страшно,— сказала Маша и опять зажмурилась.

— Конечно, страшновато... Но, я думаю, мы сразу на Марс или Венеру не полетим. Первый полет будет к Луне. Полетаем недели две над Луной, все исследуем, сфотографируем и вернемся. А уж потом, когда...

— Кто это «мы»? — искоса взглянула на брата Маша, почувствовав, что разговор, как это бывало уже не раз, начинает принимать практический характер.

— Кто «мы»? — с подозрительно невинным видом сказал Миша.— Вот об этом я и хотел поговорить. Ты понимаешь, какое это будет потрясающее событие? Чего-чего только не достиг человек! Даже летать научился! Только что ж! Все над Землей. А тут вдруг в космос! Впрочем, не вдруг, конечно: об этом мечтают уже давно. Главное, что эти мечты вот-вот сбудутся. Ну, лет через двенадцать, самое большое через пятнадцать. Мы с Василием Новиковым и сказали: а почему бы нам не полететь? Думаешь, фантазия? Это раньше так считали, а теперь наука все может. И тебя возьмем.

— Куда? — не поняла Маша.

— Как куда? В космос! Если решишься, то надо к этому готовиться заранее, все науки пройти, каждый день тренироваться в вынос-

ливости, развивать силу воли... Словом, работы хватит на все пятнадцать лет. Представляешь, какой будет для первого полета отбор людей? Чуть в чем слабоват — в сторону!

— И не подумаю! — сказала Маша.— Вот еще новости! Мне и здесь хорошо.

— Ах, вот ка-ак! — протянул с презрением Миша.— Тогда все понятно.— Он сделал выразительную паузу и решительно закончил: — Ты уж!

— Почему «уж»? — пожала плечами Маша.

— Потому! — Миша скривил губы и еще с бо́льшим презрением проговорил: — «Ну, что же — небо? — пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно...»

— Да, прекрасно,— твердо сказала Маша. Она встала и, не говоря ни слова, пошла в столовую.

— Подожди, подожди! — схватил ее за руку Миша.— Так легче всего — встать и уйти. Нет, ты ответь как следует. Значит, ты против полета? Против самой смелой мечты человечества?

— Я не против, но я боюсь. Понимаешь, боюсь — и только. Как это так! Лететь в темноте, все дальше и дальше от Земли... Да ни за что! И потом, это совсем не по моей специальности. Я буду педагогом или...— Маша подумала.— Или врачом. Вот.

— А теперь я отвечу,— сказал Миша тоном, заранее уничтожающим все машины возражения.— Ты думаешь, на корабле не понадобится врач? Полетят пилоты, штурманы, профессора, лаборанты,— кто будет лечить, если человек ушибется или заболеет? В Кара-Кумы едут — и то с врачом, а то на Луну!

— Я не спорю, врач нужен,— согласилась Маша.

— То-то! А теперь насчет «боюсь». Вот бабушка рассказывала, что раньше даже в поезде боялись ездить. Перед тем, как ехать, так богу молились и какие-то молебны заказывали в церкви. А тому, кто первый поднялся в воздух, ты думаешь, не страшно было? Это только так говорится: «бесстрашный путешественник», «бесстрашный исследователь», — а на самом деле всем страшно бывает, только одни, вот вроде тебя, от страха жмутся, а другие все равно вперед идут.

— Но ты понимаешь, что я не хочу на Луну, — со слезой в голосе сказала Маша. — И, пожалуйста, не тяни меня туда!

Миша спохватился.

— Конечно, конечно, — быстро заговорил он, даже не слушая, какие новые доводы приводит Маша.— В таком деле прежде всего желание. Я думал, что вместе веселей лететь, но если... Конечно, ты лучше оставайся. Потом, когда мы проложим путь... словом, когда лететь на Марс будет легче, чем теперь в Ленинград... ну, тогда и ты полетишь, если захочешь.

— И тогда не полечу,— упрямо сказала Маша.— И вообще не говори со мной об этом, не расстраивай меня. Вот! — И она решительно направилась в столовую.

А в это время Петя, перегнувшись через стол, шопотом спрашивал Ваню:

— Ты кем полетишь, а? Говори, кем, а?

Ваня с опаской поглядывал на дверь, не услышит ли Миша, сдвигал брови, чтоб казаться солидней, и так же шопотом отвечал:

— Профессором...

— Ну, профессором!.. Лучше пилотом. Я пилотом.

— Ладно, я тоже пилотом...

«И эти туда же»,— уныло подумала Маша, услышав приглушенный шопот ребят.

Вернулась с работы мать, потом отец, и все сели обедать. Ольга Константиновна поглядывала на Мишу и Машу. Миша ест суп, а его золотистые тонкие брови то взметаются вверх, то сходятся на переносице: думает. Маша со смуглым румянцем на щеках не поднимает от тарелки глаз, только изредка вздрагивают ее черные длинные ресницы. Ясно, оба взволнованы. Уж не поссорились ли?

— Миша, Маша, вы о чем думаете?

Миша вопроса не слышит, его брови попрежнему в движении. Но Маша поднимает на маму свои темные, всегда задумчивые глаза и спрашивает:

— Мама, если бы папе пришлось лететь на Луну, ты бы с ним полетела?

— А как же! — еле заметно улыбается Ольга Константиновна.— Кто бы ему на Луне носки штопал?

— Мама, я серьезно.

— И серьезно полетела бы.

— Куда? На Луну? — отрывается от своих мыслей Семен Семенович.— Гм... До Луны мне еще на Урал надо слетать, один минералишко поискать.

— А какой минералишко, папа? — проявляет вдруг Миша интерес. — Хороший?

Семен Семенович — геолог, он работает в управлении, но нередко и сам участвует в экспедициях. Когда Миша расспрашивает его о путешествиях, он сначала отвечает скупо и односложно, но потом оживляется, и тогда ребят не оторвать от него.

— Какой минералишко? Гм... Да все минералы хороши, только некоторые очень ловко маскируются. Найти их трудно...

Обед давно кончился, а Семен Семенович все сидит и рассказывает, как он, молодой еще тогда инженер, искал в одном крае молибден, как долго тот от него прятался и как попался наконец.

— Нашел?! — с восторгом крикнул Ваня.

— А ты как думал? Ясно, нашел, если он нужен нам.— Семен Семенович лукаво взглянул на Мишу.— Из вас кто-то, кажется, собирается на Луну?

— А что? — настороженно спросил Миша.

— Ничего, дело хорошее. Только... — Семен Семенович побарабанил пальцами по столу.— У нас еще и на Земле много работы. Волго-Дон, Туркменский канал, полезащитные лесные полосы,— это ведь только начало. Как говорил юный Энгельс:

Цветущим садом станет вся земля,
И все растенья страны переменят,
И пальма мира Север приоденет,
Украсит роза мерзлые поля...

Вот это как раз мы сейчас и делаем. Земля станет такой красавицей...

— Что никому не захочется на Луну, правда, папа? — подхватила Маша.

— Гм... Не совсем. Человек — существо беспокойное: он вечно будет изобретать, открывать и стремиться вперед. Но, понимаете, ребята, уж очень много у нас работы на Земле сейчас. Да какой работы! Как подумаешь — ну прямо зуд в пальцах. Луна... пусть немножко подождет.

Маша слушала, мыла тарелки и думала.

Вечером, когда отец с матерью ушли в театр, младшие лежали уже в постели, а Миша сидел за столом отца, углубившись в «Занимательную физику», Маша неслышно вошла в кабинет, постояла, подумала и нерешительно сказала:

— Вот, видишь, Миша, папа тоже говорит, что на Земле работы много... Но, все равно, если потом... ну, лет через пятнадцать, на Луну полетят, я тоже, может быть, полечу с тобой. Ведь кто-то из врачей должен же первым лететь...

И опять Маша сидит с младшими братьями в столовой и готовит уроки, а Миша ходит в кабинете от шкафа к столу и ерошит волосы. Хорошо бы поговорить с Машей, но Маша пишет изложение легенды о Данко, потом попросит Мишу проверить, правильно ли Петя и Ваня решили свои задачи, а сама пойдет на кухню и будет там к приходу папы и мамы готовить салат к обеду. Нет, к Маше сейчас не подступись. Миша раскрыл тетрадь и принялся вписывать в нее названия разных минералов.

Но вот салат готов, тетради младших братьев проверены,— можно и потолковать.

Секретарь райкома

Вл. ЛУГОВСКОЙ

— Здесь будет город, —
он сказал
и поглядел кругом.
Он тронул угольки костра
походным сапогом.
Верблюдов рев,
колодца скрип,
торжественный закат...
Барханы
вдалеке лежат,
как сотни лет назад.
Спокойно все.
Кибиток дым
неспешно вверх идет.
И коршун
завершает свой
медлительный полет.
Кувшины девушки несут,
подвесками звеня.
В далекой ферме
мы сидим
и курим у огня.
— Здесь будет город,—
он сказал,—
и школы, и райком,
Здесь тополя зашелестят
под легким ветерком,
Раскинутся ряды домов,
витрины заблестят,
Зимой на площади
заокем
мы елку для ребят,
И голос фабрика подаст
на много верст вокруг...
Все это станет не мечтой,
а делом наших рук!
Тебе не буду говорить
про скверы и сады:
Ведь рядом будет
наш канал —
величие воды.
Но пристани среди песков,
свет на речной волне,
Как чудо из земных чудес,
порою снятся мне.
По всей пустыне я гонял
свирепых басмачей
И муки жажды испытал,
буранный ад ночей.
Я на рейхстаге написал
фамилию свою,
Названье места, где рожден, —
колодец Ак-кую.
Я в коммунизм хочу войти
по праву;
наяву
К нему ведем дорогу мы.
Я для него живу...
Каких людей узнаем мы,
каких друзей найдем!..
А зелень к северу пойдет,
густея день за днем.
И Кара-Кумы мы зажмем
в зеленые тиски!
Работы много на земле,
но мы — большевики!
Пора в дорогу.
Ночь близка.
Запас бензина есть...
— Здесь будет город, —
он сказал, —
его я вижу здесь!

— Посмотри-ка, Маша, — протянул Миша раскрытую тетрадь.— Это еще не все, это только самые важные.

— Минералы? Зачем они тебе?

— Мне? Да мне они не нужны. Это минералы, которые нужны нашим заводам, лабораториям. Без них ни одна стройка не обойдется. Ты, Маша, техническую литературу не читаешь, а то бы ты знала...

— Я и так знаю, зачем нужны минералы. Слюда — вместо стекла, глина и песок — кирпичи делать, уголь — печи топить, нефть — это тоже для отопления, кроме того из нее делают керосин, бензин и вазелин.

— Это что-о! — поморщился Миша.— Это и Ваня знает. Есть такие минералы, без которых современная техника... ну, да я расскажу это тебе в другой раз. Главное вот что: папа правильно говорит, что на Земле еще много работы. Конечно, на Луну мы полетим, обязательно полетим, но это потом, а до того будет другое путешествие. Знаешь, какое?

Миша раскрыл свой портфель и с таинственным видом извлек из него какую-то металлическую штуку, как показалось Маше, очень похожую на крысу.

— Это что? — привстала Маша с кресла.

— Сейчас узнаешь.— Миша сбегал на кухню и принес оттуда заранее приготовленный таз с песком.— Сейчас все узнаешь. Вот, смотри.— Он положил «крысу» на песок и ногтем двинул на ней какой-то рычажок. Внутри «крысы» зажужжало, она уткнулась носом в песок и зарылась в нем.

— Да что это?! — почти с испугом воскликнула Маша.

Миша самодовольно улыбнулся.

— Модель подземной лодки. Целую неделю с Василием Новиковым делали в нашем техническом кружке. Понимаешь, в чем тут принцип?

— Какой принцип? — ошеломленно прошептала Маша.

— Ну, принцип, по которому действует этот аппарат... Так принято в технике говорить. Носом он разрыхляет землю, боками уминает ее и весь движется под землей, как крот. Конечно, настоящую лодку, которая будет под землей ходить, как в воде, построят еще не скоро, но принцип правильный, сама видишь. Вот на такой лодке мы с Василием Новиковым и двинемся в недра земли. Во-первых, это тренировка воли, воспитание выдержки и находчивости, а главное — чего мы только под землей не найдем! Нефть? Пожалуйста. Литий? Сколько угодно. Нужно будет найти газ и осветить все поля, чтоб ночью убирать урожай, найдем и осветим поля... Да что поля! Всю землю осветим! Так вот, решай: поедешь с нами или нет? Если поедешь, то к этому надо готовиться заранее.

— Под зе-емлю?! — широко раскрыла Маша глаза.— Ни за что!.. Да как это можно!

— Странно,— пожал плечами Миша.— Какой-то там крот, неразумное существо, может путешествовать под землей, как ему вздумается, а человек — нет?

— Крот! Он так и создан, чтоб под землей ходить.

— Вот, вот! Так раньше и говорили: человек не птица — летать не может. Ты рассуждаешь, как отсталый элемент.

— При чем тут «отсталый элемент»? — возмутилась Маша.— Разве я против лодки? Но страшно, понимаешь?!.

Миша повел бровями.

— Всем страшно с непривычки... Впрочем,— поспешно сказал он, заметив, как дрогнули у Маши ресницы,— ты не волнуйся: ведь никто тебя не тянет. Не хочешь — не надо. Будешь лечить на земле. Тут тоже работы хватит. Потом, когда мы лодку освоим и в ней так же легко будет двигаться, как в метро, поедешь, если захочешь, и ты.— Миша прошелся по кабинету, остановился и прищурил один глаз, будто на что-то нацеливался.— А что, Маша, если я перескочу через девятый класс? Летом позанимаюсь — и прямо в десятый. Все-таки на год ближе к цели. В нашей школе такой уже был случай. Думаешь, не одолею?

— Ты одолеешь,— уверенно сказала Маша и грустно добавила: — А я нет.

Она встала и тихонько пошла в столовую, к своему любимому местечку — между боковой стеной массивного буфета и окном. Здесь всегда так уютно! Никто тебя не видит, а ты сам видишь все, что делается на улице, и слышишь, о чем говорят в доме. Маша усаживается на стул и в ожидании папы и мамы раскрывает взятый сегодня в школьной библиотеке «Пионер». Но до сознания почти ничего не доходит. То и дело она ловит себя на том, что перечитывает одни и те же строчки по нескольку раз. Так всегда бывает, когда у нее не решено что-нибудь очень важное. Она закрывает журнал и думает. Да, под землей страшно: вдруг лодка где-нибудь застрянет или даже раздавится. Конечно, им пошлют на выручку другую лодку, но все-таки, пока спасешься, поволнуешься, а Маша не любит волноваться: она хочет, чтоб все было мирно и спокойно. Но разве она будет меньше волноваться, если Миша уедет один, без нее? Да она нигде места себе не найдет в ожидании, она умрет, не дождавшись! Нет, уж лучше ехать вместе. Зато, если благополучно вернутся, сколько будет радости! И как им будут благодарны люди! Ведь Данко для людей даже сердца своего не пожалел. О чем же она думает?! Нет, надо ехать. Надо твердо решить это и больше уж не волноваться. Вот только бы Миша еще чего-нибудь не придумал.

Маша встает и идет в кабинет.

— Миша,— говорит она тихо,— вот я хотела тебя спросить: на этой... на подземной лодке... тоже должен быть врач?

— Думаю, что должен. Только для экономии места он будет по совместительству и коком,— с видом знатока отвечает Миша.

Маша переступает с ноги на ногу и наконец решается:

— Что ж, Миша, может быть, я и поеду. Только прошу тебя, не придумывай больше ничего такого. Пожалуйста! Хватит и этого!

Забойщик шахты № 4-5 «Никитовка»

И. С. Берлович.

Забойщик шахты № 1 (Центральная) комбината «Артемуголь» Герой Социалистического Труда П. К. Заварза.

Рисунки **А. Лурье**

Экскаваторщик треста «Стройгаз» № 1 (город Барнаул) лауреат Сталинской премии Н. М. Ярыгин.

Фото М. Савина

ИСКУССТВО ЭКСКАВАТОРЩИКА

О Никифоре Михайловиче Ярыгине нам рассказали в Алтайском краевом издательстве. Книга Н. Ярыгина «Двадцать один год работы на одном экскаваторе» разошлась в рекордно быстрый срок, а заявки на нее продолжали поступать со всех концов страны. Издательство предприняло второй выпуск, но заголовок на книге пришлось несколько изменить. Лауреат Сталинской премии Никифор Михайлович на том же экскаваторе проработал со своей бригадой еще год.

...Сельский подпасок, в 1928 году он окончил курсы трактористов, работал в МТС, поднимал земли первых колхозов, а затем ушел на строительство Горьковского автозавода. Когда на стройку пришли новые машины —экскаваторы,— Ярыгин оставил работу на тракторе. Он задумал овладеть специальностью экскаваторщика.

С той поры, как Никифор Михайлович получил в свои руки машину, небольшую по сравнению с современными мощными экскаваторами, он проделал гигантскую работу. Вместе со своей бригадой Ярыгин за 22 года вынул около 2 миллионов кубометров грунта.

Даже суровые сибирские морозы не могут помешать работе бригады Ярыгина. Глубоко промерзший грунт разбивается тяжелым металлическим клином весом больше двух тонн, — он подвешивается на трос экскаватора вместо ковша. Вот он поднят на высоту 12 метров и стремительно обрушивается на землю. Спаянный морозами грунт не выдерживает и двух — трех ударов.

С многочисленных строек Союза идут на Алтай письма с коротким адресом: город Барнаул, лауреату Сталинской премии Н. М. Ярыгину.

Теперь у Ярыгина есть ученики не только в Барнауле, но и во многих других городах страны.

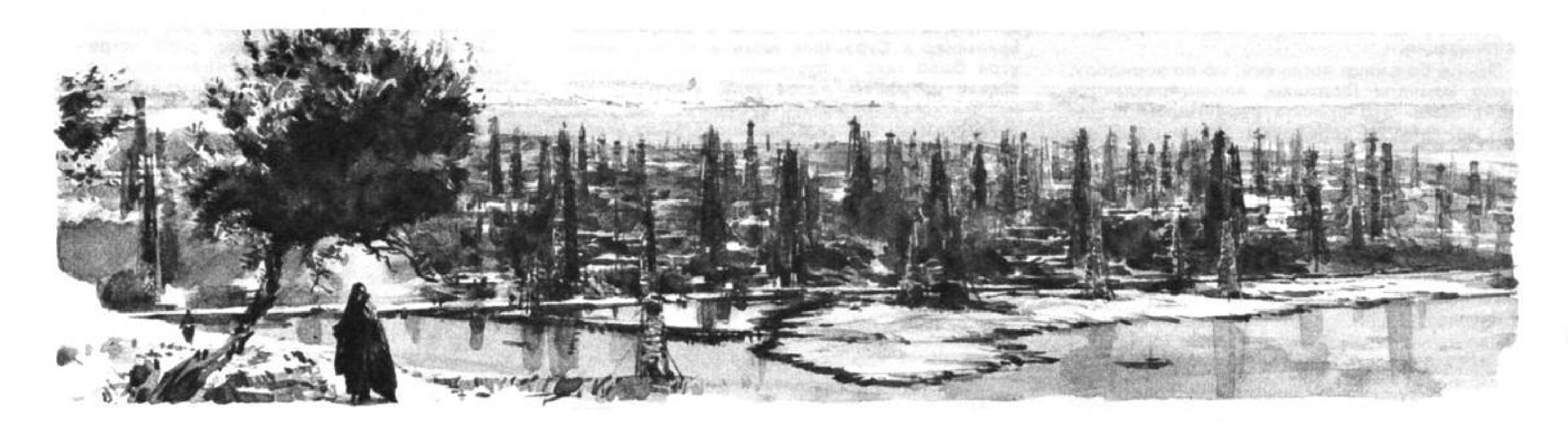
В. ПУХНАЧЕВ

Курорт Боровое. Казахская ССР.

Фото П. Боброва

Летом. Фотоэтюд М. Еленина

ЗАРЕВО

Главы из романа

Юрий ЛИБЕДИНСКИЙ

Рисунки В. Климашина

Официант ресторана, тот самый, через которого с первого же дня приезда в Баку Константин установил связь с бакинским партийным комитетом, сообщил ему адрес зубного врача.

Обвязав щеку, Константин направился по указанному адресу. Дорогой у больших магазинов Константин иногда настолько заинтересовывался витринами, что останавливался перед ними и осторожно оглядывался: не идет ли за ним шпик? Нет, за ним никто не шел: он, видимо, еще не удостоился внимания бакинской охранки.

Зубной врач, седая, но румяная, моложавая, веселая женщина, положила пациенту в зуб ватку и попросила придти на следующий день, назначив ему время в приемные часы. Когда Константин пришел вторично, она сама открыла дверь и, на этот раз серьезная и взволнованная, провела его из приемной в глубь квартиры. Они поднялись по внутренней узенькой лестнице куда-то вверх. Хозяйка молча открыла дверь и пропустила Константина вперед. Навстречу ему поднялся крупного сложения человек в легком летнем пальто и фуражке инженера-технолога. Черная борода, смуглый цвет лица и темные глубокие глаза — таков был Мешади Азизбеков, которого Константин узнал по описанию. Дружелюбно улыбаясь, он протянул Константину руку. Хозяйка тотчас же исчезла, и они остались вдвоем. В комнате стояли простой маленький столик и узенькая кровать, учебники были на столе и на полочке — это могла быть комната ученика старшего класса гимназии. В открытое окно виднелись пологие или совсем плоские бакинские крыши, кое-где на них лежали подушки и разостланы были ковры: по ночам на крышах в это летнее, жаркое время года спали люди. То там, то тут поблескивало окошко чердака или такой же мансарды, в которой вели сейчас разговор два большевика: посланец Петербурга и представитель Бакинского партийного комитета.

Не спуская с Константина «пламенных», как подумал Константин, глаз, Мешади Азизбеков рассказывал о том, с какой радостью получают бакинцы каждую весточку из Петербурга и Москвы.

— Ведь мы, помогая семьям бастующих, не забываем каждому сказать: «Эти медные копейки дороже золота! Питерский или московский рабочий, такой же бедняк, как и ты, поделился с тобой своим скудным заработком». Петербург, Москва, Баку! Ведь если наши три города скажут шах шах-эн-шаху всероссийскому, такой шах может быть матом самодержавию!

Когда Азизбеков сказал это, словно молния блеснула в его глазах. Резким движением он весь выпрямился и поднял крепко стиснутый кулак. Но тут же, овладевая собой, он сунул руки в карманы пальто, исподлобья взглянул на Константина, и смущенная, добрая усмешка пробежала по его лицу.

— Этим летом мы все в Баку почувствовали, что сроки революции приблизились, и, если уж говорить откровенно, мне кажется, вот-вот она начнется... Бакинцы готовы взяться за оружие... Крестьяне? Есть у нас один товарищ — товарищ Буниат, он недавно вернулся из деревни, — он говорит: в деревне ждут, что Баку скажет. А Баку... Читали «Письма с Кавказа» за подписью «К. С.»? Читали? Вы, конечно, знаете, кто автор этой статьи? В статье этой четыре года тому назад товарищ Коба — а в нем мы, бакинцы, издавна видим своего учителя — первый отметил, что азербайджанские рабочие-тартальщики занимают важнейший пост в добыче нефти и что количественно они преобладают среди бакинского пролетариата. История хорошо работает на нас. Школу бакинских промыслов прошли десятки тысяч вчерашних азербайджанских крестьян, и с какой гордостью вижу я сейчас своих, как мы говорим, амшара — земляков, сородичей, что ли, — в основной массе борющегося бакинского пролетариата! Ну, а наш рабочий связан с деревней такими же нитями, как и русский, если не сильнее...

Он говорил, держа руки в карманах, раскачиваясь, и при этом глядел поверх крыш и плоских кровель туда, где под густой синевой неба угадывалось море.

— Сейчас для бакинцев услышать голос Питера... О, это будет большая радость! — сказал он.

Попросив Константина сесть на стул, а сам присев на кровать, он коротко сообщил о событиях последних дней.

— Джунковский по приезде, как и следовало ожидать, провел совещание с нефтепромышленниками. Я познакомлю вас с материалами совещания, они у нас есть. Не все там шло так гладко, как хотелось бы Джунковскому, но в общем ворон ворону глаз не выклюет... Ведь так говорится по-русски? Единая линия борьбы с забастовкой выработана. Военное положение в Баку — это начало. Аресты идут за арестами. Вчера взяли старейшего нашего товарища, Стефани, — вы его знаете, конечно. Полиция выследила и арестовала двух наших делегатов из трех, передававших требования Совету съездов промышленников. Одним словом, военное положение. Но нашу бакинскую организацию создавал Коба, мы под его руководством строили ее как организацию боевую, революционную. Разгромить нас нельзя. Вы читали второе объявление Джунковского?

— Воззвание к штрейкбрехерам? — со смешком сказал Константин. — Читал, конечно... И гнусные комментарии обеих бакинских буржуазных газет.

— Именно. Но на террор и провокации Джунковского и Мартынова мы дадим достойный ответ. Задуман митинг и демонстрация. Тут-то вы и выступите, товарищ Константин, и скажете слово от питерского пролетариата. Будет еще сказано слово от тифлисских товарищей, наших ближайших соседей. Бакинцы не должны чувствовать себя одинокими.

Они условились, что к Константину — или утром, когда он будет спускаться из своего номера в ресторан, или вечером, когда станет подниматься наверх, — подойдет кто-либо и произнесет пароль. После отзыва Константина человек сообщит, когда состоится митинг и как туда попасть.

— Значит, до скорого свидания, — сказал Мешади. — Я ухожу туда, — он указал на крышу, — не смущайтесь, здесь проходит кошачья тропа, соединяющая это место с моим домом, где меня сейчас караулят шпики, уверенные, что я сейчас отдыхаю после обеда. А вы оставайтесь здесь. Вот... — он указал на книгу, лежавшую на столе. «Шалыгин. Теория словесности» было напечатано на ней. — Здесь есть материалы, о которых я вам говорил. Прочтите, они дадут вам представление о том, как мы живем и боремся.

Он сделал приветственный жест и скрылся, уходя по крышам.

Константин еще долго сидел в комнате, прочитывая одну за другой листовки и прокламации стачечного комитета и Бакинского комитета партии, просматривая богатые статистические и экономические данные, по которым можно было судить о политике нефтепромышленников. Ход великого сражения Константину становился все яснее.

Погрузившись в чтение, Константин не слышал, как хозяйка бесшумно открывала дверь и снова уходила. Потом она тихонько постучала в дверь. Он вздрогнул и вскочил.

— Ничего, не беспокойтесь, все в порядке, — сказала она. — Я хотела только спросить вас: может, вам удобно будет остаться здесь ночевать? Это комната моего сына, а он уехал в летнюю экскурсию, и здесь вы никого не стесните.

— Нет, спасибо, большое спасибо, — он крепко пожал ее горячую руку.

— А то, правда, останьтесь.

— Нет, нет, я пойду к себе в гостиницу. Спасибо.

Он ушел.

Час был уже поздний, больные спали. Людмила, потушив свет, сидела возле кровати Аскера. Аскер привык засыпать, держа в руке ее руку. Наконец рука его обмякла и раскрылась: мальчик спал. Людмила могла бы отойти от него, но она, облокотившись на спинку кровати, не то чтобы задумалась — мыслей не было, — а запечалилась, заскучала, захотелось домой... Дело было сделано: Аскер спасен. Она могла бы, оставив мальчика на попечение его дяди, жителя одной из близких к Тюркенду деревень, вернуться к своим товарищам по экспедиции, а еще лучше съездить домой. Баженов обещал по окончании экспедиции отпустить ее в Краснорецк до начала учебного года.

Но Вера Илларионовна попросила ее подождать еще несколько дней: очень уж удобен

Окончание. См. «Огонек» № 35.

был изолятор для дел бакинской партийной организации.

Огни в больнице погашены, но по коридору, мимо комнаты Людмилы, порою раздаются тихие шаги. Это прошла Вера Илларионовна или кто-либо из работников больницы. А вот прошел кто-то незнакомый: мужской шаг, крепкий и все же еле слышный. Дверь бесшумно открылась, в комнату вошла Вера Илларионовна.

— Люда, — сказала она, — я на некоторое время приведу к тебе одного товарища, пусть он побудет здесь недолго: может быть, полчаса, час.

В ответ Люда только молча пожала руку Веры Илларионовны, и та исчезла.

Снова тишина, опять чьи-то незнакомые шаги, и в комнату вошел кто-то в белом халате — шаг мягкий, так ступают в кавказских сапожках. Человек остановился посреди комнаты.

— Садитесь, пожалуйста, там, возле окна, стул, — прошептала Люда.

Мужская фигура в белом халате показалась посреди комнаты и вновь исчезла... Стул сдвинулся, скрипнул, белый халат обозначился возле окна. Тишина, слышно, как кто-то дышит...

— Это хвост Малой Медведицы виден? — тихо, почти шопотом, спросил тот, кто неслышно сидел у окна.

— Да, это хвост Малой Медведицы, — тихо ответила Люда.— Видите, Полярная звезда вот там, над той горкой. В Петербурге она никогда так низко не бывает.

— А вы из Петербурга?

— Нет, я из Красноречка, но учусь в Петербурге.

— Я тоже учусь в Петербурге, — ответил после некоторого молчания голос у окна, — на юридическом факультете.

— Я медичка, — ответила Люда.

— Меня зовут Саша... Будем знакомы?

— Конечно... Меня — Люда.

Опять наступило долгое молчание.

— Вы как будто бы сказали, что живете постоянно в Красноречке?

Волнение слышно было в этом тихом голосе, и оно сразу передалось Люде.

— Да, в Красноречке, — прошептала она.

— Вы Гедеминова Людмила?

Люда, ничего не ответив, кивнула головой. Он, конечно, не мог рассмотреть этого кивка, но Саше и не нужен был этот кивок для продолжения разговора.

— Вы в прошлом году получили открытку от человека, обоим нам дорогого? — грузинский акцент, раньше почти неуловимый, стал чувствоваться сильнее и придавал его шопоту особенную выразительность. — Припоминаете? Да? Там было написано о «Песне без слов» Чайковского.

— Константин? Где он сейчас? — спросила Люда.

— Его арестовали при мне в Тифлисе и увезли куда-то в Россию — вот и все, что я знаю. А открытку эту... — Саша запнулся, наверно, он покраснел, — это письмо писалось при мне.

— Арестовали? — тихо не то спросила, не то повторила Люда.

Но в это время в комнату неслышно вошла Вера Илларионовна и обратилась к Саше.

— Комната для вас готова, — сказала она.— Завтра у нас здесь произойдут большие события, — добавила она, обращаясь к Люде.

Люда, подойдя к окну, долго глядела на звезды Малой Медведицы, взволнованная встречей с Сашей и разговором о Константине. Бесконечно далеким, как эти звезды, казался ей Константин. А между тем он находился в этом же здании, в комнате дежурного врача. Он крепко спал, не имея понятия о том, что рядом с ним только что познакомились и говорили о нем Людмила и Александр, близкие и дорогие ему люди.

* * *

Уже с вечера руководители забастовки сделали все, чтобы направить полицию и охранку по ложному следу, и Мартынов получил «неоспоримые» данные о предполагающемся митинге и выступлении на нем представителя петербургских рабочих в Биби-Эйбате, то есть в противоположной стороне города. Туда и двинулись все воинские силы. В Сабунчах же, Балаханах и Сураханах даже в восемь часов утра было тихо и пустынно. Митинг был назначен на девять часов утра, участники его незаметно скапливались в оврагах, ложбинах и котлованах, которых так много было в этой части города...

Аскер с утра капризничал, не хотел принимать лекарство, и Люда, чтобы развлечь ребенка, услышав шум голосов, распахнула окно. Вся эта обычно пустынная местность между больницей и строениями была сейчас покрыта людьми. Эта масса людей шумела, передвигалась — в картузах, тюбетейках, тюрбанах, белых войлочных шляпах и черных барашковых шапках.

— Вон сколько их, смотри, — приговаривала Люда, обращаясь к Аскеру, сразу затихшему.

Вдруг Люда смолкла. До нее донесся звонкий и мужественный голос, и внимание всех людей направилось в ту сторону, откуда он слышался. Люде странно знаком был этот голос, точно она слышала его во сне. Но как Люда ни перегибалась через подоконник, она за выступом большого здания не могла увидеть того, кто говорил... С изумлением и волнением узнавала она этот голос: только Константину мог он принадлежать. А слова речи то слышались очень глухо, то вдруг, словно на мгновение открыли дверь, голос раздавался громко и так раздельно, как будто Константин говорил здесь, в комнате...

— Как смелые пловцы... не страшась разъяренных волн... на своих челнах... И кинули вызов...

Тут дверь будто внезапно захлопнулась, и Люда уже ничего не могла дальше разобрать, хотя голос все звучал и слова попрежнему чудесно укладывались в лад и ритм. Вот он что-то сказал, и вся масса людей, которую видела перед собой Людмила, заволновалась, приветственно загудела, лица заулыбались, тысячи глаз засверкали. Люда видела, что все это направлено к человеку, которого ей так хотелось сейчас увидеть. Не спуская с рук Аскера, она выбежала из комнаты.

Рядом с больницей было низенькое, приземистое здание компрессорной станции, бездействующей с начала забастовки. Это здание, стоявшее на горе, господствовало над местностью, представляя сейчас собою трибуну, с которой посланец пролетарского Петербурга говорил с рабочими Баку. Константину никогда еще не приходилось выступать в такой обширной и необычайной аудитории, какой была эта запруженная народом долина. Но и такого восторга, такого вдохновения, какое испытывал он сейчас, ему тоже не приходилось переживать.

Константин еще сам не знал себя, не знал своих богатырских сил и всего того, что ему предстоит совершить. Но он видел, с какой жадностью люди, собравшиеся здесь, слушают его, изголодавшиеся, изнуренные, истомившиеся в борьбе, и любовь к этим людям и преданность их великому делу придавали его голосу силу; слова ложились в лад, в ритм, как бы выражавший биение его сердца. А когда он рассказал о питерских рабочих, о подмоге из Петербурга, о том, как эти трудовые кровные копейки собирались на дворе Путиловского завода, как конная жандармерия налетела на митинг, встреченная огненным призывом: «На баррикады!» — сразу ответный гул прошел по всей многотысячной массе собравшихся. Константину подумалось, что отделенные тысячеверстным пространством люди — там, в Петербурге, и здесь, в Баку,— слитны и живут одной жизнью. При этой мысли его словно волной подняло вверх. С восторгом рисовал он людям величественные очертания революции, которая должна наступить в ближайшем будущем.

Порою Константин смотрел на Мешади Азизбекова, и как только уловил в ответном взгляде Мешади какое-то беспокойство, сразу повел речь к концу.

Еще гремели аплодисменты, когда он по лестнице, приставленной к крыше, быстро опустился на землю и вдруг увидел перед собой Людмилу со смуглым ребенком на руках. Она быстро подошла к нему, глаза ее сияли. Протягивая ему свою большую красивую руку, она другой рукой свободно и легко держала ребенка.

— Как я рада!.. Я слышала... Все слышала!

Он видел, что она, правда, рада встрече, очень рада, и это было главное. «Это главное,— подумал он, глядя в ее сияющие глаза.— А ребенок?..— Он вспомнил, что говорил Кокоша.— И пусть будет так, только было бы как сейчас, чтобы она на меня так вот глядела».

Наверху уже говорил Александр. Волнуясь и запинаясь, приветствовал он бакинцев от имени пролетариата Тифлиса и его большевистской организации.

— Мы всегда с вами, товарищи! Еще в прошлом году лучшие наши люди поплатились свободой за то, что собирали деньги для вас. Но вот наша организация снова воссоздана!..

— Вы ведь были арестованы? — спрашивала Людмила.

Он смотрел на нее и рассказывал о себе.

Уже говорил Мешади Азизбеков, говорил по-азербайджански, и снова гулом и криками отвечал народ...

— Вы знакомы? — услышал Константин голос Веры Илларионовны.

— Старые знакомые,— ответил весело Константин.

Вера Илларионовна перевела взгляд на лицо Людмилы, потом снова посмотрела на него.

— Ну, все к лучшему в этом лучшем из миров,— сказала она.— Нашего гостя нужно часа на два спрятать, и более удобное место, чем ваша комната, трудно себе представить.

* * *

Сговариваясь с Константином о предстоящем выступлении, руководители партийной организации, конечно, понимали, какое действие окажет на бакинцев слово посланца питерских рабочих. Но всей воспламеняющей силы действия речи Константина они все-таки не могли предвосхитить. Слова его упали в души людей исстрадавшихся, истомленных и не только не сломленных забастовкой, но особенно ожесточенных и наэлектризованных. И когда после короткой, но особенно подействовавшей на рабочих-азербайджанцев речи Мешади чей-то голос, высокий, напряженный, крикнул: «В город, товарищи! Пусть они видят нашу силу!» — Буниат узнал того, кто крикнул эти слова. Кричал молоденький Шамси, с которым его познакомил еще в самом начале забастовки Алым Мидов. «Так вот оно что!» — с волнением и гордостью, как если бы Шамси был его младший брат, подумал Буниат. И сразу же несколько голосов не в лад, но с силой затянули:

Вихри враждебные веют над нами...

Общий шум и нестройные крики прекратились, люди двинулись по шоссе в сторону города.

Визиров и Столетов переглянулись и пробились вперед, где рослый Акоп, единственный из трех делегатов, предъявлявших требования нефтепромышленникам, еще не арестованный, уже нес на высоком шесте небольшое кумачовое знамя.

Когда Мартынову сообщили, что встреча с петербургским делегатом проведена совсем не в Биби-Эйбате, как доносила охранка, а возле больницы в Балахано-Сабунчинском районе и не только прошла благополучно, но после митинга оттуда двинулась к городу большая демонстрация, он прежде всего позвонил по телефону начальнику охранного отделения и обругал того самыми крепкими словами, которые только нашлись в его лексиконе. Не знать о том, что подготовляется такое дело! Да чем, в таком случае, занята вся агентурная сеть, эти дармоеды, пожирающие такие деньги?

Мартынов, всю свою жизнь занятый борьбой с революцией, борьбой, в конечном итоге безуспешной, был уверен в силе своего противника и не мог предположить, что и для вожаков-то бакинских рабочих возникновение такой демонстрации в какой-то степени тоже было неожиданным. Но Мартынов чувствовал, что в этой демонстрации, возникшей после шестидесяти дней забастовки, таится нечто опасное и грозное. И он немедленно перебросил полицейские и воинские силы, сосредоточенные до этого в Биби-Эйбате, в сторону вокзала, куда должны были со стороны Балаханинского и Романинского шоссе выйти

демонстранты. Расправу над ними он поручил полицмейстеру Ланину, известному своей палаческой сноровкой при разгоне демонстраций.

Ланин решил ни за что не допустить выхода этой массы людей к вокзалу. Он задумал, проведя конных стражников через территорию обширных промысловых дворов, напасть на демонстрацию сбоку, с фланга, рассчитывая прежде всего отсечь головную часть колонны — там, по его представлению, находились вожаки — от длинной, растянувшейся более чем на версту многотысячной демонстрации. Массу разогнать нагайками, а «головку» всю, предварительно избив, переарестовать, так рассчитывал Ланин.

Снова и снова повторяя одну и ту же песню: «Вихри враждебные веют над нами...» — и привлекая к себе во время движения все новых участников, демонстранты двигались к вокзалу.

— После шестидесяти дней голода, лишений такая сплоченность, сила, готовность к борьбе! — говорил Столетов Бунимату.— Если бы Коба видел!

Несколько шагов прошли они молча. Пели люди:

Знамя великой борьбы всех народов...

— Мартынова, наверно, уже оповестили, и он пошлет на нас своих псов,— угадывая замыслы врага, сказал Буниат.— Они не допустят нас к вокзалу, потому что там уже с нами им не справиться. Они попробуют нас перехватить еще на шоссе.

— Ты прав,— отозвался Столетов.— Нужно подготовиться к вооруженному отпору.

Буниат, помолчав, сказал:

— Оружия у нас не очень много, но я на всякий случай предупредил, чтобы те, кто имеет, держали его наготове. Сейчас мы будем проходить мимо кирпичных и лесных складов... Алыма Мидова не хватает.

Буниат огляделся и нашел глазами Акопа. Глуховатый бас его выделялся среди множества напряженно-высоких голосов.

Но мы подымем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело...—

пел он, время от времени посматривая в сторону Столетова и Буниата, идущих неподалеку.

Буниат подозвал Акопа к себе, сказал ему несколько слов, и Акоп, передав знамя товарищу, торопливо пошел назад, к концу колонны.

Показались конные стражники. На одном из пустырей, примыкавших к шоссе, размахивая нагайками и набирая аллюр, они понеслись на демонстрантов. Ланин, сопровождавший свой отряд, увидел, что демонстранты, растерявшиеся в первый момент, быстро пришли в себя, беготня и суетня среди них прекратились.

«Кто там у них распоряжается?» — злобно подумал Ланин, видя, как стражников встретили обломками кирпича и кусками железного лома.

Раздалось несколько револьверных выстрелов... Среди общих криков, не только не выражавших страха, а угрожавших, послышался вдруг призыв:

— Баррикады! На баррикады!

И Буниат, сразу кинувшийся туда, где произошло нападение стражников, подумал, что призыв этот звучит, как эхо событий на Путиловском заводе, о которых сегодня рассказывал Константин.

Стражники, не рассчитывавшие на отпор, повернули коней обратно. Ланин выругался и приложил к губам свисток. Этот короткий свист был сигналом: рота солдат, припасенная в виде резерва, уже подбегала со штыками наперевес.

Но на другой стороне шоссе оказался тот самый дровяной склад, о котором Визиров напомнил Столетову: там уже строилась баррикада. Огромные бревна перекатывались с такой быстротой и слаженностью, какая проявляется только при массовом воодушевлении, при ясном представлении об общей опасности и при наличии во главе бесстрашных и распорядительных людей.

Когда солдаты, подбежав, дали первый залп, люди укрылись за длинной, белеющей свежим деревом баррикадой. Тотчас же в ответ на залп из-за баррикады ответили градом камней и редкими выстрелами.

Ланин услышал, как вокруг него просвистели пули — целили прямо в него,— и поспешно соскочил с крыши невысокого здания, на которое взобрался. Он медлил отдавать следующую команду, и солдаты сразу растерялись, тем более, что с баррикады кричали им:

— Братцы, не стреляйте! Чего в своих стрелять?! Фараонов проклятых бейте!

В этот момент до Буниата донесся вдруг тяжкий, похожий на рычание стон. Повернув голову, он увидел, как Акоп, встав на колени, тормошит чье-то неподвижное тело. Не видя еще лица, лишь по пестрому архалуку Буниат признал Шамси.

— Сыночек, сыночек! — перемежая армянские слова с азербайджанскими, говорил Акоп и, подняв свои светлые, серые, полные слез глаза на Буниата, сказал, всхлипывая:

— Не расцвел цветок...

И Буниату мгновенно представилась, словно при яркой вспышке, вся эта короткая жизнь Шамси: трудолюбивые ковровщицы мать и сестры, новый путь, новые товарищи, и смерть, гибель на баррикаде, на руках товарища.

Предостерегающий возглас Вани Столетова вывел Буниата из мгновенного раздумья. Со штыками наперевес на баррикаду бежали солдаты. И тут вдруг Акоп вскочил, с нечеловеческой силой схватил обеими руками одно из бревен за середину, поднял его и бросил на солдат. Стоны и ругательства сразу смешавшихся солдат, новые револьверные выстрелы и град камней с баррикады...

А из глубины пустыря уже набегала другая взводная шеренга со штыками наперевес.

— Отходить надо,— сказал Столетов Буниату.— Отводить людей нужно. Я останусь, ты отходи.

— Почему я?

— Ты ранен,— ответил Столетов, показав на левую руку Буниата.

Лишь сейчас ощутил Буниат, что рука действительно отяжелела и что из рукава на ладонь вытекает кровь.

— Только покойников наших унесите, мы еще справим похороны,— сказал Столетов.

И надолго запомнились Буниату эти проникнутые угрозой слова.

Акоп уже уносил Шамси. Двое рабочих подняли с земли еще одного убитого: голова с остренькой русой бородкой завалилась, как у птицы, запекшийся рот закрыт, и на тонкой шее резко выдался кадык.

* * *

Константин, когда возникала необходимость бодрствовать подряд несколько суток, брал себя в руки и не засыпал все это время. Зато когда представлялась возможность выспаться, умел заставить себя заснуть даже при сильном шуме и ярком свете. Вернувшись после выступления на митинге в свой номер гостиницы, он, казалось бы, получил полную возможность основательно отдохнуть. Но в этот день произошло так много!.. И все же нужно спать и спать. Снизу, из ресторана, доносилась музыка, но пусть — это даже приятно!.. Он прислушался к повторяющимся ее тактам — это был какой-то стремительный вальс. Потолок точно застлан голубой колеблющейся дымкой, или это луна из окна? Он уже засыпал, как вдруг внезапный взрыв шума и грохота заставил его вскочить. Он подошел к окну и отворил его. Внизу воняли бензином, пыхтели, рычали, скрипели и окутывались дымом автомобили. Потом несколько пьяных голосов запели: «Сильный, державный, царствуй на славу нам!» Взвизгивали женщины, перекликались мужчины, порою вдруг слышалось: «дюшенька», «буф-фэт», «шоф-фэр, айда в Мардакьян». И снова пьяные голоса заглушали все. Константин выглянул из окна: офицерские мундиры и черкески, белые кители моряков. Одни автомобили подъезжали, другие отъезжали...

Свет фар выхватывал то лицо с подстриженными усами, то затейливую, посредине опущенную, сбоку приподнятую, всю в блестках и лентах дамскую шляпку. «Бакинская золотая, а точнее сказать — нефтяная позолоченная молодежь»,— думал Константин. Всюду черные, мгновенно удлиняющиеся тени, бегущие по слепым, темным окнам и светящимся стеклам противоположного дома, и так же они мгновенно исчезают... Свист и грязная ругань... И снова: «Боже царя храни...» Крик «Встать!», взвизги и драка. «Что это сегодня они расшумелись?» — недоумевал Константин. А над всем этим кубические голубовато-синие громады домов под луной, словно презрительно пренебрегающие всем, что кишит здесь, внизу, у каменных подножий, и точно старающиеся расслышать что-то совсем иное, доносящееся со стороны промыслов.

Константин поддался этим иллюзорным представлениям и стал прислушиваться. Когда несколько часов тому назад он вместе с молчаливым провожатым шел по городу, ему послышались ворвавшиеся в городской шум залпы, донесшиеся со стороны промыслов. Но сейчас он слышал, как мерно гудит море и где-то вверху завывает ветер, вздымая снизу сор, какие-то бумажки поднимались до уровня третьего этажа гостиницы. Вид этих бумажек напомнил Константину о том, как сброшенные с низкой крыши компрессорной станции белые листовки разлетались над толпой и тысячи всколыхнувшихся рук потянулись к ним, как к свету, к надежде. Это было сразу после того, как Константин и Люда вошли в белую, наполненную солнцем (освещенную счастьем, так вспоминалось Константину) комнатку больницы. Они смотрели в раскрытое окно, толпа двинулась и, постепенно спускаясь вниз с возвышенности, где стояла больница, и вновь поднимаясь вверх, пошла к городу и запела. Так началась демонстрация; это ее, верно, встретили залпами...

* * *

Коротка была сегодняшняя встреча.

Только Константин и Людмила успели обняться, и наспех условиться, что встретятся в Петербурге, и сказать друг другу, что отныне навсегда будут вместе, как в комнату вошла Вера Илларионовна. С ней был прилично, по-городскому одетый молодой человек, похожий на приказчика, с молодым веснушчатым взволнованным лицом. Константин и Людмила торопливо отстранились друг от друга.

— Товарищ Константин, вам нужно скрыться: есть сведения, что полицмейстер с полувзводом жандармов направился в сторону больницы. Товарищ проводит вас.

Константин пожал руку Люде, ласково погладил стриженую голову Аскера и снова при этом переглянулся с Людой. И они рассмеялись, вспомнив, что несколько минут до этого Константин, сказав Людмиле, что любит, обещал любить и ребенка как родного. На недоуменный и даже несколько обиженный вопрос Людмилы Константин сбивчиво рассказал о своем разговоре с Кокошей о нефтяном принце. И, стоя сейчас у окна гостиницы, он сам себе улыбался смущенно и счастливо, вспоминая, как она смеялась, всплескивая руками и утирая слезы, а он тоже смеялся и не знал, что сказать.

— Да ну, хватит, Люда, смеяться, ведь все это очень серьезно!

А она вдруг взглянула ему в лицо в упор. Нет, он никогда не забудет ее лица: смех еще играл в румянце щек и в дрожи губ, но уже совсем другое выражение, серьезное и упрямое, было на нем.

Обеими руками взяла она его руку, и руки ее показались ему необыкновенно горячими и сильными. И тут уже все стало ясно, счастливо, и комната, конечно, поэтому была вся залита солнечным светом.

Потом он шел вслед за молчаливым своим провожатым по каким-то бесконечным дворам, и хотя на калитке было написано: «Ход нэт!» — и это звучало особенно категорически, они все же вошли в эту калитку, ступили на черную от нефти и мазута землю, пересекли территорию какого-то завода и оказались на улице, отсюда недалеко уже было до гостиницы...

«Да, мы встретимся, непременно встретимся... в Петербурге,— думал Константин, стоя у себя в номере у окна.— Нам будет еще очень трудно. И видеться мы будем, наверно, урывками. Но это будет так же, как сегодня: вспышки яркого, счастливого света».

Он стоял и уже ни о чем больше не думал, прислушиваясь только к тому, как далеко в стороне гудит и грохочет море. Вдруг он вздрогнул и мгновенно оглянулся на дверь. В двери номера в это время точно сам собой осторожно вдруг повернулся ключ, дверь открылась, и не совсем уверенно в комнату вошел человек с лестницей.

— Не извольте беспокоиться... слесарь я: проверить вентиляцию. Жалуются, что в номерах душно,— сказал тихий голос.— Думали, вы спите.

— Пожалуйста,— сказал Константин.— Днем, правда, душно, а ночью хорошо, прохладно.

— У нас в Баку всегда так — золотой середины мы не признаем: жар так жар, а холод так уж холод.

Слесарь приставил лестницу к той стене, где наверху были решеточки вентиляции, и легко примостился на третьей ее ступеньке. В старепьком пиджаке поверх стираной и вылинявшей ситцевой рубашки он выглядел мастеровым, каких много. Но Константин глядел на него и сам себе не верил: эта неторопливо-внятная речь, в которой каждое слово запоминалось, эти глаза так правдиво-бесстрашно и ласково взглянувшие на него, это милое русское лицо с мягко очерченными скулами...

— Товарищ Столетов...— громким шепотом сказал Константин.— Да вы как...

— Как я решился нарушить основной закон конспирации, хотите вы спросить? Что же делать, если иначе никак нельзя было? Мы имеем точные сведения, что вас уже разыскивают. И не только полиция, хуже! Удалось подслушать разговор в опиумокурильне: кочи Ибрагиму — есть у нас в Баку такая профессия наемных убийц,— подручному миллионера Рамазанова, поручено убить вас. Вам поэтому нужно поскорее покинуть Баку, а мне легче,

чем кому бы то ни было, организовать ваш отъезд. У меня есть приятели и на железной дороге, и на пароходах, и даже среди водителей караванов. Вы, я вижу, колеблетесь. Так имейте в виду, что лицо, известное вам, с которым у вас был разговор накануне отъезда, просило вам напомнить о том, что вы еще должны навестить на Урале вашу мать.

— Депутат? — быстро спросил Константин.

Ваня Столетов кивнул головой, наступило молчание.

— В качестве железнодорожного пассажира вас из Баку не выпустят,— сказал Столетов.— Но ведь мамаша живет где-то на Каме. А устроить вас палубным матросом до Астрахани легко. А там возьмешь простой пассажирский билет и прямо до дома... Как у тебя с деньгами? — спросил он.

— Мне домой нельзя, в Питер бы.

— Боишься опоздать к большим делам? Ничего, не опоздаешь! Раз Петербург, Москва и Баку вместе поднялись — это надолго. Сегодня демонстрация возникла ведь снизу, сами массы поставили ее в порядок дня. Дело дошло до баррикад...— Потом, вздохнув, Столетов добавил: — Только бы война не помешала.

— Уже объявлена?

— Завтра будет приказ о мобилизации.

— То-то ночью офицеры гимн орали,— вспомнил Константин.

— Война...— сидя на ступеньке лестницы и позванивая ключами, нетороплио говорил Столетов.— Но разве зря приняты были постановления на Штутгартском конгрессе? Если рабочий класс всего мира скажет: «Не бывать войне!»,— войны не будет. Или вы не согласны? — настороженно спросил он.

— Как же можно с этим не согласиться? — рассеянно сказал Константин.

В голове его мелькали соображения, связанные с отъездом на родину. Нужно было бы как-нибудь известить Люду о том, что он сейчас в Петербурге не будет. Сказать Столетову? Но нет, это как-то странно, неловко... Константин промолчал и потому не узнал о том, что в больнице был обыск и аресты и что Людмила уже выслана. Он только велел передать привет Александру Елиадзе, с которым не успел даже толком поговорить на митинге, хотя выступал вместе с ним. И Столетов обещал передать привет: он уже знал Сашу Елиадзе.

— Погоди, а с паспортом как у тебя будет?— спросил Ванечка.

Они не заметили, что во время разговора перешли на «ты».

— Да, домой с чужим паспортом я объявиться не могу.

— А зачем с чужим? — усмехнулся Столетов.— Со своим лучше всего: пожалуйста, бери меня, весь я тут,— сказал он и развел руками, в которых были отвертка и клещи.— Улик за мной никаких нет, паспорт у меня свой, и никогда я ничего не знаю: Ну, арестуют, ну, вышлют, а с чужим паспортом то же самое, если не хуже...

— Нет при мне моего паспорта,— ответил Константин.

— А где он?

— Спрятан.

— Спрятан? — живо переспросил Столетов.— Надежно?

— Очень,— ответил Константин, с недоумением и надеждой следя за весело-стремительной игрой на лице Столетова.

— А ты его помнишь, свой паспорт: то, что там написано, и номер, и кем подписан?

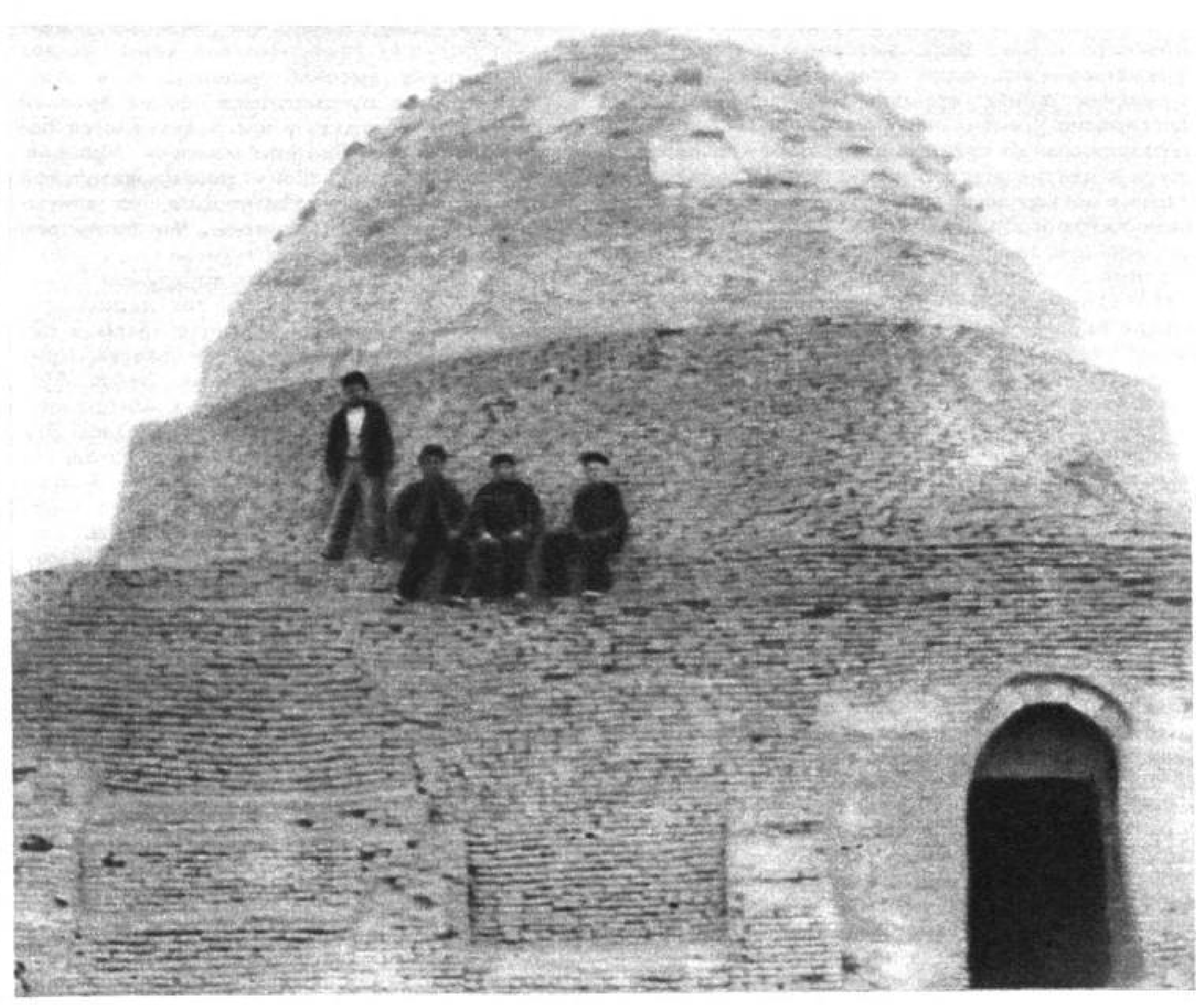
— Как же не помнить, специально запоминал, мало ли что.

— Именно так, мало ли что... Вот мы тебе и выдадим взамен утерянного. Да ты не сомневайся, все будет по форме, даже и не отличишь. Не знаю, увидимся ли мы до отъезда, но только не беспокойся, необходимые бумаги ты получишь.

Руки их сошлись. Они взглянули друг другу в глаза, еще мгновение — обнялись бы, но нет, оба сдержались, хотя долго еще не расходились их руки.

— Иди,— сказал Столетов.— Я немного погожу и тоже выйду. Еще увидимся. Кто раз в Баку побывал, тот сюда вернется. Ведь не забудешь Баку?

— Не забуду,— ответил Константин.

ПУТЬ БОЛЬШОЙ ВОДЫ

В. ТИТОВ

По землям Мессерианской равнины

Просторны земли юго-западной Туркмении! Они тянутся вдоль всего юго-восточного побережья Каспия, упираются в отроги горного хребта Копет-Дага, доходят до самой нашей пограничной полосы у Кизыл-Атрека и Гасан-Кули, а на севере соседствуют с солончаком Келькора.

Почти в центре края лежат древние земли Мессериана. Сухие, безводные сейчас, когда-то они были орошаемы и населены.

Мы идем на эти земли.

В нашей машине, простом и удобном «газике», предоставленном нам для путешествия управлением объединения «Туркменнефть», полбочки бензина, чистая автомобильная камера с питьевой водой, вязанка сухого саксаула,— на случай, если погода испортится и мы завязнем где-нибудь на мокром такыре,— вот и все снаряжение нашей несложной экспедиции.

Далеко позади остался чистый, белый, веселый город Небит-Даг. Из него мы вышли в полдень. Большой Балхан, у подножья которого стоит город, подернулся голубой дымкой. А впереди, в стороне от Малого Балхана, на сером фоне неба появился в красных, желтых, белых и зеленых пятнах Боя-Даг — гора красок, гора цветных глин. На ее приземистом основании высится огромный купол, будто тут воздвигнут кому-то мавзолей.

Еще в Небит-Даге старожилы рассказывали нам о развалинах древнего города, по имени которого и называется вся эта земля, о древней разрушенной крепости Мадау, о следах древнего орошения, об арыках, занесенных песком и глиной, о стадах джейранов, которые пасутся на такырах. Мы рассматривали карту. Она показывала, что на землях Мессериана действительно находятся обширные равнины, и по условиям рельефа через них вполне возможно провести каналы. На карте были помечены и развалины давних поселений. Особенно выделялись развалины Машат-Мессериана. Значит, там была когда-то жизнь.

Покуда перед нами еще ничего нет. Стелется только ровная белая земля, да на горизонте, у моря, проглядывают дюнные пески, вставшие непрерывной цепью. Мы идем сейчас на аул Бугдайли, который затерялся где-то вблизи. О землях Мессерианской равнины у нас самое смутное представление. От вороха книг, прочитанных еще в Небит-Даге, в памяти всего две справки. Одна из них сообщала, что древний город на этой земле, Мессериан, находится недалеко от аула Бугдайли.

Само название Бугдайли, повествовала книга, указывает на плодородие почвы (бугдай — туркменское слово, означает — пшеница). Чем ближе к Мессериану, тем почвы богаче, плодороднее. Местные жители называют Бугдайли «царь земли». Сеяли они тут когда-то пшеницу, джугару: первая давала урожай сам-сорок—пятьдесят, джугара — сам-двести.

«Такой урожай не слыхан даже на Хиве»,— писал автор.

Далее автор сообщал:

«Несколько сохранившихся фруктовых деревьев с какими-то редкими плодами, никому неизвестными, указывали, что тут были сады».

Автор этих записок был военный топограф Ломакин. Составил он их в 1875 году.

А другой автор, инженер Ф. А. Моргуненков, сообщал о легендарном городе следующее: «В нем сменилась культура нескольких народов и нескольких религий: языческая, христианская несторианского толка, ислам. Оросительная система города получала воду из реки Атрека путем устройства на ней высокой подпорной плотины».

Вот и все, что мы могли узнать о Мессерианской земле из доступных источников. Зато мой спутник, водитель машины Супян Джамалдаев, вот уже лет 12 работающий на неф-

тепромыслах Небит-Дага, рассказал много интересного о них. Весь массив юго-западной Туркмении — это один современный Кизыл-Атрекский район, включая и древние земли Мессериана. Самые населенные места здесь расположены на границе. Есть, конечно, селения и в центре этого огромного массива. Расстояния между ними измеряются иногда сотнями километров. Супян Джамалдаев рассказал про диковинный сад, который надо посмотреть.

Мы едем с Супяном на юг. Высоко в небе иногда вьется хищная малая птаха-чеглок да звенят вездесущие жаворонки. Хорошо думается на этой земле о будущем! Ведь это сюда придут воды Главного Туркменского канала, трассу которого вот уже год прокладывают через Кара-Кумские пески там, на севере, смелые изыскатели. Земли юго-западной Туркмении — вторая очередь в этой великой работе. Но все же недалек тот день, когда и сюда, где-то там выше Боя-Дага, который мы миновали, и за последним отрогом Копет-Дага, ворвутся два посланца Главного Туркменского канала — два мощных его магистральных рукава,— ворвутся и напоят край водою, вызовут его к активной, невиданной еще здесь жизни.

Прежде всего вода должна придти в район Бугдайли. Где же он? Уже вечереет. С моря на восток идут густые темные облака. Земля темнеет, остывает.

— Супян, далеко еще до Бугдайли?

Супян смотрит на карту и отвечает:

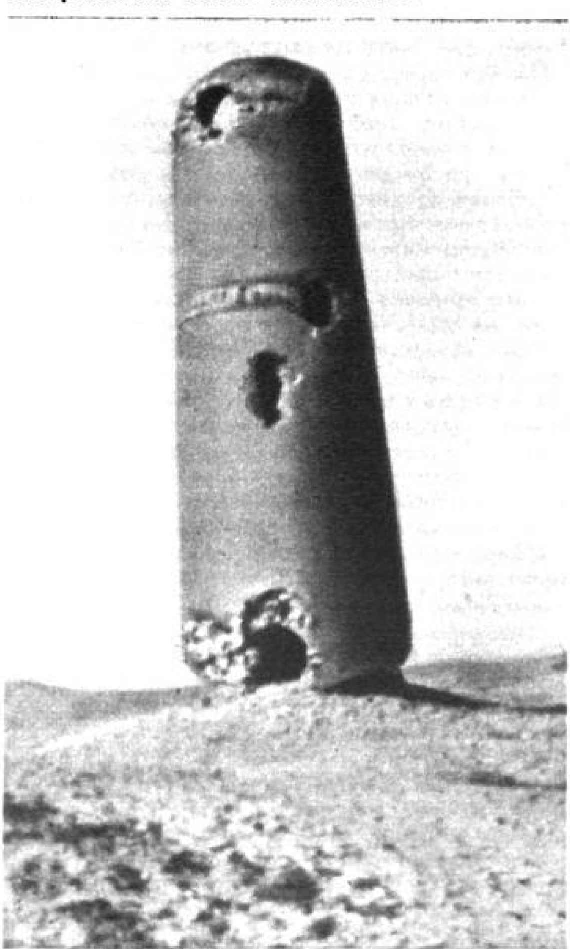
— Где-то здесь уже близко.

Темная ночь окутывает нас. Мы идем при свете фар и уже подумываем о ночевке на такыре, как вдруг пробившаяся сквозь тучи полная луна освещает две мощные гряды песков перед нами. Гряды вдалеке сходятся клином, и оттуда до нас доносится собачий лай.

Аул Бугдайли, древнее селение!

Под лучами луны мы рассмотрели десятка три кибиток, несколько глинобитных домиков, в которых по обыкновению в степных аулах помещаются аулсовет, школа, правление колхоза, да еще один деревянный дом на столбах — то ли магазин, то ли здание какого-то специального назначения.

Стучимся в дверь домика, у коновязи которого сочно жуют заседланные кони, а у порога стоит большая крытая машина. На таких машинах работают только сейсмологи.

Мессерианская старина. Разрушающийся минарет на центральной площади исчезнувшего города.

Фото автора

Входим мы в дом. Из-за стола, на котором разложена большая геологическая карта, встает нам навстречу высокий человек. И в этом первом домике, открывшемся нам на древней Мессерианской земле, у нас завязывается беседа. Александр Пантелеймонович Чунарев, начальник сейсмической разведывательной партии нефтяников из Небит-Дага, со вниманием выслушал наши вопросы. Мы прочитали ему «справку» Ломакина. Он сказал:

— Многое изменилось тут со времен Ломакина. Не найдете вы здесь и тех деревьев с никому неизвестными плодами, о которых пишет Ломакин: вокруг ни одного дерева. Причина проста — здесь мало воды. Земли Бугдайли орошаются скудной водою, которая во время дождей сбегает сюда с Копет-Дага. Эту влагу давно здесь научились жители собирать в простые ямы и наливные колодцы. В ауле Бугдайли неплохой колхоз. Это старое туркменское селение живет новой, хорошей жизнью. Завтра вы в этом убедитесь. А между тем все хозяйство этого колхоза держится на дождевой сточной воде.

Потом, несколько пораздумав, Александр Пантелеймонович продолжал:

— Туркмения является и по сей день страной активных тектонических явлений. Когда-то древний Мессериан, который стоит недалеко отсюда, получал воду по каналу из реки Атрек. А на этих землях кора местами меняет свой уровень на два—три сантиметра в год. Ведь по берегу Каспия и сейчас действуют грязевые вулканы. Многие из них выбрасывают жидкую грязь с примесью нефти. Видимо, вот эти-то движения коры и оставили земли равнины без влаги. Вполне допустимо, что поднятия земной коры привели в свое время к отклонению Атрека, и он теперь уже не поит мессерианских земель. Человек досоциалистической эпохи, конечно, не мог бороться с подобными явлениями. Но мы сумеем победить и эти трудности. Ведь мы вооружены сейчас не лопатой и кетменем, а мощными землесосами, шагающими экскаваторами и вот такими машинами, которые дают отличную возможность узнать, где у земли «тонко».

И он указал за окно, где стояла его крытая машина.

Утро. Мы уходим со здешним старожилом, старым туркменом Метеке осматривать хозяйство колхоза. Александр Пантелеймонович торопится с выездом в «поле». Прощаясь с нами, он говорит:

— Будущее земель Мессериана не только в бескрайних полях хлопка, в цветущих садах, новых городах,— ее будущее также и в ее недрах. Под Большим Балханом полтора—два десятка лет назад стояли только редкие юрты скотоводов. Сейчас там великолепный город, столица нефтяников Закаспия. А ведь земли юго-западной Туркмении — прямое продолжение небитдагского массива.

Скоро крытая машина едва виднелась на горизонте. Сейсмолог Чунарев отправился «выслушивать» пласты Мессерианской равнины, а мы с Метеке едем к пескам на край такыра посмотреть на отары каракулевых и сараджинских мясных овец. Упитанные, очень здоровые животные пасутся под охраной рослых волкодавов. Далеко в песках Метеке показывает нам большое стадо верблюдов. Они издали напоминают пасущихся страусов, пугливо поднявших головы на длинных шеях. В одном месте, в «затишке», под прикрытием воткнутых в землю полукольцом веток саксаула,— совсем молодые верблюжата. Они доверчиво тянутся к протянутым рукам.

— Это наш верблюжий «детсад»,— поясняет Метеке.— В полдень пригонят верблюдиц, и матери разберут деток для кормежки.

Никаких построек или сооружений не видно. Такыр, и на такыре все хозяйство!.. Однако в хозяйстве этом удивляет прежде всего какая-то особенная слаженность. Надо укрывать от холода приплод, и его укрывают надежно в загонах из ветвей кустарника. Чтобы кормить и держать «в теле» овец, их пасут попеременно: то на одних, то на других местах в песках, давая возможность «передохнуть» пастбищам. Скот поят из дождевых ям, а наливные колодцы, вырытые на такырах, приберегают к жаркому лету. Огромное поле пшеницы стоит залитое водой. Вначале нам показалось, что это плантация риса. Но Метеке объяснил:

— Бугдай — пшеница. Ей бы выстоять только до начала мая, а там ей и воды не надо. Быстро созревает.

Мы видим, как бережно обращаются с водой поливальщики полей. С лопатами в руках, они то открывают, то закрывают заслонки в канавах, выпуская воду, словно на вес.

Колхоз на таком безводье выращивает собственный хлеб. Метеке, любуясь великолепными всходами пшеницы, говорит:

— Сила у нашего колхоза большая! Мы бы могли вести здесь и не такое хозяйство, если была бы у нас вода. Большинство из наших колхозных колодцев временные, наливные. Из них берут воду и для питья и для стада. У нас давно созрело желание сеять хлопчатник, разводить садовые культуры, иметь на этих землях большую МТС. Мы давно мечтаем о переходе из кибиток в постоянные дома. Но вода заставляет нас в различное время года откочевывать то к одним, то к другим колодцам. И с кибиткой мы пока расстаться еще не можем.

...Заполдень мы выходим из Бугдайли. Метеке садится в кабинку, чтобы проводить нас до развалин Мадау и Мессериана. Ему, кстати, нужно побывать на дальней овцеводческой ферме, которая находится как раз где-то у развалин древнего города. Метеке рекомендует посмотреть прежде всего древнюю крепость Мадау. Она охраняла когда-то большой арык, вода по которому шла с юга.

Направляемся к Мадау. Куда ни кинешь взор, до самого края неба простираются сухие, безводные пространства. Пространства эти напоминают глиняные такыры. Но когда мы слезаем и копаем землю, оказывается, что под илистой коркой лежит отличная, пригодная для пахоты земля. Копнув в одном месте, мы достаем нежную раковинку садовой улитки. В другом месте нам попались твердые, как камень, скорлупки семян каких-то плодовых растений. Такыры обильно покрыты черепками посуды, битого кирпича. Всюду следы крупных арыков и мелких арычков. От них веером идут в стороны отводы. Но нигде нет следов поселений. Будто древние хлеборобы и садоводы ездили на свои поля откуда-то за десятки километров. Метеке возражает против такого предположения. Он говорит, что на этих полях непременно были селения.

— Я думаю,— говорит он лукаво,— человеку невозможно жить без дома. Но дома здесь разобрали потом на... удобрения. Вон видите, сколько кирпичной крошки на полях. Она попала сюда вместе с глиняными стенами домов, их в старину и перевезли сюда, на поля.

Метеке прав. В этом нет ничего удивительного. Он рассказывает, что стены зданий, выстроенных из той же самой земли, на которой они стоят, под действием влаги и высокой температуры с годами накапливают в себе в огромном количестве селитру. А селитра — лучшее удобрение для этих почв. Зная это, люди разрушали стены покинутых зданий и вывозили их на поля. Поля эти говорят об упорном и тяжелом труде земледельца в глубокую старину. Местами поля сильно засолонены и лежат наподобие белых скатертей.

Но вот и Мадау. Глубокий ров. За ним развалины крепости. Она не из больших. Вокруг нее «рабат» — пригород с остатками жилых помещений. Битый кирпич. Возле крепости видны действительно остатки большого арыка, который уходит на юг. Скоро и мы поворачиваем и идем на юг. Уже давно за полдень. Воздух сух. И вот на горизонте показываются два древних минарета. Метеке толкает меня в бок, говорит:

— Смотри, вот он, Мессериан. Справа он, а слева город Машат.

Через несколько минут перед нами, как видение, возникают развалины двух городов, облитые лучами солнца. Справа квадрат высоких полуосыпавшихся каменных стен, за ними стройные, как тополи, высокие башни минаретов. За ними портальная арка, видимо, грандиозного в свое время здания мечети или медресе. Налево у холма, километрах в четырех от города, кремль, высятся остатки каменных стен и башен. Посредине него возвышается четырехугольный с серым кирпичным куполом мавзолей.

— Мавзолей Машат,— сообщает Метеке.

Мы останавливаем машину, выходим из кабинки и долго смотрим на развалины. Да, вероятно, он был очень красив, этот единствен-

ный большой город на равнине, ставший на пути из древнего Ирана в могучий когда-то Хорезм. Из истории известно, что город когда-то назывался Дахистаном и был основан одним из царей сасанидской династии в V веке нашей эры. Он простоял до средних веков. Мы долго любуемся игрой света на голубых узорах портальной арки, зеленоватыми и красными переливами кирпичных стен.

А потом мы въезжаем в город, долго бродим по Мессериану, по его прямым улицам, среди полузасыпанных фундаментов зданий. Под ногами разноцветные осколки кувшинов, тарелок, стеклянной посуды, орнаментированного кирпича. Город напоминает гигантскую разбитую лавку посудных и керамических изделий. Он носит следы явного разгрома. Мы пробуем несколько раз копнуть лопатой землю. В земле еще сохранились обильные остатки угля. Город, видимо, был сожжен. Мы не тревожим сильно праха былой жизни. В конце концов это — дело ученых.

А удивляет город многим. Вставший на сплошном безводье, он поражает прежде всего былой организацией большого водного хозяйства. В центре когда-то был выложенный камнем и крытый бассейн-сардоба. От него остался один котлован и несколько плит, раньше выстилавших дно. Несомненно, вода подавалась во многие дома. Под фундаментом одного дома видна разбитая гончарная труба. Вода по ней шла во внутренний дворик. Там отчетливо видны остатки бассейна.

День разгорается. Мы едем от города на машине то в одну, то в другую сторону на десятки километров и всюду натыкаемся на большие поливные «карты», то есть квадраты земли, ограниченные теперь уже едва приметными арыками. Но все же мы убеждаемся воочию: земли, которые мы проходим, никем никогда не использовались целиком.

Но вот мы уже держим путь на Кизыл-Атрек. Уже далеко позади Мессериан. Уже впереди проступили гряды песков Декшана.

В небольшой городок Кизыл-Атрек мы въехали затемно, когда звездная тьма покрывала его. Сквозь тьму в воздухе явно чувствовался запах свежей листвы и зелени. В открытую дверцу кабинки вливалась мирная тишина, и влажные листья ветвей слегка касались лица. Скоро наша машина въехала в темный парковый массив. Это как раз и был тот самый диковинный сад, о котором говорил Супян. Мы полной грудью пьем чистый и влажный воздух вечнозеленого города на краю нашей советской земли. Гостеприимные люди отводят нас в комнату для приезжих. Спать не хочется. Мы выходим в сад, где смутно угадываются очерченные во тьме деревья, и долго слушаем нежный шум кипарисов и ременный, тугой шелест пальм. Хочется скорее увидеть это большое хозяйство на берегу Атрека. Оно носит название: «Опытная станция Всесоюзного института сухих субтропиков».

На другой день очень рано за нами зашел заместитель директора по научной части Семен Борисович Каменкович. Мы уже слышали о нем от сейсмолога Чунарева.

Стоя на пороге комнаты, он широким жестом указывает на вечнозеленое великолепие сада. В мягком, неярком свете далеко за ним виден в зелени насаждений город Кизыл-Атрек.

И глаз сразу схватил: и город и сад стоят на террасах древней долины реки. Какая она была когда-то полноводная! Теперь за краем сада блестит лишь небольшая речка.

Невольно взгляд упал на тот, чужой берег. Там стоит глинобитная старинная крепостца с цилиндрической, крытой «под гриб» башней. Виднеются две — три крашеные крыши. Ни деревца, ни кустика! По крепостной стене движется одна серая фигура. И всюду там немая тишина.

А в нашем городе начиналось трудовое утро. Спешили на работу люди. Слышались гудки автомобилей, ржали кони.

Каменкович называет климат этих мест «средиземноморским», близким к климату Албании, Греции, Северной Италии. Средняя температура самого холодного месяца — января — здесь выше нуля. Лето бездождное, жаркое, до 45 градусов тепла в тени.

Каждый год в июне и июле, когда со стороны Каспия дуют горячие ветры, этот климат

Этот гранатовый сад взрастили колхозники артели «Комсомолец» на древних засоленных землях близ Кизыл-Атрека.

Фото И. Баркалова

становится «центральнокаракумским». Тогда здесь начинаются пылевые бури. Солнце становится невидимым. Ветер, сдирая почву, несет с собой соленую пыль. В это время многие растения получают солевые ожоги, сбрасывают листья. И без того неглубокий и мелководный Атрек мелеет и местами пересыхает.

И вот когда-то на этом клочке земли советские люди заложили опорный пункт для испытания субтропических растений. Сюда были свезены растения из всех частей света. Те, которые приживались — выносили и жару и относительный холод,— входили в золотой фонд питомника и прочно завоевывали место на этой неласковой земле. Не выдерживали условий здешней жизни многие растения. Выдерживали их и не все люди. Такие уходили. Но те, кто оставался, вели упорную борьбу за будущее советских субтропиков. Она продолжалась восемнадцать лет, и победа осталась за советским человеком.

— И все эти годы,— говорит Семен Борисович,— наши люди думали о том времени, когда возьмутся и за этот уголок земли. И вот теперь это время настало. Скоро воды Аму-Дарьи пересекут пустыню и оросят эти места.

Он останавливается у ширококронных деревьев, любовно оглядывая их:

— Да, такие кипарисы займут, пожалуй, первое место в городах и поселках, которые возникнут на землях Мессериана. Неприхотливы и хорошо борются с ветрами. И в отличие от своих братьев, похожих на минареты, эти дают много тени.

Он подводит нас к длинному ряду приземистых, крепких финиковых пальм. Пальмы в цвету. Из пазух между гибких стеблей, на которых качаются великолепные опахала, выглядывают очень похожие на кисти созревшего проса желтые метелки цветов.

Потом мы любуемся мексиканской юккой с зелеными взлохмаченными верхушками. Видим, как по песчаному косогору карабкаются наверх кактусы.

В дальнем конце сада подходим к куполообразному, высокому дереву. Ствол его короток, но гигантская шапка ветвей с нежными, тонкими листьями поднялась метров на шесть вверх.

— Это прозопис[1], переселенец из палестинских пустынь, родственник туркменской песчаной акации,— говорит Каменкович.— Прозопис — великая наша надежда в борьбе с суховеями. Он займет одно из первых мест в лесозащитных полосах на Мессерианской равнине. Ему нужно небольшое количество влаги. А крона его погасит самые жаркие суховеи и надежно защитит поля.

Так мы идем мимо растений, взращенных здесь советским человеком, и любуемся их разнообразием. Мы видим тут лимоны, апельсины, зимующие в траншеях. Семен Борисович подводит нас к деревьям с жесткой ланцетовидной листвой. Они растут в окружении молодых эвкалиптов.

— Вот,— говорит он,— основа и богатство будущих садов и рощ Мессериана — маслина! Нет нигде в Союзе таких условий для ее произрастания, как здесь. Дерево маслины живет до 250 лет. Оно плодоносит до глубокой старости. Отдельные экземпляры доживают до 500 лет. Страны Средиземноморья веками кормились около маслины. Известное прованское масло — лучшее из растительных масел — добывается из маслины. Оно привозилось к нам из-за границы. Недалеко то время, когда это масло польется рекою отсюда.

На другой день мы прощаемся с вечнозеленым городом. Мы уезжаем из него заполдень и видим, как скрывается он за высокой грядой земли, по которой колхозник спокойно ведет заседланную лошадь.

...Шесть дней мы еще колесили с Супяном по мессерианским землям. Постепенно они открывали нам свое лицо. Дикая красота этих мест поистине величава! Мы видели и те грязевые вулканы, о которых говорил нам сейсмолог Чунарев, и пески побережья, и немногочисленные поселки. Особенно был хорош веселый городок Гасан-Кули, ставший на побережье Каспия. Это единственный деревянный город на всей туркменской земле. Рубленые и тесовые домики его стоят на сваях. Когда-то море близко подходило к городу, и в штормовую погоду волны его докатывались до самых городских строений. Сейчас море отступило от Гасан-Кули километров на десять. В городе по-прежнему живут рыбаки, которые ходят в море на моторных судах и берут богатые уловы.

И тут тоже были сады. Особенно интересен был сад на морских песках под Чикишляром. Он растет в глубоких круглых ямах среди морского ракушечника. Когда наступаешь на эту «почву», кажется, что идешь по битым черепкам. В ямах среди ракушечника высоко поднимаются айва, виноград, инжир, гранат. Это сад колхоза имени Кирова.

Мы спросили у агронома Махмуда Бараева:

— Почему сад выращен в ямах?

Он ответил просто:

— У нас нет воды. В воздухе ночью есть влага. Когда ракушечник вечером остывает, он забирает влагу из воздуха, и она, как роса, скапливается в песках. Ее достаточно, чтобы напоить эти деревья.

Это был сад, взращенный агрономом Махмудом Бараевым, «задуманный» им еще до окончания агрономической учебы.

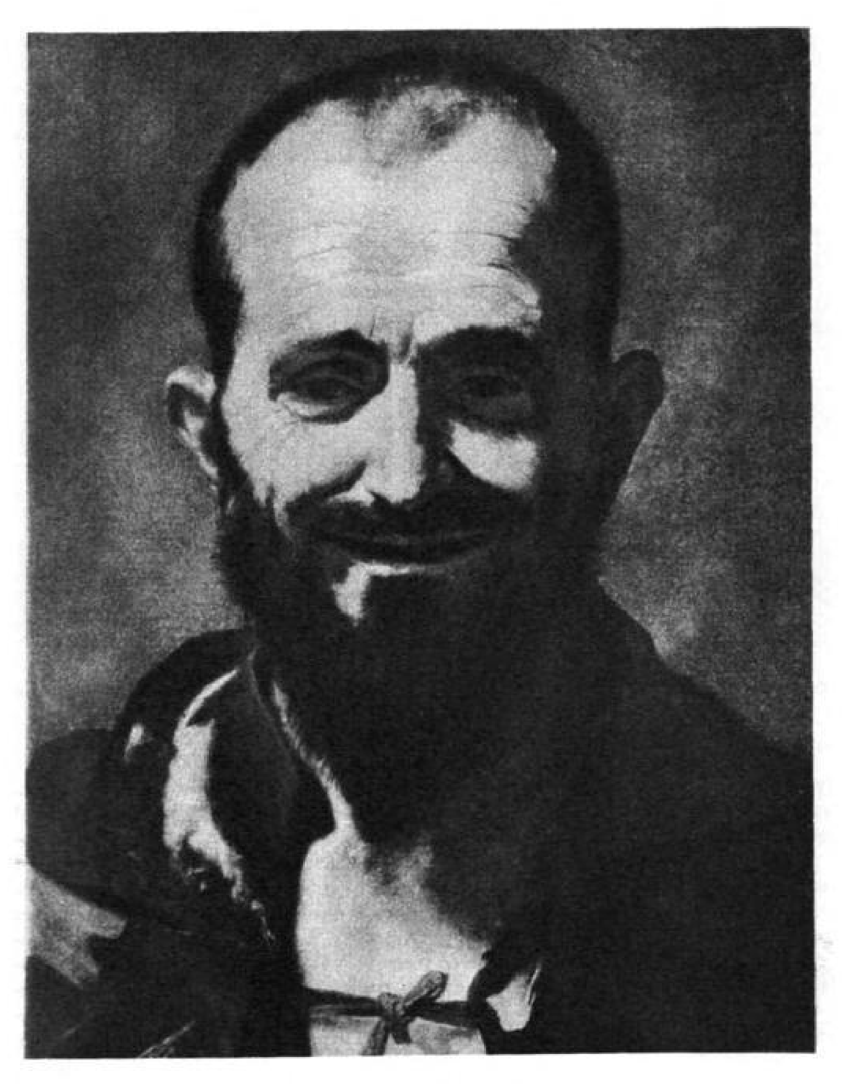
Той же дорогой возвращаемся «домой» — в Небит-Даг. Мы идем теперь навстречу тому большому будущему потоку воды, который придет сюда с севера. В памяти проходят встреченные нами люди, победители суровой природы.

Мы говорим с Супяном о несметных дарах, какие возьмут у этой земли советские люди, и о том, как они обогатят свою Родину, когда придет сюда большая вода.

Бугдайли, Кизыл-Атрек, Небит-Даг.

---

[1] Один из видов мимоз.

Архимед (деталь картины).

Скорбящая мать.

ХУСЕПЕ РИБЕРА

Т. ЗНАМЕРОВСКАЯ

Исполнилось 300 лет со дня смерти испанского художника Хусепе Риберы, одного из выдающихся представителей испанской реалистической живописи XVII века.

Расцвет, который переживало в то время испанское искусство, кажется на первый взгляд необъяснимым, ибо он совпадает с глубоким экономическим и политическим упадком испанского государства, бывшего до того могущественным оплотом феодальной реакции в Европе. Государственная власть, господствующие классы Испании находились в состоянии крайнего разложения. Но героическая судьба испанского народа, пережившего многовековую освободительную войну против захватчиков-арабов, воспитала в нем дух свободолюбия, и народное влияние вдохнуло в искусство новые, свежие, здоровые силы. Только глубоко народным характером испанской реалистической живописи XVII века можно объяснить воодушевлявшие ее идеи, ее устремления к правдивому изображению человека, особенно человека из народа.

Хусепе Рибера родился в небольшом городке Хатиева, в южной Валенсии. Дата рождения и происхождение его до сих пор в точности не установлены. По последним данным, считается, что Рибера родился в 1591 году. Учился он в Валенсии у живописца Франсиско Рибальты, одного из тех мастеров, которые подготовили расцвет реализма в испанской живописи своего столетия.

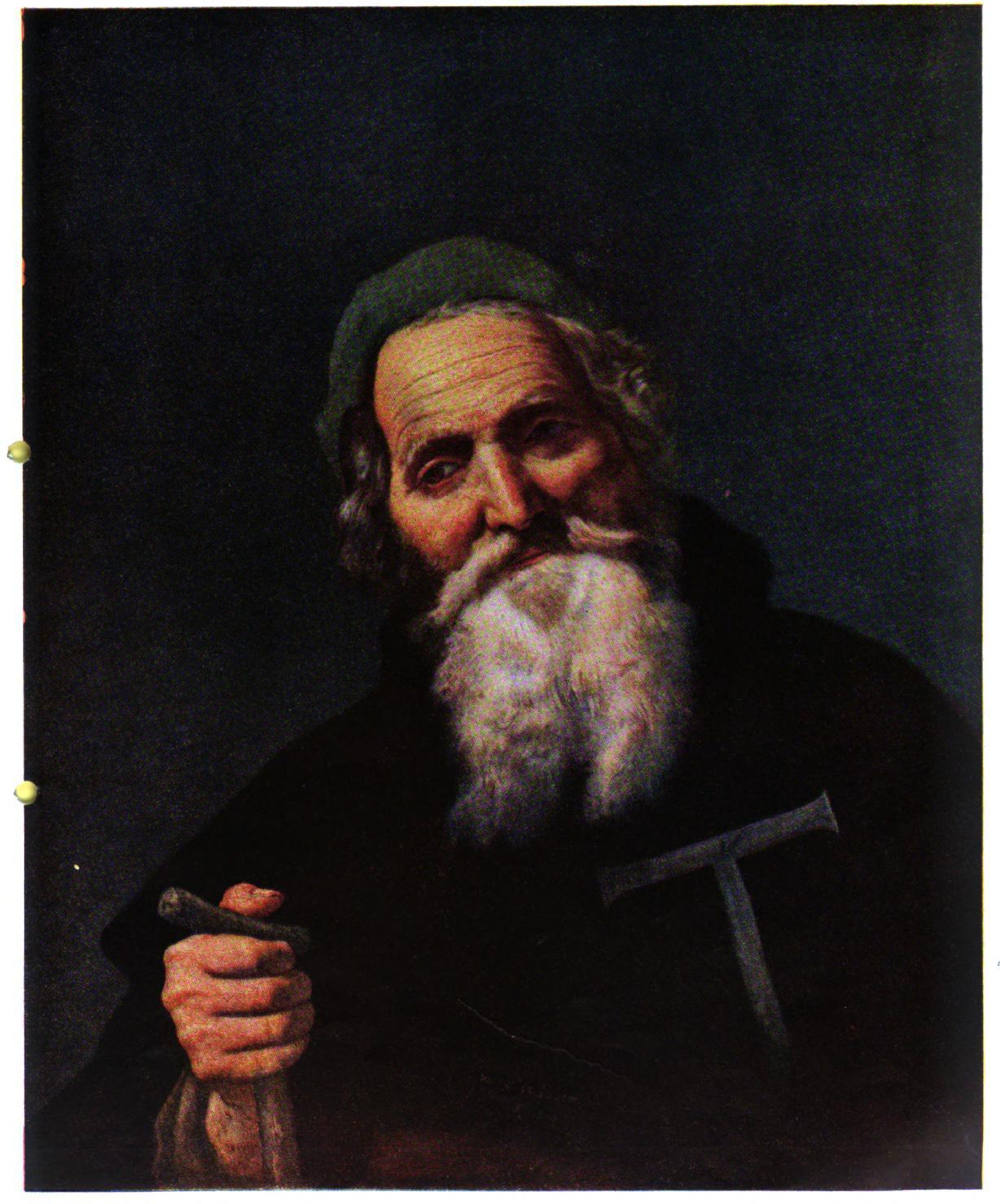
Рибера очень рано покинул родную страну и уехал в Италию, где занялся изучением творчества великих живописцев эпохи Возрождения и в том числе крупнейшего итальянского реалиста начала XVII века Караваджо. Позднее Рибера обосновался в Неаполе, находившемся в то время под властью Испании, где и прожил до дня своей смерти — 2 сентября 1652 года. Будучи долгие годы придворным живописцем неаполитанского королевства, он получил звание члена Римской академии св. Луки. Но хотя вся его жизнь прошла вне отчизны, Рибера остался глубоко национальным художником; и в должности придворного мастера он сумел сохранить верность демократическим традициям испанского реалистического искусства. Почти не выходя в своем творчестве за рамки религиозной тематики, он утверждал в своих произведениях красоту и душевную силу своего народа. Простота художественного письма, правдивость и человечность творчества Риберы, сказывавшиеся даже при ограничивавшей его реализм неспособности отрешиться от религиозных предрассудков, принесли ему славу, распространившуюся далеко за пределы Италии и Испании.

Рибера был не только живописцем, но и замечательным графиком, первым и единственным великим мастером офорта в Испании до Франсиско Гойи. Наряду с большим количеством религиозных произведений он писал мифологические и жанровые картины, а также оставил превосходные реалистические портреты.

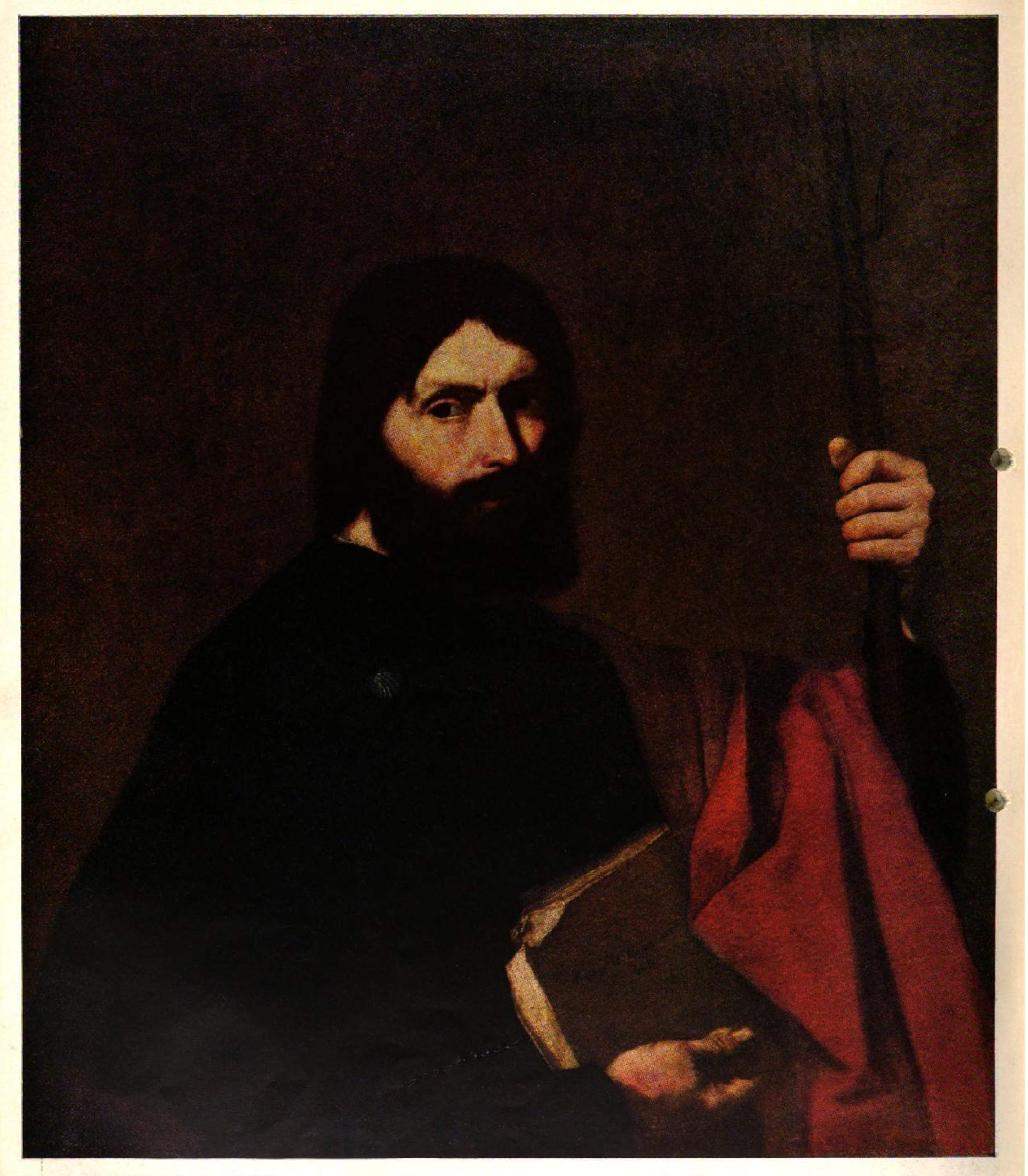
Все действующие лица в картинах Риберы всегда были написаны с натуры, с живых моделей, которые художник выбирал в гуще народа. Умение метко схватить и верно передать индивидуальные внешние особенности того или иного человека — одно из главных достижений творчества Риберы. Точность рисунка и совершенство живописи в его картинах изумляли современников, восхищали и восхищают последующие поколения. Его картины и рисунки с восторгом отмечали русские реалисты XIX века П. П. Чистяков, В. И. Суриков, К. А. Савицкий. И. Н. Крамской назвал имя Риберы рядом с именами Тициана, Веласкеса, Рубенса, Рембрандта, утверждая, что они «показали, как надо писать».

Но не только внешняя сторона в изображении человека интересовала Риберу. Он стремился к раскрытию внутренних переживаний человека, к изображению возвышенных, глубоких, серьезных и страстных человеческих чувств и достиг больших результатов в выработке реалистических средств для их передачи. При этом он всегда оставался искренним, сдержанным, простым и лаконичным. Ничего искусственного, рассчитанного на внешний эффект нет в его картинах. И. Н. Крамской высоко ценил глубокую естественность и правдивость творчества Риберы. Его картину «Оплакивание Христа» (в церкви Сан Мартино, в Неаполе) он причислял к величайшим шедеврам мирового искусства.

Наиболее зрелый период творчества Риберы, охватывающий 1626—1634 годы, особенно хорошо представлен в собрании Государственного Эрмитажа в Ленинграде и в Москве, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. И. Е. Репин, видевший работы Риберы в Италии, считал, что самое лучшее представление о его творчестве дают его картины, находящиеся в Ленинграде.

Хусепе де Рибера (около 1591—1652). ГОЛОВА СТАРИКА. Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

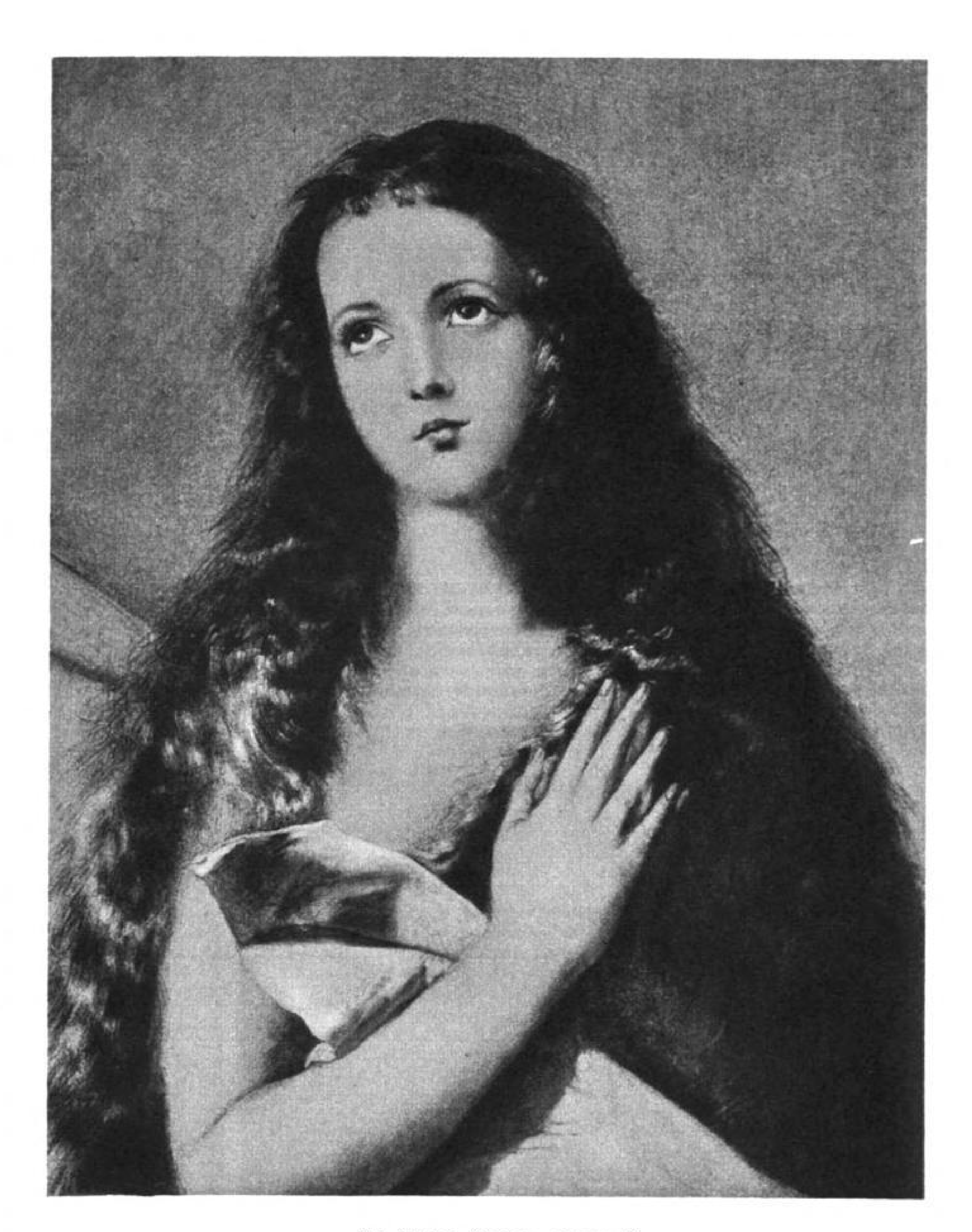

Хусепе де Рибера. ИАКОВ СТАРШИЙ. Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

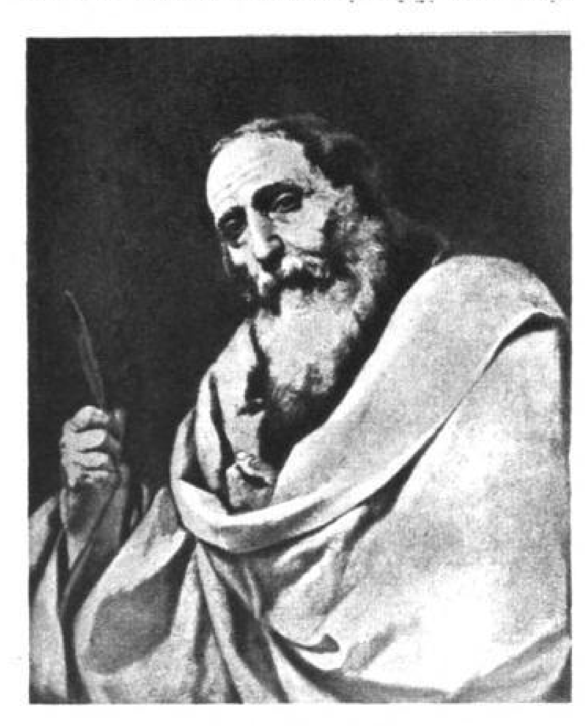
В Эрмитаже хранятся — одна из наиболее ранних, датированных самим Риберой картин, «Св. Иероним» (1626 год), и прекраснейшее его произведение «Св. Себастьян» (1628 год). В первой правдиво передан образ старика, охваченного страхом при мысли о смерти, о которой напомнил ему звук небесной трубы. Превосходно написано старческое тело Иеронима. На второй изображен юноша, мужественно перенесший жестокие страдания ради верности своим убеждениям. Стройное, сильное молодое тело пронзено стрелами. В истерзанном юноше еще бьется жизнь, об этом говорят краски на лице, не стертые рукою смерти. Две женщины в темных плащах, окруженные мраком ночи, вынимают стрелы из тела, пытаясь спасти юношу. Темы мученичества, казалось бы, чисто религиозные сюжеты Рибера трактует как сцены борьбы и гибели сильных, мужественных людей за свои убеждения. Он наполняет эти сцены то строгой и суровой печалью, то драматическим напряжением, страстным пафосом торжества человеческого духа над физическими страданиями и над страхом смерти. В образах мучеников он воспевает мужество и героизм, высокие образцы которых дал его родной народ в период реконкисты — народно-освободительного движения против арабских завоевателей. Для этих тем особенно подходит живописная манера, отличающая ранний период творчества Риберы: темный фон, контрастная светотень используются художником для выделения главного в композиции, усиливая драматическое впечатление, производимое изображаемым.

Простые и суровые, полные человеческого достоинства и интенсивной духовной жизни образы людей из народа Рибера воплотил также в многочисленных полуфигурных изображениях святых, апостолов, философов. Таков «Апостол Иаков Старший» в двух картинах (Музей изобразительных искусств в Москве), написанных опять-таки в ранней художественной манере Риберы, хотя одна из картин и датирована 1646 годом. Таков и прекрасный, глубоко человечный облик «Христа в терновом венце» в Эрмитаже.

В картине «Отшельник Павел» (московский музей), также сохраняющей темный фон и резкость светотени, явственно проступает серебристый колорит, передающий близость рассвета. В эрмитажном «Онуфрии» (1637 год) уже нет черного фона и густых теней. Живопись здесь мягче. С изумительным мастерством переданы черты старости: морщинистая, сухая кожа, под которой чувствуются кости, и высохшее, жилистое тело, седые волосы, слезящиеся и потускневшие глаза. Полуобнаженный старик-отшельник с простым, добрым лицом, как живой, глядит из рамы. Столь же привлекателен облик умного, ласкового, спокойного старца в картине «Антоний Пустынник» (московский музей). Светлые краски и живописная манера этой картины, датированной 1647 годом, свидетельствуют о тех изменениях, которые произошли с годами в творчестве Риберы.

Св. Агнеса (деталь картины).

Св. Варфоломей.

В этот же период Риберой были созданы такие крупные и значительные произведения, как «Оплакивание», знаменитая Агнеса (Дрезденская галерея). В образе последней художник выразил все очарование юной, девственной красоты. Кажется, что это мягкое, красочное, полное жизни полотно, написанное столь совершенно, излучает свет. Тогда же был написан «Хромоножка» (Париж) — потрясающее своей жизненностью изображение нищего мальчика-калеки, дерзко смеющегося в лицо зрителям-зевакам. Эта картина больше других полотен художника говорит о его склонности показывать и подчеркивать достоинство человеческой личности независимо от места, занимаемого на социальной лестнице.

К 1648 году в жизни Риберы произошел резкий перелом. Подавление народного восстания, начавшегося в Неаполе под руководством рыбака Мазаньелло, жестокая расправа с восставшими не могли не оставить тяжелого следа в сознании художника-гуманиста. В то же время его постигли и личные несчастья. Он оставляет должность придворного живописца и уезжает в предместье Неаполя Позилиппо, порвав все связи с обществом. Около двух лет Рибера ничего не писал, не давал о себе знать, и многие считали его умершим. Терпя нужду, тяжело больной, утратив свою былую славу, художник после двух лет молчания создает новые прекрасные произведения, свидетельствующие о том, каким сильным духом обладал этот человек, казалось, уже совсем сломленный несчастьями. Особенно светлой по настроению и по колориту является картина «Поклонение пастухов» (1650 год), хранящаяся в Париже. Эта и другие картины Риберы говорят не о творческом упадке, а о дальнейшем подъеме его мастерства. Тем не менее умер Рибера в бедности, всеми забытый. Но время восстановило его славу, славу того, кто заслужил право называться первым великим испанским художником.

Искусство Испании многим обязано борьбе Риберы с упадком национального живописного мастерства, порожденным слепым и бездумным подражательством итальянским художникам, которые пользовались прямой поддержкой испанского королевского двора. Рибера первый обратился к демократическим традициям национального испанского искусства эпохи реконкисты. Опираясь на эти традиции и развивая их, он пришел к передовым для своего времени художественным достижениям. Первый из испанских художников, он был не только признан и любим своим народом, но и прославлен далеко за пределами родины. Он расчистил дорогу к признанию и славе следующему поколению испанских мастеров, облегчив ему борьбу за дальнейшее развитие реализма.

Высокое мастерство правдивого и демократического в своей сущности искусства Риберы не меркнет в веках и до наших дней не потеряло силы своего воздействия.

Операция „Б"

При переходе государственной границы задержан неизвестный. Начинается разматывание клубка преступлений. Скромная официантка захолустного трактира оказывается шпионкой международного масштаба. В кельях монастыря обнаруживается фабрика фальшивых документов. Один из штабных офицеров совершает предательство, и план военной операции попадает в руки врага. Тайные явки... Погоня... Выстрелы...

Достаточно перечислить эти сцены из нового художественного фильма «Операция «Б»[1] — и может показаться, что речь идет об авантюрно-приключенческой кинокартине со всеми условностями и особенностями, присущими этому жанру. Но это далеко не так.

Фильм возвращает нас к первым шагам молодой Чехословацкой республики, к одному из напряженных моментов в жизни страны — **борьбе чехословацкой армии и корпуса национальной обороны с бандеровцами,— остатками банд, помогавших гитлеровцам. Бандеровцы, зверски расправляясь с мирным населением, отступают под ударами польской армии, они стремятся пересечь территорию Чехословакии. Цель их маршрута — Западная Германия, где ждут их новые хозяева — американские империалисты. Реакционные элементы страны — словацкие националисты, верхушка церковной иерархии — все объединились, чтобы пропагандой, оружием, шпионажем помочь бандеровцам.**

Не поиски острых драматургических ситуаций и не погоня за эффектным развитием сюжета занимают авторов фильма. Стремление ярко, правдиво воспроизвести на экране действительные события, интерес к людям новой Чехословакии — вот что вдохновляет создателей фильма. Разоблачая стяжательство, человеконенавистническую сущность последышей фашизма, авторы фильма с большой любовью рассказывают о солдатах и офицерах — участниках операции «Б», операции окружения и уничтожения бандеровцев.

Образы молодых, сознательных, жизнерадостных бойцов, беззаветно преданных родине, — безусловная удача фильма, который показывает крепкую дружбу солдат, их душевную чистоту, их высокое чувство долга. Через весь фильм проходит тема постоянной заботы командира о бойцах. Мужественны, обаятельны образы солдат, созданные актерами М. Тяпаком, М. Ваврушкой, И. Соваком.

Убедительно, с большим тактом провели свои трудные роли Д. Медржицка (шпионка Юдит Вернерова), М. Голуб — исполнитель роли бандеровца Бурлака. Выразительно решены массовые сцены, боевые эпизоды.

...Гулко звучат очереди из автоматов. Перекатывается эхо в горах. Жалкая горстка военных преступников, потерявших человеческий облик, в кольце, им не уйти от суда, их остается все меньше и меньше. Новые люди, герои новой Чехословакии, на экране. Уверенно смотрят они вперед. Так символично заканчивается этот фильм, выражающий волю чехословацкого народа — отстоять дело мира.

Л. БЕЛОКУРОВ

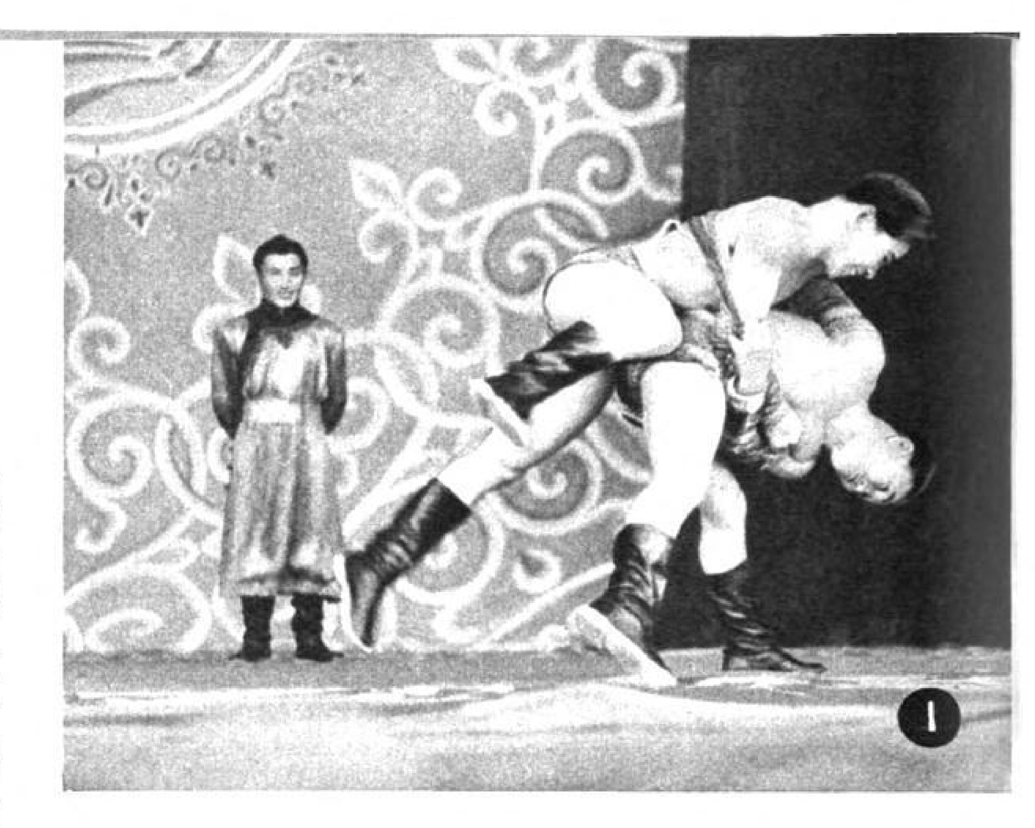
---

[1] «Операция «Б». Авторы сценария — Э. Фикер, М. Фрич, О. Кирхнер. Режиссер — Иозеф Мах. Оператор — Ю. Вегрихт. Композитор — И. Срнка. Производство «Чехословацкого Государственного фильма». 1952.

Кадр из чехословацкого художественного фильма «Операция «Б». Встреча с сельским населением бойцов чехословацкой армии.

НАШИ ГОСТИ

АРТИСТЫ МОНГОЛЬСКОГО ЦИРКА

Казалось, воздух в заговоре с артистами и в нужную минуту поддерживает в самых невероятных положениях их гибкие, невесомые тела...

Тоненькая, грациозная девушка держит на лбу на высоком перше (шесте) двух своих напарниц; под самым куполом, чуть цепляясь носками за подвесные петли, ходит вниз головой гимнаст; на качающейся проволоке проделываются сложнейшие фигуры партерной акробатики.

Гармоничность движений, красота, грация и пластичность характеризуют выступления артистов Монгольского государственного цирка, органически сочетающих в своем виртуозном искусстве народные традиции с передовой культурой советского цирка.

Монгольский цирк возник недавно, и первые его опыты сложились в самодеятельности. В 1931 году советские цирковые артисты впервые выступали в Монголии. На местах их гастролей возникали самодеятельные акробатические и гимнастические кружки. В 1936 году представители монгольской молодежи приехали в Москву, в школу циркового искусства. Среди них был ныне заслуженный артист МНР Нацаг. Закончив школу, молодые мастера цирка вместе с советскими артистами в 1939 году организовали в Улан-Баторе первую цирковую студию. А 11 июля 1941 года начал свое существование Монгольский государственный цирк. И вот теперь, через 11 лет, с демонстрацией своих достижений приехал он на гастроли в СССР. В выступлениях цирка монгольского народа мы знакомимся с выдающимися его мастерами: заслуженными артистами МНР Дамдин сурэном, художественным руководителем коллектива, разносторонне одаренным актером, с обаятельным и талантливым комиком Данзаном, с исполнителем многих разнообразных номеров Нацагом, с одаренной молодежью, участниками международных фестивалей: Мажиг-Сурэн, Цэнд-Аюуш, Доржем.

1

Медленным шагом, широко взмахивая руками, словно могучими крыльями, на сцене появляют-

ся борцы. Их движения напоминают полет орла — так испокон веков начиналась монгольская национальная борьба. Несколько дней подряд идут состязания. Борются весело, увлеченно, с улыбкой и шуткой. На снимке: монгольская борьба в исполнении артистов Дамдин сурэна и Цэрэн-Доржа.

2

Непринужденность, за которой скрываются высокая техника и сила воли, характеризует выступления эквилибристов Цэнд-Аюуш и Доржа, выполняющих на головокружительной высоте сложные фигуры на лестнице, перекинутой через маленькую, изогнутую в форме лука трапецию, и воздушного гимнаста Норовцэрэна, летающего, словно на крыльях, под куполом цирка.

Особенность этого представления: каждый артист участвует в нескольких самых разнообразных номерах.

Изящно и легко выполняет Мажиг-Сурэн трудный акробатический этюд «Каучук». Эта же актриса принимает участие в трудном номере балансеров с шестами.

3 и 4

Народным юмором, простыми, безыскусными, но очень смешными репризами заполняет паузы между номерами артист Данзан. Все, что он делает, будь то «дрессировка» упрямого верблюда Бумбы, музыкальная эксцентриада или просто мимический разговор с осветителем, неожиданно и резко направившим на него прожектор, — все интересно, все увлекает зрителя.

В паре с Данзаном выступал Дамдин сурэн, многогранный артист, поражающий стремительностью и ловкостью в партерном полете, силой и сноровкой в борьбе.

5

Баланс на свободно качающейся проволоке. Артисты Хандсурэн и Ц. Дамдин сурэн.

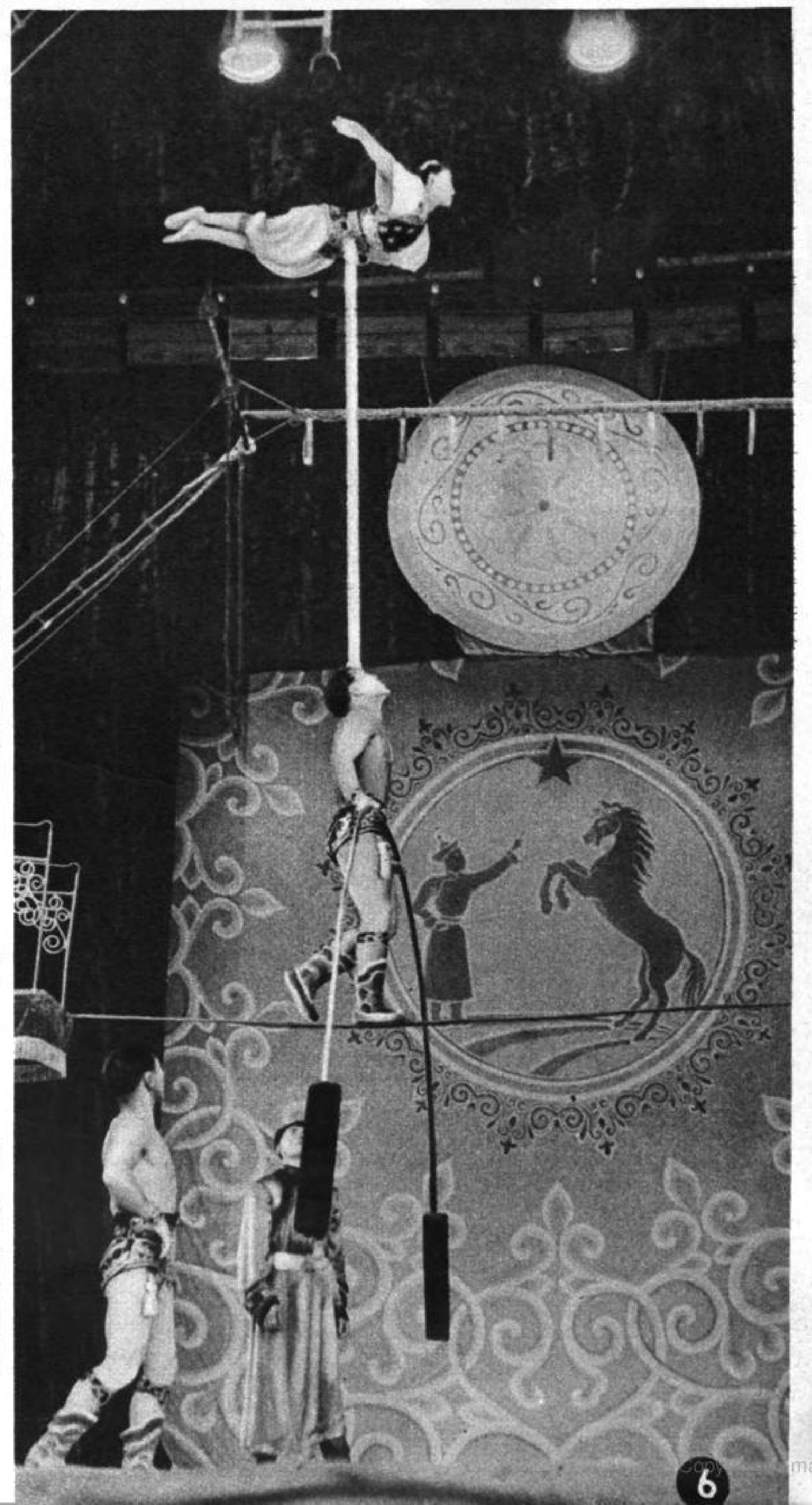
6

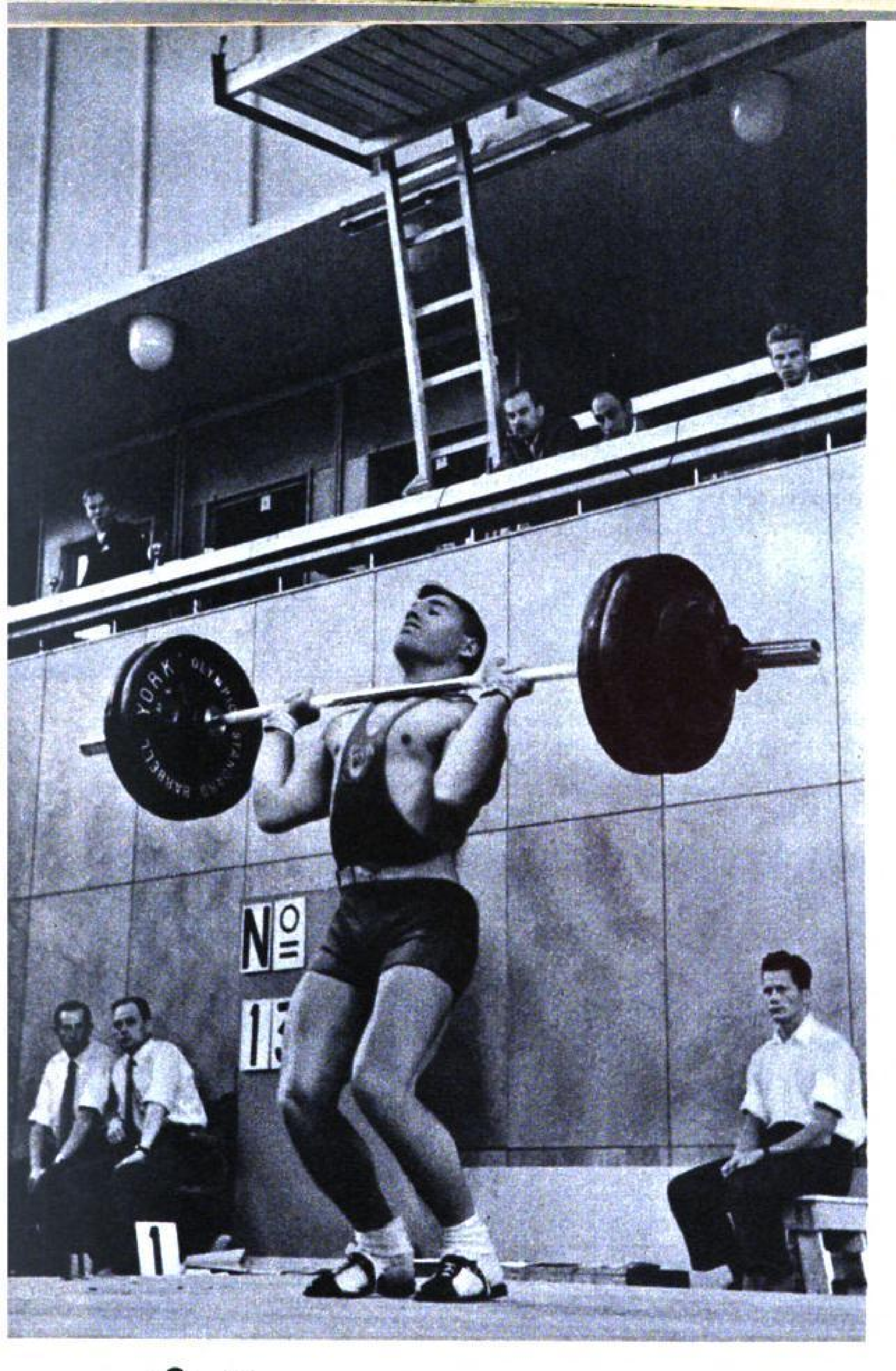
Эквилибристика, акробатические и гимнастические номера занимают ведущее место в этой яркой, богатой программе. Особенное восхищение зрителей вызвал номер эквилибристов с першем — сложнейший трюк, требующий безукоризненного чувства равновесия. С першем на лбу артист Чилхаажав поднимается по лестнице, вступает на проволоку и, спокойно пройдя по ней, спускается по другой лесенке. На вершине перша в грациозной арабеске застыла партнерша.

Зрители горячо приветствовали замечательных представителей искусства монгольского народа.

И. Семенова

Фото Е. Умнова

Поединок

И. БОРИСОВ

Фото А. Гостева

Портреты Станчика стали появляться в атлетическом журнале Боба Гофмана в конце войны. Со страниц объемистого ежемесячника улыбался белокурый юноша с непомерно широкой грудью и картинно напруженными, мускулами.

«Такие люди рождаются раз в столетие»,— писал по адресу новой звезды сам редактор журнала.

И верно, средневес Станчик начал решительно расправляться с рекордами своих соотечественников. Выступал он с одинаковым успехом во всех движениях троеборья: жиме, рывке и толчке.

Но все же, когда пробил час испытания для Станчика — первенство мира по тяжелой атлетике,— его покровитель Гофман заколебался: стало известно, что в среднем весе будет выступать знаменитый египтянин Эль-Туни, которого некоторые поспешили раньше времени сбросить со счетов. Гофман знал, что молчаливый Туни не любит шутить. Уж если он решился снова вступить в борьбу за звание чемпиона, значит, хорошо взвесил силы — свои и конкурентов. Надо было что-то срочно предпринять. Выход был найден: Станчик должен немедленно уйти из среднего веса. Лишние 7 килограммов были «ликвидированы» в рекордно короткий срок, и Станчик превратился в легковеса...

Так, кочуя из одной весовой категории в другую, Стэнли Станчик стал чемпионом и рекордсменом мира в легком, полусреднем и среднем весах. Все шло гладко в спортивной биографии Станчика до 1951 года — до встречи с советскими атлетами на очередном первенстве мира в Париже. Неожиданно для чемпиона в число лидеров выдвинулся молодой советский гиревик Аркадий Воробьев. Проиграв американцу в жиме, он догнал Станчика в следующем движении, вырвав с поразительной легкостью 132,5 килограмма — вес, равный мировому рекорду. К толчку, решающему движению троеборья, оба атлета пришли с одинаковой суммой, и впервые за свою блистательную карьеру Станчик очутился на грани проигрыша. Потный, в запятнанном магнезией спортивном костюме, стоял чемпион мира у полотняной кулисы раздевалки и издали наблюдал за третьим подходом Воробьева. 170 килограммов поднял на грудь русский атлет. Станчик поднял столько же, но американца выручила случайность: его собственный вес оказался на 600 граммов меньше веса соперника.

Трудно далась победа Станчику, очень трудно. И хотя звание чемпиона осталось за ним, судьи справедливости ради наградили и советского атлета золотой медалью.

* * *

О Станчике Ломакину много рассказывал Аркадий Воробьев.

— Сильнейший противник,— говорил Аркадий товарищу,— хватит работы и тебе и мне...

Ломакин согласно кивал головой. Он был немногословен и к тому же в предстоящем споре со Станчиком отдавал предпочтение рекордсмену мира Воробьеву. Это не было признанием собственной слабости, нет: то было великодушие равного по силе мастера, желающего своему товарищу по команде успеха, победы.

В роду Ломакиных насчитывалось не одно поколение рудокопов и золотоискателей. Отец Трофима Федор Ломакин, суровый и сильный человек, тоже работал на руднике и рано приучил своего сына к самостоятельному труду.

— Уважай труд, и люди будут уважать тебя!..

Верный отцовскому наказу, Трофим, окончив семилетку, пошел на рудник. Молодого Ломакина приняли в дружную трудовую семью. Был он хорошим товарищем, многих превосходил силой, но зря не баловал ею: знал одно — сильному человеку любая работа по плечу. А в работе Трофим был горяч, но не безрассуден: присматривался к старым рабочим, учился у них ремеслу, а подучившись, смело вступал с ними в соревнование.

Вскоре, однако, началась война. Пришло время расстаться Трофиму с родным Алтаем и поехать на запад. Кончил войну младший сержант Ломакин уже на востоке техником-прибористом в одной из авиационных частей.

В Советской Армии любят спорт, уважают крепких, выносливых воинов. Вместе с друзьями-однополчанами упражнялся Трофим Ломакин на гимнастических снарядах, бегал кроссы, играл в волейбол. Но особенно полюбил прыжки. Прыгал он с места и с разбега, в длину и высоту, легко подбрасывая в воздух свое ладно сбитое тело. Когда в части появилась штанга, решил испытать себя и в этом виде спорта. Результаты Ломакина удивили товарищей, только сейчас они по-настоящему оценили его редкую силу.

Прошел год — и 23-летний атлет-дальневосточник поехал на спартакиаду Вооруженных Сил. Соревнуясь с опытными гиревиками, Ломакин выполнил норму 1-го разряда и вошел в десятку сильнейших средневесов. Это было в 1947 году.

А еще через год молодой гиревик занимает почетное второе место на первенстве страны по подниманию тяжестей. Этот трудный вид спорта оказался по душе Ломакину. Он словно бы характером «вышел» в штангисты, умел хорошо и упорно трудиться — так, как учили его на родном руднике. Как когда-то у старых рабочих, он перенимал сейчас у тренеров и чемпионов технику движений со штангой, искусство управлять силой; как прежде в дружной семье рудокопов, он охотно соревновался с сильнейшими, не боялся спортивной борьбы, где даже побежденный не остается в проигрыше...

К победе Ломакин шел неторопливо и уверенно. Вторые места за Воробьевым и Новаком, первые рекорды в толчке для атлетов полутяжелого веса, специальный приз за лучшую технику на международной встрече советских и финских штангистов. Но самой ценной была для него награда — забота тренеров и друзей, доброе слово «вечного» соперника Воробьева.

С Воробьевым Ломакин особенно близко сошелся на сборах перед поездкой на XV мировую олимпиаду. По-прежнему оставаясь спортивными соперниками, они вместе готовились к встрече с чемпионом мира Стэнли Станчиком.

* * *

Третий день шли в зале Мессухалли соревнования «мастеров железа», как здесь называли штангистов. Уже объявлены первые олимпийские чемпионы: Иван Удодов, Рафаэль Чимишкян. Снова на пьедестал победителей поднялся американец Пит Джордж.

Готовясь к встречам на помосте, Ломакин не меняет своего обычного режима тренировки: много работает, а когда отдыхает — отдыхает активно. Чувствует он себя хорошо, на прикидках в присутствии тренера уточняет отдельные элементы техники.

До начала соревнований Ломакину так и не удалось повстречать Станчика, зато на залитой светом сцене во время парада он увидел его во всей атлетической красоте.

Силу своих мышц чемпион «раскрывает» в первом движении троеборья — жиме. Свободно, без напряжения поднимает он вес за весом. Штангу резко отрывает от груди, используя всю мощь рук и мышц надплечья. После первого движения он стал лидером соревнований. Воробьев отстал на 7,5 килограмма, Ломакин — на 2,5.

К рывку Станчик и Ломакин готовятся по-разному.

Станчик быстро подходит к весу, затем не спеша разводит руки в стороны, как бы прицеливаясь. Пальцы плотно сжаты и, как кажется Ломакину, чуть-чуть дрожат. В таком положении, с нацеленными руками, Станчик сосредоточивается. Есть в этой стойке какая-то нерешительность, боязнь лишний раз прикоснуться к металлу.

Ломакин обхватывает гриф

штанги в «замок» и, когда руки надежно соединяются со сталью, готовится к единоборству с грузом. Несколько секунд «сидит» он у отсвечивающей холодными блестками штанги, как перед трудным, но привычным делом.

На штанге 127,5 килограмма. Только что этот немалый вес вырвал Станчик. Ломакину нельзя отставать от чемпиона: надо сохранить минимальный, в 2,5 килограмма, разрыв до толчка. А там решающий бой...

Сильным, стремительным движением отрывает Ломакин штангу от помоста. Потеряй он на миг равновесие — и неподатливый вес завалит его в сторону, чуточку расслабь мышцы — и тяжесть металла согнет руки... Надо продлить это нечеловеческое усилие, удержать штангу над головой 2 секунды.

— Опустить штангу! — подает знак судья.

Вес засчитан.

Первый подход к штанге в толчке Станчик делает к 155 килограммам. Велико же его удивление, когда русские преспокойно пропускают этот вес.

— Сто шестьдесят! — отрывисто бросает американец...

С этого веса начинают Ломакин и Воробьев.

Один за другим подходят соперники к штанге. Из двадцати с лишним участников их осталось всего трое: остальные израсходовали свои силы на более легких весах. Но эта тройка не хочет уступить друг другу: все они поднимают десятипудовую штангу.

Следующий вес — 165 килограммов. Очередь Станчика.

Сколько раз рукоплескали ему зрители, поздравляя с победой! С каждой новой золотой медалью ярче вспыхивала его слава. Вот и сегодня: стоит ему вытолкнуть этот предельный вес — и снова зааплодирует зал...

Но штанга не слушается Станчика. Он не может вытолкнуть вес с груди: тяжелыми кажутся не только металлические диски, но и собственные руки. Слышится грохот падающей штанги. Станчик поспешно отходит от помоста. Сейчас чемпион мира — простой зритель, и только неудачное выступление русских атлетов может «подарить» ему победу.

Неудача постигает и Ломакина. Он неточно «подводит» себя под вес, и штанга, сорвавшись, летит вниз. Но не все еще потеряно. Остается третья, последняя попытка.

— Резче уходи под штангу,— подсказывает Воробьев.

Могучим усилием поднимает Ломакин штангу на грудь. Юркий судья-фиксатор замирает в ожидании: решается судьба первого места. Глаза судьи прикованы к грифу. Вот-вот он отделится от груди и пойдет вверх. Пошел. Удержит ли русский этот вес на выпрямленных руках? Судья выжидает секунду, другую, третью... Стальной снаряд словно прилип к ладоням, не шелохнется. Сильные руки Ломакина крепко удерживают тяжелую штангу, будто драгоценный груз.

Победа!

А через несколько дней, на заключительном параде в честь закрытия олимпийских игр, сильные руки победителя несут алое знамя Родины, во славу которой и победил Трофим Ломакин...

АЛЕКСАНДРА ЧУДИНА

Мастер спорта Л. БОРОДИНА

Поезд подходил к Хельсинки.

Каждый из советских спортсменов чувствовал в этот момент какое-то особое волнение. Оно не было похоже на то, которое возникает перед ответственными соревнованиями. Это было скорее даже радостное волнение, и возникало оно от сознания того, что здесь, в Хельсинки, предстоит не только выступить на соревнованиях, но и увидеть много интересного, встретить старых, приобрести новых друзей.

Чудина тоже испытывала это волнение, хотя она уже не один раз выступала за рубежом. Сколько знакомых встретила она и на вокзале в Хельсинки, и в спортивном городке Отаниеми, и на олимпийском стадионе!

Со многими из них она познакомилась еще в 1949 году на X Всемирных студенческих играх в Будапеште. Многих она встречала потом на соревнованиях в Чехословакии, Болгарии, Польше. Многие из них побывали за это время в Москве. Некоторых она узнала только в прошлом году в Берлине, на III Всемирном фестивале молодежи, но и к ним она относилась теперь, как к старым друзьям.

В Хельсинки Чудину часто можно было видеть в окружении спортсменов самых различных стран. Из спортивной соперницы она превращалась в интересного собеседника.

Но особенно она оживлялась, когда в гости к советским спортсменам приезжали простые люди Финляндии — жители близлежащих городов, рабочие предприятий, представители различных общественных организаций. С каким интересом беседовали они с советскими спортсменами, с каким волнением дарили на память альбомы, вымпелы — символы дружбы!

И почему-то именно здесь, в Хельсинки, Чудиной вспомнился случай, который произошел в Будапеште в 1949 году.

...Закончился II Всемирный фестиваль молодежи. Советские делегаты возвращались на родину. И вдруг перед самым отходом поезда на перрон будапештского вокзала прибежал пожилой мужчина. Он искал Чудину. Увидев ее, он взволнованно сказал что-то на ломаном русском языке. Оказывается, это был старый венгерский рабочий, который всю жизнь мечтал побывать в Советском Союзе. Он внимательно следил за выступлением советских спортсменов в Будапеште. Восхищенный спортивным мастерством Чудиной, он решил во что бы то ни стало увидеть ее и подарить ей на память альбом с видами Будапешта.

Сколько подобных встреч происходило в Болгарии, Чехословакии, Франции — повсюду, где выступали советские спортсмены! Вспомнилось, как в Париже жены шахтеров — сторонников мира — подарили ей на память косынку с изображенным на ней голубем мира и своими автографами. Вспомнилось, какой теплый прием устроили советским спортсменам простые люди Франции — рабочие завода Рено.

Как бывало радостно сознавать, что у советских людей повсюду есть друзья, которые питают большие симпатии к советским спортсменам, ревностно следят за их выступлениями, радуются их успехам!

И на олимпийских играх в Хельсинки, когда Чудиной после удачного прыжка аплодировал стадион, когда незнакомые люди дарили цветы, она испытывала такое же радостное чувство.

* * *

Еще с детства Чудина увлекалась разными видами спорта, но больше всего любила она волейбол и хоккей. Ей нравилось, что в этих видах спортсмены выступают единой, сплоченной командой и от успеха каждого зависит успех коллектива.

И вот в 1944 году Александра Чудина впервые приняла участие в легкоатлетических соревнованиях. В прыжках в высоту она показала результат 1 метр 40 сантиметров. Высокая, худощавая, угловатая в движениях девушка даже не подозревала, какие возможности таятся в ней. Ей предложили начать серьезно заниматься спортом. Чудина стала тренироваться под наблюдением одного из лучших тренеров Советского Союза Ивана Петровича Сергеева.

Сначала было трудно определить, в каком из видов спорта она добьется наилучших результатов. Одни считали, что ее призвание — бег, другие — прыжки. Но ее тренер уже тогда твердо знал, что Чудина будет отличной многоборкой. Он оказался прав. Уже в 1947 году Чудина установила мировой рекорд в пятиборье. Всесторонняя подготовка помогла ей совершенствоваться в прыжках в высоту и длину, помогла стать сильнейшим игроком Советского Союза по волейболу.

Чудина за восемь лет занятий спортом завоевала около сорока золотых и столько же серебряных медалей. За этот период она установила три мировых рекорда (два — в пятиборье и один — в эстафетном беге); семь раз она била рекорд Советского Союза по прыжкам в высоту с разбега, пять раз — по прыжкам в длину, пять раз — в троеборье, четыре раза — в пятиборье, семь раз — в эстафетах. В общей сложности она била всесоюзные рекорды двадцать восемь раз!

Чудина — единственная из участников X Всемирных студенческих игр — завоевала восемь медалей, из них четыре золотых. На III Всемирном фестивале молодежи ей вручили шесть золотых медалей.

Александра Чудина — капитан сборной команды Советского Союза по волейболу, команды, которая трижды выигрывала звание чемпиона Европы.

Но успехи никогда не кружат ей голову. Она всегда уважает своих соперниц. Тот, кому довелось участвовать в соревновании вместе с Чудиной, знает, как внимательно наблюдает она за выступлениями своих соперниц. Она всегда в нужную минуту поддержит советом, успокоит дружеским словом.

С большой радостью узнала она о том, что ее включили в состав сборной команды советских легкоатлетов для участия в XV Международных олимпийских играх. Защищать честь Советского Союза на международных соревнованиях — это большое счастье. Чудиной хотелось выступить на них как можно лучше, чтобы оправдать доверие Родины.

На олимпийских играх разносторонняя спортсменка выступала в прыжках и метании копья. Трижды поднималась она на пьедестал почета.

Первый раз это было после окончания соревнований по прыжкам в длину. Александра Чудина завоевала второе место, проиграв только рекордсменке мира Вильямс (Новая Зеландия). Советская спортсменка установила новый рекорд СССР — 6 метров 14 сантиметров.

Вторую серебряную медаль Чудиной вручили за второе место по метанию копья. В прыжках в высоту она заняла третье место.

Две серебряные и одна бронзовая медали — итог выступлений Чудиной на XV олимпийских играх.

Заслуженный мастер спорта Александра Чудина.
Фото А. Бурдукова

Немолкнущий голос

П. Павленко хорошо знаком советскому читателю и любим им как автор романов и повестей: «Счастье», «Степное солнце», «На Востоке», «Баррикады»,— как сценарист фильмов: «Александр Невский», «Клятва», «Падение Берлина». Широкий читатель был до сих пор меньше знаком с рассказами и очерками П. Павленко. Между тем, собранные в рецензируемом сборнике «Голос в пути», они показывают, что художественное мастерство писателя и его духовное богатство нашли себе и здесь, в «малых» формах, столь же яркое воплощение, как и в его крупных вещах. Это произведения последних лет жизни П. Павленко, когда он уже стал зрелым мастером реалистической прозы и очень далеко ушел вперед от ранних своих опытов в жанре рассказа. Писатель предстает перед нами вдохновенным борцом за мир, подлинным гуманистом, с огромной радостью наблюдающим красоту духовного мира советских людей и раскрывающим ее в неповторимых художественных образах.

Точно и верно сказал П. Павленко в своих воспоминаниях о Горьком: «Не в пример другим, он не был способен писать «для себя», жить в воображаемом мире, вне связи с миром действительности, писать лишь для того, чтобы «выражать» себя. Горький по складу своей натуры был агитатором. Все написанное им было действием, и невозможно, немыслимо представить себе Горького затворником, сочинителем произведений, рассчитанных на любителя.

Вести за собой, преображать, перестраивать, обогащать, совершенствовать — вот что лежало в основе горьковского отношения к искусству».

Это понимание творчества Горького как действенной, целеустремленной, активной силы чрезвычайно характерно для художественного мировоззрения П. Павленко. Идя по пути, завещанному Горьким, он сознательно воспитывал в себе черты, так зорко подмеченные им в облике своего великого учителя.

Со свойственным ему темпераментом раскрывает Павленко свой талант в очерках, посвященных Германии, США, Италии. В их основу легли послевоенные впечатления П. Павленко, много ездившего по белому свету в качестве посланца советской державы, ее культуры, ее искусства.

Павленко был талантливым и страстным художником. В одной — двух фразах он умел передать облик города, в который он впервые приехал, одной — двумя фразами описать облик встреченного человека, будь то друг или враг, прибавить еще несколько своеобразных, быстрых, темпераментных мазков,— и перед нами вставала картина, подчас не законченная, но поражающая своим сходством с действительностью, своим неповторимым колоритом.

С особенной силой это качество проявилось в «Итальянских впечатлениях» — большом очерке, рисующем Рим, Неаполь, Милан, Венецию наших дней. П. Павленко мастерски владеет здесь оружием иронии, направленным против господствующих классов современной Италии, против американских оккупантов, попирающих своими сапогами древнюю культуру страны, против слуг Ватикана и, наконец, против людей, стоящих в стороне от грандиозной битвы за мир.

Но сколько любви, сколько горячих, восторженных слов находит П. Павленко, когда он начинает говорить о народной Италии, о ее простых людях, тружениках и борцах!

С гневом рассказывает писатель о бедствиях трудящихся масс, которые он наблюдал в этой чудесной стране. «...нищета Неаполя, хотя она и потрясает даже того, кто видел Стамбул, еще не самая крайняя нищета,—Сицилия беднее. Она—европейский Цейлон по красоте и Ирландия по нищете. Человек, владеющий конем,— маркиз, хозяин осла — счастливец...»

Беспощадная правдивость — неотъемлемое свойство советской литературы, завещанное ей ее основоположником — Горьким. Павленко достойно продолжает традиции своего учителя. С той же правдивостью, как и об Италии, пишет он о современной Америке — «стране без цели и надежд», живущей «вслепую». П. Павленко описал недолгое пребывание советской делегации на Всеамериканском конгрессе в защиту мира — пребывание, столь грубо прерванное прокурором города Нью-Йорка, потребовавшим, чтобы немедленно по окончании работ конгресса советские гости покинули страну. Но даже то немногое, что увидел в 1949 году в США Павленко, еще раз свидетельствует о произволе реакции, о военной истерии владык Уолл-стрита, о неудержимой воле широких масс американского народа к миру, к подлинной демократии.

Рядом с «Американскими впечатлениями» в сборнике помещен очерк «Крым, которого еще не было», помеченный 1950—1951 годами. Это романтически вдохновенный рассказ о том грандиозном наступлении на природу, которое по инициативе партии большевиков начато советскими людьми. Горячий патриот Крыма, его житель, его активный и неутомимый общественный деятель, П. Павленко рассказывает о том, как преобразит природу и хозяйство края Северо-Крымский канал. Огромной любовью к советским людям, к их счастливым творческим замыслам, к их светлому будущему проникнут этот очерк.

Кроме очерков и воспоминаний, в книге помещено много рассказов. В этих рассказах раскрывается внутренний мир советских людей. Здесь мы находим великолепный «Неопубликованный рассказ» (писатель не успел дать ему окончательное заглавие и до конца отделать его). В нем П. Павленко говорит о великой силе самоотверженной женской любви, побеждающей любые испытания, любви чистой, нежной, поистине вдохновенной. Здесь и рассказ «Голос в пути», давший заглавие всему сборнику. В нем писатель говорит, как подчас трудно бывает идти вперед, пробиваясь через ночной туман в горах. В рассказе описан реальный, конкретный случай с двумя путниками. Но велик его обобщающий смысл: «Пусть слаб голос, пусть дрожит он от усталости и перенапряжения, но иди, неумолимо иди вперед и зови за собой...»

Превосходны рассказы П. Павленко, посвященные героям Великой Отечественной войны,— «Григорий Сулухия», «Мой земляк Юсупов», «Маленькие рассказы». И, наконец, «Сила слова», о том, как несколько десятилетий тому назад в сибирской ссылке ждали молодого партийного докладчика. Он обещал прибыть на совещание. Но нужно было перебраться через широкую реку, а это по условиям погоды было весьма трудно и опасно. Но вот люди увидели необычное: человек в меховой ушанке с трубочкой в зубах плыл через битый лед, стоя в лодке, которую тащила по берегу собачья упряжка. Так прибыл партийный докладчик на назначенное совещание.

«Я не знаю,— пишет П. Павленко,— было ли это в действительности так и нет ли вымысла в этой рассказанной мне поэтической новелле, но я хочу, чтобы все это было правдой, потому что нет для меня ничего правдивее и лучше этого рассказа о верности слову и о силе слова».

Так, в разных поворотах жизни и судьбы один за другим раскрываются в рассказах писателя люди наших дней и их предшественники — герои большевистского подполья минувших лет. Да, поистине нечто горьковское — красивое, благородное, романтическое, подлинно человечное — звучит в этих чудесных рассказах П. Павленко. По праву мы можем назвать этого безвременно умершего, выдающегося советского писателя одним из достойных учеников славного «буревестника» революции и литературы.

Ан. ТАРАСЕНКОВ

П. Павленко. Голос в пути. Рассказы, воспоминания, очерки. «Советский писатель». М. 1952. 432 стр.

Создатель техники будущего

В 1944 году в Научно-исследовательском институте физики Московского университета пришлось отодвинуть от стены огромный библиотечный шкаф. Сдвинув шкаф, рабочие увидели в стене нишу, а в ней большой ящик, доверху набитый какими-то бумагами.

Был вызван профессор А. К. Тимирязев, руководящий в университете кафедрой истории физики. Можно себе представить волнение ученого, когда он понял, что в ящике архив его учителя, великого русского физика Александра Григорьевича Столетова!

Мы хорошо помним великолепные воспоминания К. А. Тимирязева о Столетове, своем друге и соратнике в борьбе за передовую материалистическую науку, великом ученом, строгом к себе и другим, правдивом до беспощадности, человеке неугасимого творческого горения.

Историки русской науки хорошо знают также работу о Столетове профессора А. П. Соколова — его ученика и помощника. В ней мы видим Столетова — великого труженика, блестящего лектора, воспитателя молодого поколения русских физиков, создателя первой в стране учебно - исследовательской физической лаборатории.

Но бумаги, найденные в ящике, простоявшем за шкафом пятьдесят лет, необычайно расширили наше представление о Столетове. Впервые мы увидели его на широком фоне научной жизни России того времени. Большинство бумаг оказалось письмами, присланными великому ученому. Тут были письма его учеников, его товарищей, участников так называемого «столетовского кружка» и петербургских физиков, письма астрономов, географов и метеорологов, химиков, ботаников и математиков. Столетов переписывался с Н. Е. Жуковским и П. Н. Лебедевым, с Ф. А. Бредихиным и В. В. Докучаевым, с Н. В. Склифосовским и К. Э. Циолковским. В ящике лежали также письма крупнейших зарубежных ученых: Гельмгольца, Липпмана, лорда Кельвина и написанные по-русски письма голландского физика Каммерлинг-Оннеса...

Книга В. Болховитинова, основанная на новых архивных материалах, представляет собой, по сути дела, первую оригинальную биографию Столетова. Популярная книга, рассчитанная на очень широкий круг читателей, эта работа в то же время является и самостоятельным исследованием. С кропотливой тщательностью, с любовью автор собрал и использовал все, что имеет хоть какое-нибудь отношение к его герою: дела Московского государственного университета и вновь найденную переписку, комплекты старых газет, протоколы ученых обществ, детский дневник Столетова и выпускавшийся им детский рукописный журнал, неопубликованный дневник сестры и воспоминания племянника ученого. Но В. Болховитинов сумел не только собрать многочисленные и интересные факты, он подчинил их единому замыслу: показать Столетова всесторонне — как человека, как ученого, как общественного деятеля, как основателя первой в России школы русских физиков.

Лучше всего В. Болховитинову удались страницы, где он показывает Столетова-ученого.

«Физическая наука в ее идеальном виде является сочетанием творческой мысли с экспериментальным искусством»,— говорил Столетов. Но эти замечательные слова еще не полностью исчерпывают его собственной творческой индивидуальности. Третьей стороной его научной работы были непосредственное ее применение на практике, связь с живой жизнью.

Огромное значение для техники имели работы Столетова по магнетизму. Ведь магнит — сердце каждой электрической машины, и без теории намагничения изобретатели бродили, как в потемках, наудачу, наощупь отыскивая размеры и форму электрических машин и их главной части — электромагнитов. Столетов это понимал. «Знание свойств железа относительно временного намагничения так же необходимо здесь,— писал он,— как необходимо знакомство со свойствами пара для теории паровых машин». И своей работой о намагничении железа Столетов заложил основу научной электротехники, дав формулы, которыми до сих пор пользуются инженеры всего мира.

Но наибольшее значение для техники имели работы Столетова по фотоэффекту — исследование превращения света в электричество и создание первого в мире фотоэлемента. Именно эти его открытия делают знаменитого русского физика с каждым годом все более великим; новые успехи науки подтверждают правоту его глубоких прозрений: все больше развиваются и открывают перед нами свои неисчерпаемые, поистине фантастические перспективы автоматика, телемеханика и электроника, созданные его гением.

О науке, о технике, о сущности работ Столетова в книге В. Болховитинова рассказано просто, точно и интересно. Хорошо показана общественная деятельность знаменитого ученого, его темпераментная борьба с косными титулованными чиновниками царской России и с учеными-реакционерами Оствальдом и Махом, проповедовавшими физический идеализм. Но портреты живых людей удались автору гораздо хуже.

Не удалось автору создать и образа Столетова-человека, одновременно сдержанного и страстного, сочетавшего широчайшие научные интересы с превосходным знанием живописи и поэзии, прекрасного музыканта и подлинного художника слова.

Говоря о «творческом почерке» своего героя, В. Болховитинов очень кстати вспоминает известный рассказ о художнике Брюллове:

«Поправляя однажды картину своего ученика, знаменитый художник только чуть-чуть прикоснулся к ней кистью. И безжизненная прежде картина от этого сразу же ожила. В ответ на удивленный вопрос ученика, пораженного таким эффектом, Брюллов сказал: «Искусство начинается там, где начинается «чуть-чуть».

Своей работой Столетов ярко показал, что слова Брюллова можно отнести и к искусству экспериментатора».

К сожалению, этот превосходный тезис автор не раскрыл в книге полностью.

...Более полувека отделяет нас от дня смерти великого физика, но только теперь входит в наш повседневный быт многое из того, что было создано им.

Фонари на улицах большого города автоматически зажигаются с наступлением темноты и гаснут с рассветом. Ими управляет чудесный фотоэлемент.

Умные приборы следят за температурой печей во время плавки металла, бракуют окраску продукции, ведут счет готовых изделий, «читают» чертежи и управляют автоматическими станками, работающими без людей. Все это делают фотоэлементы.

Современная бильдтелеграфия, телевидение, звуковое кино, радиолокация немыслимы без фотоэлементов, без электронных приборов. И весь этот мир электроники, телемеханики и автоматики вызван к жизни гениальными работами Александра Григорьевича Столетова.

К. АНДРЕЕВ

В. Болховитинов. Александр Григорьевич Столетов. «Молодая гвардия». (серия «Жизнь замечательных людей»). М. 1951. 544 стр.

«Скирли» — слово звукоподражательное. По-разному пишется, по-разному произносится. Будучи междометием, оно передает скрип деревянной ноги медведя из народной сказки. Здесь же употреблено как существительное для обозначения этих маленьких произведений.

Скирли сродни басне и сказке и в то же время отличаются от той и другой.

М. МАЛИШЕВСКИЙ

Рисунки Е. Ведерникова

ЭЗОП И ОСЕЛ

На пороге нового века стоял Эзоп и дописывал басню. Дописав, он оставил ее у порога, а сам прошел в новый век.

Со своей рухлядью на спине в новый век подымался из старого века Осел. Заметив басню, он откинул ее копытом и сказал:

— В новой жизни тебе не может быть места! Ты — прошлое!

Ступил на порог, переждал, пока в новый век войдут новые люди, почтительно пропустил их и вслед вошел сам.

За ним вошла басня.

ЛЯГУШАЧЬЯ СКРОМНОСТЬ

Лягушка наставляет своего Лягушонка:

— Не хвастай, как в басне, что ты раздуешься до размеров быка! Пусть убедятся, что ты и нераздутый больше быка!

ЯСТРЕБ И ЦЫПЛЕНОК

Ястреб дружил с Цыпленком. Вдруг Ястреб Цыпленка съел.

Цыпленок спрашивает:

— Зачем ты меня съел? Ведь мы же были друзьями!

Ястреб отвечает:

— В личной жизни мы, конечно, и останемся друзьями, но в официальных отношениях мы должны быть тем, что мы есть на самом деле. Кто бы нам поверил, что дружили действительно Ястреб и действительно Цыпленок, если бы я тебя не съел?

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВИДОВ

— От кого произошли звери? — спросил Лев.

— Господин Лев! Звери произошли от быков! — сказал Бык.

— Дилетантская чепуха! — ответил Лев. — Звери не происходили от быков!

— Господин Лев! — сказал Слон. — По новейшим данным, звери произошли от слонов!

— Неверно! — ответил Лев. — Академическая ограниченность! Звери не происходили от слонов!

И каждый зверь говорил, что звери произошли именно от его родичей.

И каждый раз Лев определял выступление как неудовлетворительное, но, сдерживая себя в своих собственных лапах, пока что проявлял терпимость ко всем взглядам.

Тогда Обезьяна, как самое развитое животное, смекнула:

— Господин Лев! Вы имеете в виду учение о происхождении видов?

— Конечно! — восхитился Лев.

— Я могу вам ответить. Звери произошли от людей!

— Неточно! Неисчерпывающе! — морщился Лев, ища правильное решение вопроса.

— Господин Лев! — встала Горилла. — Звери произошли от людей высшей расы!

Лев согласился.

СОРОКА И СОВА

Сорока оболгала Грача, оклеветала его жену, очернила детишек.

Вылупила Сова глаза вдвое против положенного:

— За что же ты, Сорока, Грача так?

— Ни за что! К слову пришлось!

— А если Грач узнает, ты как на это?

— Извинюсь, и все! Небось, ему лестно от меня извинение получить!

ЗАЯЧЬЕ САМОЛЮБИЕ

— Правда, Зайчик, если верблюд или слон плюнут тебе в рыльце, ты не обидишься?

— Если верблюд — да! Если слон — нет! — ответил Заяц.

Потом подумал и сказал:

— Если верблюд — нет! Если слон — да!

На премьере

А. ВАЙДЫ

Пара, пришедшая на премьеру новой пьесы и севшая впереди меня, ничем не отличалась от остальных зрителей. Он называл ее Зосей, а она его Ежи, в чем тоже не было ничего удивительного, так как Зося — имя женское, а Ежи — мужское.

Занавес раздвинулся. Сцена представляла собой комнату начальника тракторной станции. Симпатичная трактористка Ягенка оживленно разговаривала с начальником станции Мацеком.

— А теперь будь внимательна, Зося, — прошептал сидящий передо мной молодой человек, — она скажет, что согласна уехать.

В это же время трактористка ударила кулаком по столу и энергично сказала:

— Делайте что хотите, но я никуда не уеду!

— Ничего не поделаешь, небо из-за этого не обрушится, — блестяще парировал начальник станции.

— Ежи, а она ведь не уезжает, — шепнула сидящая передо мной молодая женщина.

— Вот увидишь, она ждет, когда придет старичок, ее отец.

В ту же минуту вбежал мальчик в коротких штанишках.

— Это, наверно, сын начальника, — сказала Зося.

— Его усыновят только в третьем действии, — пояснил молодой человек.

— Папа! — звонко крикнул мальчик. — Я получил сегодня пятерку.

— Это хорошо, сынок, лучше пятерка, чем двойка, — не без остроумия заметил начальник.

Я с презрением посмотрел на молодого человека. Хвастун! Он хочет поразить свою девушку знанием пьесы, а сам все время попадает пальцем в небо. Удивительно, как Зося терпит его.

Первый акт подходил к концу.

— А теперь, — продолжал шептать столь же упрямый, сколь и незадачливый предсказатель, — этот вдовец Мацек сделает ей предложение, а она ему откажет.

— Я люблю тебя, хочешь ли быть моей женой, Ягенка? — донеслось в это время со сцены.

— Хочу, мой дорогой, мой единственный Мацусь!..

Зажегся свет. Я не мог сдержаться и обратился к молодому человеку:

— Прошу прощения, но я невольно слышал все, что вы говорили своей соседке. Мне случалось встречать в театре людей, которые, зная пьесу, предупреждали события, но вы все время говорили вещи, диаметрально противоположные тому, что потом происходило на сцене. Как это объяснить?

Молодой человек был смущен.

— Не знаю, — пробормотал он. — Видите ли, дело в том, что эту пьесу написал я... Но между тем... Режиссер, знаете ли... дирекция... Одним словом, теперь я сам в ней плохо разбираюсь.

Перевод с польского
П. АРГО

В АМЕРИКАНСКОЙ ШКОЛЕ

— Ваш сын, мистрисс Бакстер, стрелял во время урока из рогатки, — жалуется учитель.

— Ах! Этот шалун опять потерял кольт, который я подарила ему ко дню рождения.

Фисташковые леса

На горных склонах Гиссарского хребта и его отрогов, в предгорьях Багхыза растут невысокие, с густой кроной деревья. В лапчатой листве их скрываются кисти удлиненных зеленых плодов с миндалевидными орехами внутри — это фисташки.

Фисташковые леса занимают на южных окраинах республик Средней Азии огромную площадь — свыше трехсот тысяч гектаров. Особенно много их в Таджикистане. Недаром Сталинабад иногда называют «столицей фисташки».

Фисташники не похожи на обычный лес. Деревья в нем стоят далеко одно от другого, и островки тени не сливаются между собой. Встречаются лишь протянувшиеся на 20—30 метров под землей корни соседей-деревьев. Фисташка прекрасно растет и плодоносит в зоне сухих гор, где не выживает никакое другое плодовое дерево. Ее мощные корни не только питают темную крону, но и скрепляют почву, сохраняя ее от размыва и выдувания. В фисташниках теряет свою силу и суховей «афганец».

Осенью оживают предгорья, начинается сбор урожая. Сотни тонн вкусного и питательного ореха — фисташки — каждый год потребляет пищевая промышленность страны. Лапчатая листва, околоплодники и особые наросты на листьях содержат дубильные вещества.

Однако самое ценное у фисташки — ее смола. Полотна великих мастеров Возрождения сохранили до наших дней во всей их свежести тончайший слой нанесенного поверх красок драгоценного лака «мастикса» — смолы мастичного дерева. Смола фисташки — фисташковый терпентин,— как показали опыты, по качеству не уступает «мастиксу».

Разводить фисташку считалось раньше невыгодным. Дикорастущие деревья начинают плодоносить лишь на двенадцатый год и в самый расцвет жизни — в столетнем возрасте — дают в среднем всего лишь по 1—1,5 килограмма орехов. Все другие полезные качества фисташки практически не использовались.

Изучение фисташковых лесов началось лишь в наше время. Среднеазиатский научно - исследовательский институт лесного хозяйства занимается селекцией и размножением сортовой фисташки 15 лет. Селекционеры отобрали более десяти лучших сортов ореха и на границе лесных массивов Узбекистана и Таджикистана создали культурный лесосад. Отсюда облагороженные сорта продвигаются в горные леса. Новые сорта фисташки начинают плодоносить уже в шестилетнем возрасте, а десятилетнее культурное дерево дает орехов столько, сколько дикая столетняя фисташка.

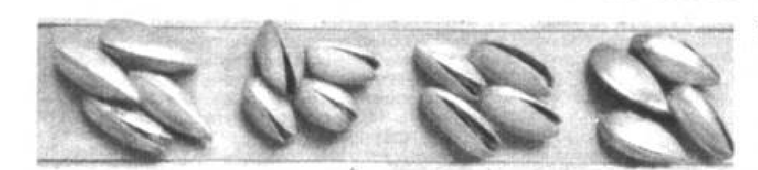
Фисташка размножается только семенами: саженцы ее не приживаются. Почти невозможными считались ранее и прививки: смола быстро затягивала место надреза, и черенок, не получая питательных соков дерева, засыхал. Новый метод прививок, разработанный кандидатом сельскохозяйственных наук И. К. Тросько, и выведенные им новые сорта позволили перейти к широкой реконструкции фисташковых лесов. Новые сорта привиты уже на десятках тысяч деревьев. Началась переделка лесов.

Фисташка считалась деревом гор. Но сейчас с сухих склонов гор ученые заставляют ее спускаться на равнины. На тысячах гектаров южных долин Средней Азии зеленеют молодые фисташковые рощи, посеянные человеком.

У фисташки большое будущее. Выносливое, не боящееся засухи и соленых почв дерево самой природой предназначено для освоения песков. Вдоль трассы будущего Главного Туркменского канала немало найдется излюбленных фисташкой известковых земель, и с опаленных солнцем сухих предгорий фисташковые рощи шагнут вглубь пустыни, встанут зелеными барьерами на пути ветров.

Над этой задачей и работают сейчас лесоводы Средней Азии.

Н. СОЛОВЬЕВА

В этом номере помещены две страницы репродукций картин Хусепе Рибера «Голова старика», «Иаков Старший», одна страница акварелей А. Лурье и пять страниц цветных фотографий.

Белухи

Нам сообщили, что в бухте собираются ловить белух. Белуха, или полярный дельфин,— морской зверь из подотряда зубастых китов.

В назначенный день мы отправились на берег и расположились в условленном месте. Начался прилив. Песчаная отмель целиком скрылась под водой. Вскоре появились белухи. Над водой сверкали их горбатые спины.

Стадо приближалось к берегу, играя уже на затопленной отмели. Левее нашего наблюдательного пункта в море вышел катер. Его машина, специально приспособленная для этой цели, работала бесшумно. Белухи боятся посторонних звуков. Поэтому старшина катера подавал команду не голосом, а жестами.

На катере находился невод длиной в три тысячи метров, конец которого был укреплен за сваю на берегу. По мере продвижения судна невод выбрасывали за борт.

Катер сделал полукруг и стал на якорь недалеко от берега, справа от нас. Основная масса зверя оказалась в кольце невода.

Тем временем в бухту вошли лодки и расположились за неводом вдоль линии поплавков. Когда какая-нибудь белуха направлялась в сторону открытого моря, сидевшие в лодках начинали стучать палками и бить в деревянные колотушки. Зверь отплывал к берегу. Если бы он бросился на преграду, его, конечно, не удержала бы веревочная сетка.

Вода между тем убывала. Все чаще слышались на лодках стук и крик, все ближе к лодкам как бы вскипала вода, и вдруг шестиметровое чудовище появлялось на поверхности, выбрасывая фонтан. Шум был уже недостаточен, чтобы удержать животных. Пошли в ход шесты и багры, которыми отгоняли напиравших на оцепление белух.

Был момент, когда казалось, что звери уйдут. Несколько крупных самцов насели на невод одновременно. За ними теснились все остальные. Но и ловцы в лодках не дремали. Они сгрудились к месту возможного прорыва и соединенными усилиями загнали стадо в котловину.

Вода упала еще, и белухи уже не могли выйти из котловины: кругом стало слишком мелко.

Катер понемногу отходил, свертывая ставший ненужным невод. Его дело было сделано. Подождав немного, ловцы вышли из лодок в воду, держа в руках берданки и мелкокалиберные винтовки. Белухи не могли двинуться. На мели их придавливал к земле вес собственного тела. В несколько минут все они были перебиты из ружей. На хвост каждой накинули петлю, соединенную с общим тросом, а во время вечернего прилива катер отбуксировал их всех сразу к рыбозаводу.

В стаде оказалось семнадцать взрослых белух. Это было небольшое стадо. Рыбаки говорили, что иногда в невод попадает более двухсот животных.

С каждой белухи, весящей около тонны, снимают до трехсот килограммов жира, употребляемого в пищу и для технических надобностей.

Г. СЕРПОВСКОЙ

Побережье Охотского моря.

Между прочим

Некая юная поклонница таланта Бернарда Шоу обратилась к нему с письмом, в котором сообщала, что ей подарили ко дню рождения прелестную собачку. Девочка хотела бы дать милому животному имя «Шоу» — своего любимейшего писателя, у которого она и просит на это согласия. Шоу ответил:

«Дорогой мой маленький друг, я в совершенном восхищении от вашего предложения. Но нужно вам все же спросить и собачку!»

* * *

Известный французский писатель-философ Монтень заметил однажды, сидя в обществе:

— Видимо, всего справедливей распределен в мире разум...

— Из чего вы это заключаете? — спросили его.

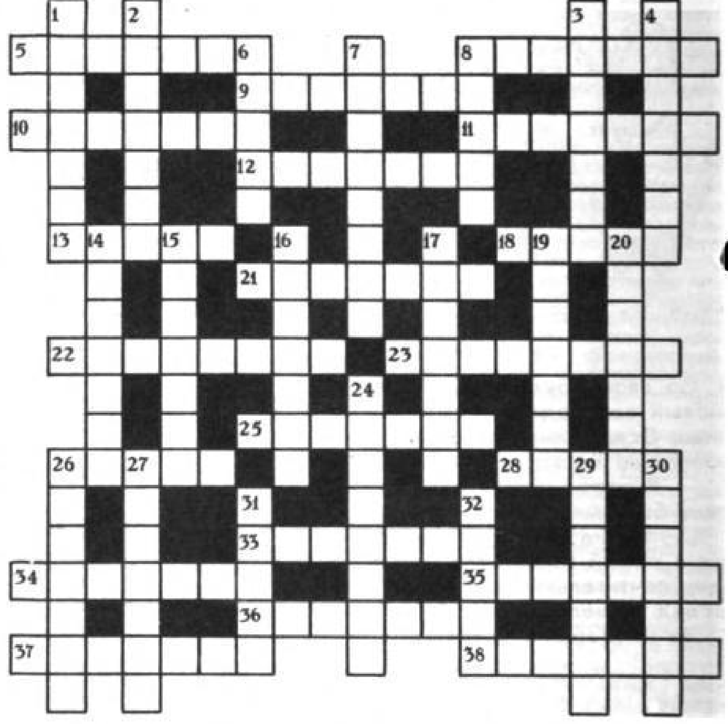
— Ясно,— ответил Монтень,— никто ведь не жалуется на нехватку его...

* * *

Во время горячего спора один из оппонентов Вольтера назвал его невменяемым человеком. Вольтер, улыбаясь, взглянул на противника и сказал:

— Дорогой профессор, я считал вас до сих пор умным человеком. Вы считаете меня идиотом. Что же, быть может, мы оба ошиблись?

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Водная сернокислая соль тяжелых металлов. 8. Пьеса А. М. Горького. 9. Отрезок, соединяющий вершину треугольника с серединой противолежащей стороны. 10. Карело-финский музыкальный инструмент. 11. Крупный садовый цветок. 12. Город в Канаде. 13. Задаток. 18. Двигатель. 21. Предводитель крестьянского восстания XVIII века. 22. Вид спорта. 23. Советский писатель. 25. Исполнитель, в совершенстве владеющий техникой своего искусства. 26. Рыба. 28. Уборка хлебных злаков. 33. Советская шахматистка. 34. Виноградный сахар. 35. Вид городского транспорта. 36. Русская народная игра. 37. Пресмыкающееся животное. 38. Единица количества тепла.

По вертикали:

1. Один из сортов пшеницы. 2. Учреждение. 3. Басня И. А. Крылова. 4. Средний уровень воды в водоеме. 6. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 7. Вьющееся кустарниковое растение. 8. Транспортное средство. 14. Восхищение. 15. Оптический прибор. 16. Прерывистая линия. 17. Дважды Герой Советского Союза. 19. Часть города. 20. Произведение И. А. Гончарова. 24. Картина художника В. Г. Перова. 26. Название некоторых учебных заведений. 27. Разновидность тополя. 29. Духовой музыкальный инструмент. 30. Воздушный флот. 31. Столица европейского государства. 32. Морское млекопитающее.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

3. Трансформатор. 8. Арбенин. 10. Житомир. 12. Ижора. 14. Диона. 17. Росси. 18. Ковалевская. 19. Вопросник. 21. Миллиметр. 23. Смерч. 24. «Егерь». 27. Ромашкова. 29. Сепаратор. 32. Минералогия. 33. Китай. 34. Метил. 36. Обзор. 38. Вородач. 39. Артерия. 40. Исследователь.

По вертикали:

1. Орден. 2. Лотос. 4. Санитария. 5. Можайский. 6. Принцип. 7. Низовье. 9. Шопен. 11. Мировоззрение. 13. Историография. 15. Конструкция. 16. Каллиграфия. 20. Рампа. 22. Марка. 25. Двоеточие. 26. Мелодрама. 28. Мегафон. 30. Течение. 31. Пауза. 35. Шоссе. 37. Ветла.

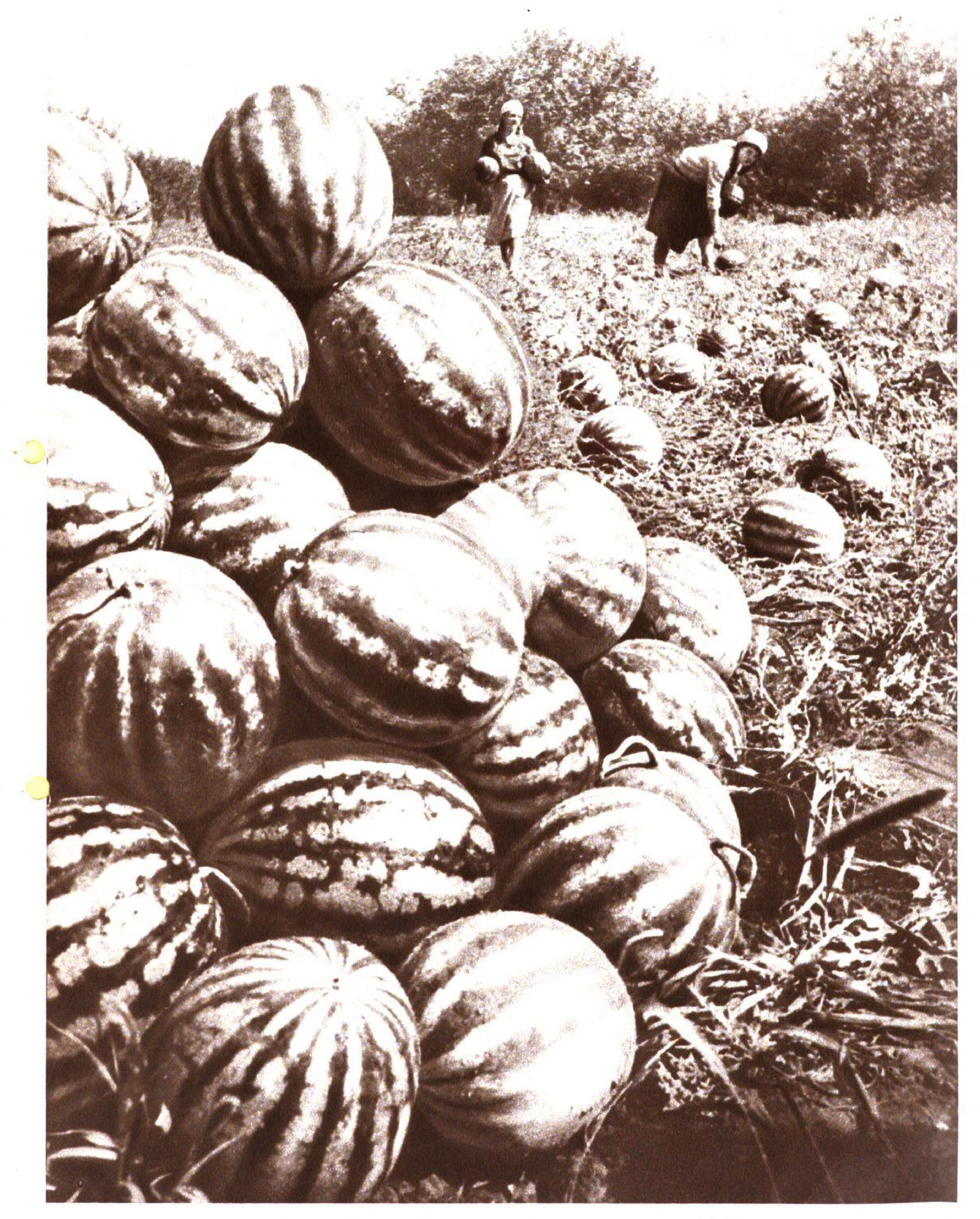
Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора) А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 04474. Подп. к печ. 26/VIII. 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 672. Заказ 1919. **Рукописи не возвращаются**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

На бахче колхоза имени Буденного, Слободзейского района, Молдавской ССР.

Фото Н. Максимова

ЦЕНА 3 РУБ.